

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Болдырев Сергей Михайлович

**СПЕЦИФИКА МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА В МИРНОЕ ВРЕМЯ И В
ПЕРИОД ВОЕННОГО КОНФЛИКТА**

5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор наук по социальным
коммуникациям, доцент

Артамонова Инесса Михайловна

Донецк – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА	12
1.1 Определение понятия «дискурс».....	12
1.2 Текст, медиатекст, гипертекст: генезис терминов.....	21
1.3 Речевое воздействие: стратегии, тактики и приемы.....	32
1.4 Дискурс-анализ телевизионного медиатекста: теоретические аспекты.....	43
Выводы по первой главе	54
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ, ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА	58
2.1 Эволюция телевизионного новостного дискурса	58
2.2 Современные требования к структуре и языку телевизионного новостного дискурса	78
2.3 Комплексная методология анализа телевизионного новостного дискурса	88
Выводы по второй главе	93
ГЛАВА 3. АНАЛИЗ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА УКРАИНСКОГО ТЕЛЕКАНАЛА «ДОНБАСС» В МИРНОЕ, ПРЕДВОЕННОЕ И ВОЕННОЕ ВРЕМЯ.....	95
3.1 Специфика новостного дискурса на телеканале «Донбасс» в мирное время ...	95
3.2 Манипулятивные технологии в новостном дискурсе телеканала «Донбасс» при освещении гражданского противостояния на Украине	111
3.3 Новостной телевизионный дискурс ТК «Донбасс» в период военного конфликта: манипулятивные средства воздействия на аудиторию	142
Выводы по третьей главе	181
ГЛАВА 4. СПЕЦИФИКА МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕЛЕКАНАЛОВ.....	185
4.1 Особенности манипулятивных приемов новостного дискурса телеканалов Би- би-си (Великобритания) и Эй-би-си (США) в период 2012–2022 гг.	185

4.2 Специфика манипулирования сознанием адресата англоязычными каналами в начальной стадии проведения СВО на Украине (2022 г.)	228
Выводы по четвертой главе	243
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	247
СЛОВАРЬ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ТЕРМИНОВ	254
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	255

ВВЕДЕНИЕ

С момента своего появления телевидение считается уникальным синтетическим искусством, вобравшим в себя самые различные формы и способы подачи информации зрителю. Несмотря на появление и активное развитие интернет-технологий, до настоящего времени телевидение является одним из наиболее массовых и влиятельных СМИ. По данным различных исследователей, в настоящее время в России более половины населения страны регулярно смотрит телевизор. Более того, согласно исследованиям ВЦИОМ в 2023 г. именно телевидение пользуется наибольшим общественным доверием в России (53%). Интерес к новостным программам резко возрастает в периоды значимых событий внутри страны и за ее пределами. Так, с началом Специальной военной операции на Украине, доля просмотра новостных и социально-политических программ всех жанров значительно увеличилась — с 16% в феврале 2021 года до 36% в апреле 2022 года.

Средства массовой информации уже давно превратились в инструмент мощного воздействия на сознание потребителей их продукции. Функцию информирования, свойственную СМИ на протяжении всего периода их существования, все чаще дополняет (а иногда и замещает) идеологическая функция (формирование общественного мнения). Медиа уже не только объективно передают информацию, но зачастую сами продуцируют инфоповоды, привносят дополнительные смыслы в новостные сообщения или же конструируют новые медиареальности, не имеющие ничего общего с действительностью.

При этом в научной деятельности телевизионный новостной дискурс остается малоизученной областью. Отчасти это связано с мультисемиотическим характером теледискурса — в нем присутствуют различные формы донесения информации (текстовые, видео, аудио и графические материалы). В периоды военных столкновений все эти составляющие используются для оказания определенного воздействия на адресата. Особого внимания заслуживают

имплицитные манипулятивные приемы, которые применяются для конструирования смыслов в различных семиотических формах телевизионного новостного дискурса.

Актуальность данного исследования связана с возрастающей ролью телевидения в процессах формирования общественного мнения. Особенно важно учитывать этот компонент в периоды информационного противостояния или реального военного конфликта. В связи с этим возникает необходимость комплексного анализа различных тактик и стратегий речевого воздействия, используемых в телевизионном новостном дискурсе.

Степень разработанности проблемы. Вопросы, связанные со спецификой создания и восприятия медиадискурса, активно изучаются учеными разных научных направлений: журналистами, лингвистами, социологами, психологами, философами. Однако подробных исследований в области речевого воздействия телевизионного новостного дискурса военного конфликта до сих пор представлено не было. Основополагающими для данного исследования стали работы ученых, занимающихся изучением дискурса, медиатекста и методик дискурс-анализа. В частности, это труды зарубежных ученых: А. Белла [173], Э. Бенвениста [11], Р. Водак [18; 191; 192], Т. ван Дейка [30; 175; 176], М. Йоргенсен [48], Г. Кресса [72; 182], Дж. Поттера [187], П. Серио [145], Л. Филлипс [48], М. Фуко [159], Н. Фэркло [177; 178; 179], З. Харриса [181]. Значительный вклад в развитие теории дискурса и дискурс-анализа внесли отечественные ученые: В. И. Карасик [51; 52], Н. К. Кравченко [69], В. В. Красных [71], Е. С. Кубрякова [74; 75; 76; 77], М. Л. Макаров [87], Т. М. Николаева [99], О. Ф. Русакова [137; 138; 139]. Большое значение имеют работы, посвященные проблемам тележурналистики и специфике новостного теледискурса. Среди авторов подобных трудов: А. Н. Дедов [28], Т. Г. Добросклонская [33], Н. В. Зверева [40], А. А. Князев [65], А. В. Колесниченко [66], Д. С. Локтев [86], Э. С. Никольская [100], В. Л. Цвик [164; 165]. Также значительную роль сыграли труды ученых, исследовавших стратегии и тактики речевого воздействия: И. М. Артамоновой [5; 6], Г. Вирена

[17], Е. Л. Доценко [34], Н. И. Клушиной [63; 64], Г. А. Копниной [67], А. А. Леонтьева [83], О. Л. Михалевой [94]. Исследованиями дискурса военного конфликта в разное время занимались: Н. С. Авдонина [2; 3], В. Д. Бачурин [9], И. В. Жуков [38], О. В. Обвинцева [102], Е. А. Шкуратова [167], однако данные исследования в основном касались либо специфического военного дискурса, либо общего дискурса СМИ во время военных столкновений.

Целью данного исследования является выявление и изучение манипулятивных технологий в новостном дискурсе телеканалов Украины, Великобритании и США при освещении событий на Украине и в России в 2012–2022 гг.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

1. Исследовать генезис терминов «текст», «медiateкст», «дискурс» и предложить собственные определения данных понятий.
2. Рассмотреть различные подходы к классификации стратегий, тактик и приемов манипулятивного речевого воздействия.
3. Изучить теоретические подходы к дискурс-анализу.
4. Провести анализ развития телевизионного новостного дискурса.
5. Определить современные требования к структуре и языку выпуска новостей и его элементов.
6. Разработать комплексную методику анализа телевизионного новостного дискурса.
7. Проанализировать специфику новостного дискурса телеканалов «Донбасс» (Украина), Би-би-си (Великобритания) и Эй-би-си (США) при освещении событий на Украине и в России в 2012–2022 гг.
8. Выявить лингвистические и экстралингвистические особенности манипулятивного воздействия телевизионного новостного дискурса в периоды различной общественно-политической обстановки.

Объектом исследования является специфика телевизионного новостного дискурса.

Предмет исследования — особенности манипулятивных технологий новостного дискурса телеканалов недружественных РФ стран в мирное время, в период гражданского противостояния и во время военного конфликта на территории Украины.

Материалом исследования послужили видеозаписи новостных материалов телеканалов «Донбасс», Би-би-си и Эй-би-си за период 2012–2022 гг. Общий корпус фактического материала составил более 2000 новостных сюжетов. Для исследования специфики новостного теледискурса в период становления ТВ были использованы текстовые материалы новостных сюжетов Сталинской (Донецкой) студии телевидения за вторую половину 1960 года, хранящиеся в Государственном архиве ДНР.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- изучена история развития телевизионного новостного дискурса, выявлены стандарты и нормы новостной тележурналистики, сложившиеся в мирное время к началу XXI века;
- разработана и апробирована оригинальная авторская методика дискурс-анализа телевизионного медиатекста;
- впервые проведено комплексное исследование и сравнительный анализ манипулятивных технологий, применяемых в телевизионном новостном дискурсе разных стран в мирное время, в период гражданского противостояния и во время военного конфликта на территории Украины.

Теоретическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов в дальнейших исследованиях телевизионного дискурса. В частности, разработанная оригинальная методика анализа телевизионного новостного дискурса, по сути, является универсальной и может быть использована для исследований любого теледискурса. Данные, полученные при изучении лингвистических и экстралингвистических особенностей манипулятивных приемов телевизионного новостного дискурса в мирное время и

в период военного конфликта, способствуют расширению научных взглядов на природу вербального и невербального воздействия телевизионной продукции.

Практическая значимость работы. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке рабочих программ по следующим дисциплинам: «Тележурналистика», «Дискурсология», «Язык СМИ», «Специфика работы телевизионного новостного журналиста». Выводы, полученные в ходе анализа, могут быть применены при разработке программ информационной безопасности и информационного противодействия, а также для подготовки курсов медиаобразования школьников и студентов и ведения просветительской работы среди широких слоев населения. Помимо этого, основные положения диссертационного проекта могут быть использованы в практической деятельности телевизионных новостных журналистов, а также могут стать основой для разработки учебных и методических пособий в области тележурналистики и дискурсологии.

Теоретико-методологическая основа данной диссертационной работы опирается на научные исследования отечественных и зарубежных авторов. При этом следует выделить следующие направления:

- в области теории дискурса и дискурс-анализа следует отметить работы А. Белла [173], Э. Бенвениста [11], Е. Л. Вартановой [15], Р. Водак [18; 191; 192], Е. В. Вьюрковой [21], Т. ван Дейка [30; 175; 176], М. Йоргенсен [48], В. И. Карасика [51; 52], Н. К. Кравченко [69], В. В. Красных [71], Г. Кресса [72; 182], Е. С. Кубряковой [74; 75; 76; 77], М. Л. Макарова [87], Т. М. Николаевой [99], Дж. Поттера [187], О. Ф. Русаковой [137; 138; 139], П. Серио [145], Л. Филлипс [48], М. Фуко [159], Н. Фэркло [177; 178; 179], З. Харриса [181] и других;
- в области изучения текста, медиатекста и гипертекста показательны работы следующих авторов: Н. Б. Вахтина [16], И. Р. Гальперина [24], О. В. Дедовой [29], И. М. Дзялошинского [31], Т. Г. Добросклонской [33], В. А. Звегинцева [39],

В. Л. Зефириной [41], И. А. Ильиной [45], М. Ю. Казак [49], О. В. Краснояровой [70], Н. А. Кузьминой [80], А. Г. Пастухова [115], М. А. Пильгун [116] и других;

- в области исследований стратегий и тактик речевого воздействия и лингвистических особенностей манипулятивных приемов нужно обратить внимание на работы С. Р. Аблеевой [1], И. М. Артамоновой [5; 6], И. В. Беляевой [10], Г. Вирена [17], А. Ю. Дашковой [27], М. Б. Добровольской [32], Е. Л. Доценко [34], С. В. Ивановой [43], Л. В. Квасковой [53], Н. И. Клушиной [63; 64], Г. А. Копниной [67], В. В. Леонова [82], А. А. Леонтьева [83], О. Л. Михалевой [94] и других;

- в сфере изучения истории телевидения и телевизионного новостного дискурса нужно отметить работы Р. А. Борецкого [13], К. Гаврилова [22], Б. Д. Гаймаковой [23], Н. А. Голядкина [25], А. Н. Дедова [28], В. В. Егорова [35; 36], А. Ермилова [37], Н. В. Зверевой [40], С. Н. Ильченко [46], А. А. Князева [65], В. П. Костоусова [68], Д. С. Локтева [86], С. А. Муратова [97], Э. С. Никольской [100], В. Л. Цвика [164; 165] и других;

- в сфере анализа военного дискурса можно выделить работы Н. С. Авдониной [2; 3], В. Д. Бачурина [9], И. В. Жукова [38], О. В. Обвинцевой [102], Е. А. Шкуратовой [167], Т. Н. Хомутовой [162] и других.

В данной диссертационной работе использовались следующие **методы** исследования: теоретический анализ и синтез, сравнение, аналогия, дедукция, наблюдение, изучение документов. На основе теоретических исследований Н. Фэркло, Т. ван Дейка, Р. Водак и Г. Кресса была разработана оригинальная методика анализа телевизионного новостного дискурса.

Положения, которые выносятся на защиту:

1. Телевизионный медиатекст — сложная мультисемиотическая категория, включающая в себя различные вербальные и невербальные формы донесения информации и создания смыслов.

2. За 70 лет развития в сфере тележурналистики были сформированы и описаны определенные стандарты, нормы и требования к процессу создания и интерпретации телевизионного новостного дискурса.

3. Сформулированные правила создания новостных телевизионных материалов подразумевают использование принципа редакционной нейтральности и отсутствие эксплицитных и имплицитных приемов речевого воздействия.

4. Специфика телевизионного новостного дискурса военного конфликта состоит в отказе от стандартов нейтральной объективной журналистики и активном использовании манипулятивных приемов имплицитного воздействия для формирования необходимого общественного мнения.

5. В условиях значительной вовлеченности государства в информационное противостояние или реальный вооруженный конфликт телевизионный новостной дискурс становится вторичным по отношению к политическому дискурсу, СМИ теряют свои функции «четвертой власти».

Степень достоверности. Достоверность результатов настоящего исследования обеспечивается концептуальным подходом к изучаемому предмету и его внутренней логикой, чёткостью поставленных задач, применением комплекса методов, адекватных сущности исследуемого явления, а также опорой на большой объем проанализированного тематического материала. Обоснованность материалов исследования также подтверждается анализом релевантных отечественных и зарубежных работ и возможностью практического использования результатов исследования в системе высшего журналистского и филологического образования.

Апробация результатов исследования. Апробация результатов исследования осуществлялась в ходе их обсуждения на 7-ми международных научных конференциях: «Донецкие чтения: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (ДонГУ, Донецк, 2021, 2022, 2023 гг.); Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2022 году: творчество, профессия, индустрия» (МГУ, Москва, 2023 г.); Международной

научно-практической конференции «Медиакоммуникации и журналистика: история, культура, технологии, практика» (КФУ им. В. И. Вернадского, Симферополь, 2023 г.); Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия» (МГУ, Москва, 2024 г.); Международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью «Коммуникация в современном мире» (ВГУ, Воронеж, 2024 г.).

Публикации. Результаты исследования представлены в 15 статьях и тезисах, опубликованных в сборниках научных работ, включая 6 научных статей, размещённых в рекомендованных ВАК РФ научных журналах.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии, насчитывающей 197 источников, из которых 22 — на иностранных языках. Полный объем диссертации составляет 269 страниц, из них основного текста — 253 страницы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА

1.1 Определение понятия «дискурс»

Одним из важнейших структурных элементов медиакommunikации является дискурс. При этом данный термин является одним из самых неоднозначных в современной научной среде. Это связано с несколькими факторами. Прежде всего, по-разному трактуют данное понятие представители различных наук, которые его активно используют. Ученые и специалисты в области лингвистики, журналистики, философии, социологии, политологии и ряда других направлений регулярно пользуются понятием «дискурс» в своих исследованиях. Однако смыслы, которые вкладываются в определение дискурса, зачастую имеют весьма значительные различия. Помимо этого, даже в рамках одного научного направления обычно существуют различные школы, которые предлагают свои авторские подходы к трактовке данного понятия.

Прежде чем начинать исследования дискурса как базового элемента медиакommunikаций, необходимо изучить историю появления этого понятия, рассмотреть уже созданные и апробированные трактовки, и на их основе разработать свое, авторское определение. В дальнейшем, при разработке методики исследования дискурса, это позволит учесть все компоненты и выбрать те структурные элементы дискурса, которые необходимо будет исследовать в рамках данного научного проекта.

Четкого и общепризнанного определения дискурса, охватывающего все случаи его употребления, на данный момент не существует. Различные словари дают разные толкования. Так, Лингвистический энциклопедический словарь дает дискурсу следующее определение: «Связный текст в совокупности с

экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [85, с. 136–137].

В «Англо-русском словаре лингвистики и семиотики» под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского можно найти следующие толкования: «совокупность тематически, культурно или как-либо еще взаимосвязанных текстов, допускающая развитие и дополнение другими текстами. Термин лингвистики текста и дискурс-анализа <...> Общение, рассматриваемое как реализация определенных дискурсивных практик. Термин социологии, социальной семиотики и политологии, введенный М. Фуко» [4, с. 111].

Толковый словарь современного английского языка «Oxford Advanced Learner's Dictionary» [186] предлагает несколько трактовок термина дискурс. С одной стороны, это продолжительный отрезок серьезной речи (письменной или устной), с другой — использование языка в речи или письме с целью создания смысла; язык, который изучается обычно для того, чтобы понять, как связаны различные части текста.

Отечественный электронный ресурс Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет» [171] дает еще более общее определение: «речь, процесс языковой деятельности; способ говорения».

Сложность поиска точного и однозначного определения признается в Философской энциклопедии: по мнению составителей, дискурс — это «одно из сложных и трудно поддающихся определению понятий современной лингвистики, семиотики и философии, получившее широкое распространение в англо- и особенно франкоязычных культурах» [158].

Анализ приведенных данных позволяет говорить о том, что понятие дискурса полисеманлично и используется в ряде гуманитарных наук, предполагающих изучение функционирования языка. Неоднозначность термина позволяет использовать его в научных исследованиях разнообразной направленности, придавая нужные смыслы и значения.

Слово дискурс происходит от французского «discours» (означает «речь») и английского «discourse». В свою очередь, эти понятия пришли в европейские

языки от латинского «discursus» (означающего, в том числе, как «бег взад и вперед», так и «разговор»). Современные исследователи утверждают, что первые появления термина дискурс относятся к Средневековью. В то время данное понятие использовалось военными и трактовалось как «столкновение вооруженных противников в ходе боя, немаловажной частью которого была особая речевая деятельность» [155, с. 312].

Надо отметить, что некоторые элементы противостояния остались в понимании дискурса до нашего времени, однако прямое «боевое» использование данного термина быстро потеряло актуальность. По мнению В. В. Кафтана, в средние века понятие дискурса, сохранив элементы состязательности, постепенно полностью перекочевало из военной сферы в область речевой деятельности.

Современные трактовки термина дискурс начали появляться ближе к середине XX века. Многие современные исследователи считают «первооткрывателем» дискурса американского лингвиста Зеллига Харриса. В своей статье «Дискурс-анализ», вышедшей в 1952 году, ученый попытался дать научное определение понятию дискурс. По его мнению, дискурс — это «последовательность предложений, произнесенных или написанных человеком в определенной ситуации» [181, с. 3]. Помимо этого, в своей работе Харрис ввел и понятие «дискурс-анализа», которое он понимал как «метод анализа связанной речи», предназначенный «для расширения дескриптивной лингвистики за пределы одного предложения в данный момент времени и для соотнесения культуры и языка» [181, с. 1–2].

Действительно, тенденции развития лингвистики в XX веке связаны с постепенным увеличением размера языковых составляющих, изучением которых занимались исследователи. В своей работе «Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов» А. А. Кибрик отмечает, что в течение прошлого века интересы лингвистов постепенно смещались «сначала с фонологии на морфологию, затем на синтаксис. В последние десятилетия стало ясно, что синтаксические составляющие — это далеко не максимальные языковые единицы, которые подлежат научному изучению. Возник уровневый раздел

лингвистики, исследующий целые дискурсы — анализ дискурса, или дискурсивный анализ» [55].

Толкование понятия дискурс как совокупности отдельных предложений или других языковых единиц поддержали многие зарубежные лингвисты: М. Стаббс, Д. Шиффрин, Э. Стейнер, А. Стенстром [87, с. 86]. Видный советский теоретик языкознания В. А. Звегинцев писал в 1976 году: «Под дискурсом, следовательно, будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» [39, с. 170].

Подобные определения можно встретить и в работах современных исследователей. Так, В. Г. Борботько считает, что «Дискурс — тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка — предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [12, с. 8]. И Звегинцев и Борботько вносят в определение вопрос смысловой связанности, но суть толкования от этого не меняется.

Увеличение размера исследуемых языковых единиц до понятия текста или даже совокупности текстов (образующих дискурс) — далеко не единственная и не главная тенденция развития теории дискурса в последние десятилетия. Если в начале века теоретики языкознания искали ответ на вопрос «Как устроен язык?», ближе к 60-м годам многие ученые посчитали нужным сместить фокус исследований на проблему «Как функционирует язык?». Таким образом, возникло два подхода к изучению языка: формальный и функциональный.

Сторонники формального подхода исходят из предположений, что у языка либо вообще нет каких-либо определенных функций, либо же форма никак не зависит от функциональных особенностей: «Поэтому в своей методологии формализм настаивает на анализе структурных особенностей "языка в себе", не отягощенном изучением "языка в общении"» [87, с. 84]. Основы формального подхода в языкознании были заложены в работах швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра и американского языковеда Ноама Хомского.

Характерной чертой формалистского подхода является концепция языка как системы, изолированной от внешнего мира [174; 185].

В отличие от «формалистов», сторонники функционального подхода рассматривают язык как систему знаков, служащих и использующихся для достижения конкретных целей и выполнения конкретных функций: «В рамках функционального подхода изучается как структура языка, так и его функционирование с целью выявления соответствий между ними, признаётся взаимозависимость между формой и функцией, учитывается влияние употребления языка на его структуру» [21].

В функциональной лингвистике подразумевается, что язык является социально-культурной деятельностью. Иначе говоря, нельзя исследовать языковые явления в отрыве от контекста и других факторов, сопровождающих и обуславливающих процесс коммуникации. Именно с пониманием дискурса, как объединения двух сущностей — *процесса* языковой коммуникации и получающегося в ее результате *текста*, связаны различные определения, которые давались данному термину за последние полвека. Такой подход актуален и при исследованиях в области медиакоммуникаций.

Многие современные исследователи отдают первенство в разработке теории дискурса и дискурс-анализа представителям французской лингвистической школы 60-х годов XX века (Э. Бьюиссанс, Э. Бенвенист, М. Пеше, Г. Парре, П. Серио, А. Греймас, Ж. Курте и др.). Их работы основывались в первую очередь на философском, историческом, социокультурном и политико-идеологическом исследовании дискурса, а не на собственно лингвистическом.

Значительный вклад в развитие теории дискурса внес выдающийся французский лингвист Эмиль Бенвенист. По его мнению, при первом подходе язык воспринимается лишь как совокупность формальных знаков, выделяемых посредством точных и строгих процедур, в то время как второй подход ориентирован на исследование проявления языка в живом общении: «С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является

речь (le discours)» [11, с. 139]. При этом ученый не только дал определение дискурсу как «речевому произведению, которое возникает каждый раз, когда мы говорим», но и сместил фокус исследований с текста на **процесс коммуникации**: «нашим объектом является самый акт производства высказывания, а не текст высказанного <...> Отношения, устанавливающиеся между говорящим и языком, определяют языковые черты высказывания» [11, с. 312].

Мишель Пеше, еще один представитель французской школы, увязывал понятие дискурс с **идеологией**. В своих работах ученый прорабатывал сочетание лингвистического и идеологического структурных подходов в дискурс-анализе конкретных текстов: «Дискурс, с точки зрения Пеше — это точка, где встречаются язык и идеология, а дискурсивный анализ — это анализ идеологических аспектов использования языка и реализации в языке идеологии. Смыслы слов меняются в зависимости от классовых позиций в политической борьбе» [139, с. 7]. Подобная «политизация» подходов к философским и лингвистическим исследованиям была свойственна представителям французской школы. В основу работ Пеше («Автоматический анализ дискурса», «Прописные истины») была заложена идея о значительном влиянии места, времени и социокультурного контекста на условия производства дискурса.

Нельзя обойти вниманием еще одного видного представителя французской лингвистической школы — Мишеля Фуко. В своих работах ученый уделял особое внимание связи между дискурсом и властью. В понимании М. Фуко именно с помощью дискурсов властные структуры осуществляют свои полномочия: «дискурс — а этому не перестает учить нас история — это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [159, с. 52].

Контролируя дискурсы, власть контролирует общество, считал Фуко: «Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур» [159, с. 51].

Своеобразным обобщением трудов представителей французской школы дискурс-анализа может служить работа Патрика Серио «Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса». В ней швейцарский лингвист не только описывает особенности различных подходов к дискурс-анализу французских языковедов, но и приводит восемь различных трактовок определения понятия дискурс. Подводя итог своего исследования, Серио писал: «...дискурс — это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет <...> лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как дискурс» [145].

Интересную трактовку термина дискурс предложил представитель Франкфуртской школы Юрген Хабермас. Немецкий философ понимает дискурс как равноправный диалог для согласования спорных позиций с помощью аргументации и риторического убеждения: «Каждый, кого это касается, должен иметь возможность убедиться в том, что предложенная норма в данных обстоятельствах «одинаково хороша» для всех. И именно такой процесс мы называем практическим дискурсом» [160, с. 112].

Значительный вклад в развитие теории дискурс-анализа внес голландский лингвист Тьон ван Дейк. В своих работах ученый неоднократно касался изучения дискурса средств массовой информации, что представляет особый интерес для данного исследования. Понятию дискурс он уделил внимание в нескольких своих научных трудах. Т. ван Дейк рассматривает дискурс в первую очередь как процесс коммуникации. Согласно его определению, дискурс — это «...конкретное коммуникативное событие <...> Этот коммуникативный акт может быть письменным или устным, а при разговорном взаимодействии обычно сочетает вербальные и невербальные измерения (жесты, выражение лица и т.д.) [175, с. 194].

Австрийский лингвист Рут Водак рассматривала дискурс как *действие* или же акт коммуникации [91, с. 47]. При этом ею было дано свое, оригинальное определение данному понятию: «Дискурс как социальная практика предполагает диалектическую взаимосвязь между определенным дискурсивным событием и

ситуацией(ми), институтом(ми) и социальной структурой(ми), которые задают его структуру — они формируют дискурсивное событие, но также дискурсивное событие формирует их» [192, с. 15].

Не остались в стороне от разработки теории дискурса и отечественные исследователи. На начальном этапе (50–60-е гг. XX века) многие российские (советские) ученые придерживались формальных подходов к изучению дискурса: отграничению текста от других единиц и отказу от изучения коммуникативных функций текстовых материалов. Исследователь Н. С. Бажалкина отмечала: «на начальном этапе дискурсивного анализа в России исследования дискурса осуществлялись в рамках внутренней лингвистики без учёта социальных и психических факторов» [8].

Помимо упомянутого выше В. А. Звегинцева, формальных (или напоминающих их) подходов придерживались и другие советские ученые. Так, Т. М. Николаева предлагала следующие трактовки понятия дискурс: «Дискурс — многозначный термин лингвистики текста, употребляемый в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность — письменная или устная» [99, с. 467].

В 80–90-х гг. XX века происходит смена научной парадигмы в языкознании. На смену изучению «языка в языке» без учета контекста приходят подходы, связанные со сферой и ситуацией общения, определяющие соответствие использования языковых средств целевой установке говорящего [76, с. 207–227].

Е. С. Кубрякова называет новый подход к исследованиям языка когнитивно-дискурсивным и считает, что он является интеграцией когнитивного и коммуникативного подходов. В ее понимании дискурс «сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств» [75].

В. В. Красных рассматривает дискурс с точки зрения психолингвистики, как науки о «психологическом в языке». В сферу интересов психолингвистики

попадает и коммуникативное поведение человека. Красных предлагает изучать дискурс с позиций так называемого *деятельностного* подхода. В этом случае дискурс рассматривается как единство текста и контекста, лингвистических и социокультурных компонентов. В соответствии с этим подходом В. В. Красных предлагает и свою трактовку понятия дискурс. По ее мнению, «дискурс есть вербализуемая/вербализованная речемыслительная деятельность, предстающая как совокупность процесса и результата и обладающая как (собственно) лингвистическими, так и экстралингвистическими планами» [71, с. 255].

Многоплановые исследования понятия дискурс провел в своих научных трудах В. И. Карасик. По его мнению, дискурс — это текст, помещенный в ситуацию реального общения: «С позиций лингвистики речи дискурс — это процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи, отсюда внимание к степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей» [52, с. 193]. При этом Карасик рассматривал дискурс как институциональное общение и выделял «...медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный виды институционального дискурса» [51, с. 22].

Обобщая приведенные данные, можно сделать определенные выводы. За последние полвека учеными, работающими в разных направлениях, было разработано множество подходов к определению понятия дискурс. Анализ показывает, что в настоящее время преобладают функциональные или же когнитивно-коммуникативные подходы к определению понятия дискурс. Формальные подходы, при которых язык изучается как замкнутая система, а дискурс понимается как текст, в настоящее время мало актуальны.

Современные исследователи (Р. Водак, Т. ван Дейк, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова) все чаще ассоциируют дискурс с коммуникативным актом, *результатом* которого является создание текста. Под коммуникативным актом следует понимать процесс взаимодействия между коммуникантами, один из которых является адресантом, а другой адресатом. В случае исследования

медиакommunikаций, говоря о дискурсе, необходимо рассматривать не один коммуникативный акт, а некую совокупность, объединенную по какому-либо принципу (тематически, функционально и т. п.), и имеющую сходные особенности. Данные особенности, характеризующие коммуникативные акты, должны включать в себя как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Лингвистические — это структурные, лексические, морфологические, синтаксические и другие особенности текстов. Экстралингвистические факторы также весьма разнообразны. Среди них:

- условия, в которых происходит процесс коммуникации (политические, идеологические, социокультурные);
- интенции коммуникантов;
- способы коммуникации;
- пресуппозиции (уже имеющиеся знания коммуникантов о ситуации);
- контекст (эксплицитно и имплицитно выраженные смыслы);
- условия и возможности интерпретации текста коммуникантами;
- социокультурные последствия, как результат дискурса.

На основании вышеизложенного можно предложить следующее определение: **дискурс** — это совокупность коммуникативных актов, в основе которых лежит текст, объединенных по какому-либо признаку (тематически, функционально) и имеющих сходные лингвистические и экстралингвистические особенности. Соответственно, **медиадискурс** — это дискурс средств массовой коммуникации.

1.2 Текст, медиатекст, гипертекст: генезис терминов

Как отмечалось выше, в современной научной парадигме принято разграничивать понятия текста и дискурса. При этом, когда речь заходит об исследованиях СМИ, зачастую используются термины «медиатекст» и «гипертекст». Иногда, изучая одно и то же медиасообщение, ученые допускают

использование всех трех определений, выстраивая, таким образом, синонимический ряд. В связи с этим возникает необходимость более подробного анализа генезиса и современных тенденций толкования данных трех определений.

Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В. Н. Ярцевой выделяет три основных признака **текста**: смысл, связность и цельность. Трактовка словаря звучит следующим образом: «...объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [85, с. 507]. При этом отмечается, что в языкознании под текстом понимается последовательность вербальных (словесных) знаков.

Более развернутые определения дают понятию текста отечественные и зарубежные лингвисты. Так, согласно М. Халлидею, текст — операционная единица языка, подобно тому, как предложение есть его синтаксическая единица. Текст — понятие функционально-семантическое и размером не определяется [180, с. 107].

З. Я. Тураева в своей книге «Лингвистика текста» отмечала, что такого определения текста, которое можно было бы считать исчерпывающим и которое носило бы терминологический характер, еще не выработано. Тем не менее, Тураева предлагает свой вариант определения, в котором текст — это «некое упорядоченное множество предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определенным образом организованную и направленную информацию. Текст есть сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство» [157, с. 11].

Глубокие исследования текста проводил известный советский лингвист И. Р. Гальперин. В своей книге «Текст как объект лингвистического исследования» он выделяет несколько онтологических и функциональных признаков текста. По его мнению: «Текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа,

произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфазовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [24, с. 18].

Тезис о том, что ни предложения, ни высказывания не могут пониматься как текст, поддерживают многие современные исследователи. Так, И. М. Дзялошинский и М. А. Пильгун в своей работе «Медиатекст: особенности создания и функционирования» отмечают, что любое предложение-высказывание функционирует только в потоке речи. Ученые считают, что предложение как языковая модель, независимая от текста — это научная абстракция. Его содержание предопределено ситуацией или предшествующим текстом, само предложение определённым образом обуславливает дальнейшее развитие текста [31, с. 18].

Несколько по-иному трактуется понятие текста в семиотике. В данной науке под текстом понимается осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации, в том числе обряд, танец, ритуал и т.п. [85, с. 507]. Продолжая данный логический ряд, можно сразу отметить и семиотические формы передачи сообщений, присущие телевидению: видеоряд, звуковое сопровождение, анимация. Многие ученые связывают понятие текста не только с вербальным сообщением — под «последовательностью знаковых единиц» могут выступать не только тексты, созданные с помощью естественного языка: «под текстом понимается всякий знаковый комплекс, включающий и вербальные и невербальные элементы» [115, с. 98].

Отечественный лингвист О. В. Краснаярова в своей работе «Текст и медиатекст: дифференциация понятий» утверждает, что под текстом могут пониматься не только какие-либо словесные сочинения, но и несловесные произведения, обращенные к зрению или слуху (театр, кино, телевидение, мультимедийное сообщение). Более того, среди философов периодически высказывается мнение, что текст — это вообще все, что может быть прочитано (услышано, увидено, воспринято). Иногда с текстом отождествляется даже весь

мир: «Текст в философской перспективе — это феномен человеческого мира, выражающийся в постоянном процессе текстуализации реальности. Текст отражает действительность, которая включает огромное множество предметов, объектов, явлений, процессов, отношений и пр. Только в процессе текстуализации реальности создаются смыслы, концепты, мыслительные конструкты» [70. с. 88].

Резюмируя, можно отметить, что большинство исследователей определяет **текст** как знаковую систему, обладающую определенными особенностями, в частности, смысловой связностью и завершенностью. При этом некоторые исследователи считают, что под понятие текста попадают и невербальные формы коммуникации, например, обращенные к зрению или слуху.

Термин «медiateкст» появился в научной среде значительно позже текста, в конце XX века. Необходимость появления данного определения была обусловлена в первую очередь бурным развитием средств массовой коммуникации, которое пришлось на этот период. Второй, взаимосвязанной причиной, была необходимость «учета» в исследованиях текста различных невербальных, медийных, свойственных только СМИ, форм коммуникации. Несмотря на то, что часть ученых готова была рассматривать «несловесные» элементы произведений СМИ как *текст*, появление нового термина — **медiateкста** позволило четко отграничить исследования языка средств массовой коммуникации от других сфер научной деятельности.

Понятие медiateкста изначально появилось в западной англоязычной научной среде. В дальнейшем термин стал активно использоваться и отечественными учеными. Исследованиями медiateкста в разное время занимались А. Белл, С. И. Бернштейн, А. Н. Васильева, Т. М. Дридзе, Я. Н. Засурский, В. Г. Костомаров, Н. Н. Кохтев, А. А. Леонтьев, М. Монтгомери, Г. Я. Солганик, Р. Фаулер, Д. Н. Шмелев. Значительный вклад в разработку концепции медiateкста и теорию его исследований как отдельной дисциплины (медиалингвистику), внесла Т. Г. Добросклонская.

Именно Добросклонская выделила определяющий признак концепции: «переход от понимания текста исключительно как продукта речевой, не связанной

с медийными практиками деятельности, к восприятию текстов массовой информации как неразрывного сочетания компонентов вербального и медийного уровней, в котором выбор и характер вербальных единиц во многом обусловлен технологическими возможностями медианосителя» [33, с. 26]. По мнению ученой, традиционное определение текста как системы вербальных знаков, при переносе в сферу средств массовой коммуникации приближается к семиотическому толкованию понятия, которое учитывает и невербальные формы коммуникации. Функциональные особенности СМИ наделяют тексты *поликодовой* структурой. В практике текстологических медиаисследований поликодовость текста также обозначается как *креолизованность* или *мультимедийность*. У зарубежных исследователей можно встретить термин «*мультисемиотический текст*». По сути, все эти определения являются отчасти синонимами и обозначают присутствие в тексте «дополнительных» невербальных элементов. В частности, на телевидении текст может рассматриваться на нескольких уровнях: непосредственно вербальном, видеоряда и звукового сопровождения. В интернете вербальные элементы текста нужно изучать в комплексе с аудиовизуальным сопровождением и элементами взаимодействия с другими текстами, на радио речь сочетается с музыкальным сопровождением и аудиоэффектами. Как видно из приведенных примеров, специфика медиатекста определяется технологическими возможностями канала коммуникации и может значительно отличаться. Неизменным остается главная особенность медиатекста — необходимость учитывать при исследованиях невербальные формы коммуникации в комплексе с вербальными.

М. Ю. Казак выделяет три подхода к определению понятия медиатекст: его можно рассматривать, «во-первых, как текст в универсальном, классическом значении этого понятия; во-вторых, как уникальный или особый тип текста — в отличие от текстов других сфер коммуникации (научных, художественных и др.); в-третьих, как совокупный продукт массовой коммуникации — тексты журналистики, рекламы и PR, каждый из которых имеет свои специфические характеристики» [49].

На основании этих подходов, ученые разных стран сформулировали несколько определений понятия «медiateкст». Так, английский специалист в области медиалингвистики Аллан Белл в своей работе «Approaches to Media Discourse» охарактеризовал медiateкст следующим образом: «определение медiateкста кардинальным образом отличается от традиционного взгляда на текст, как на совокупность слов, написанных чернилами на бумаге, оно намного шире и включает в себя такие элементы, как речь, музыка, звуковые эффекты, иллюстрации. То есть понятие медiateкста отражает технологии, задействованные в процессе его производства» [173, с. 3].

Еще один представитель Великобритании Дэвид Проберт под медiateкстом понимает любой структурированный медиапродукт или средство коммуникации, включающее в себя как печатное, так и аудиовизуальное размещение, которое можно проанализировать и деконструировать [188, с. 68].

Внесли свой вклад в определение данного понятия и отечественные ученые. Так, с точки зрения М. Г. Шилиной «в интернете любой текст, контент может быть охарактеризован как медiateкст, медиаконтент, априорно доступный для потребления и изменения глобальной массовой аудиторией» [166].

М. А. Пильгун определяет медiateкст как «синкретическое единство вербальных и невербальных компонентов, обладающее связностью и цельностью, имеющее определенную направленность и прагматическую установку» [116]. Упрощенную формулировку приводит Л. Р. Хузеева: «Медiateкст — это сообщение, текст любого медийного вида и жанра, через которое происходит речевое общение в сфере коммуникации» [163, с. 24]. Похожее определение приводит Н. А. Кузьмина. Она считает, что медiateкст — это «...динамически сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» [80, с. 6].

Более полные и обширные определения дают в своих работах М. Ю. Казак и Т. Г. Добросклонская, которые занимались предметным изучением медiateкста. В своей работе «Специфика современного медiateкста» М. Ю. Казак суммировала признаки, свойственные, по мнению различных ученых, медiateкстам. Среди

них: «вторичность» текстов, производство «на поток», открытость для многочисленных интерпретаций, поликодовость текстов, медийность, коллективное производство, особый характер обратной связи [7; 19; 49; 74; 83; 135].

Т. Г. Добросклонская в своих работах акцентирует внимание на неразрывной связи вербальных и медийных компонентов в структуре медиатекста. Соответственно, определение медиатекста, разработанное Добросклонской, звучит следующим образом: «Медиатекст с точки зрения медиалингвистики — это актуализированное в определённом медиаформате и объединённое общим смыслом последовательное сочетание знаковых единиц вербального и медийного уровней» [33, с. 30].

Исходя из проведенного анализа, можно предложить свое определение медиатекста, которое будет использоваться в данной исследовательской работе: **медиатекст** — это сложное, многоуровневое, логически связанное и композиционно цельное произведение, функционирующее в сфере средств массовой информации и объединяющее в своей структуре как вербальные, так и невербальные элементы коммуникации.

Стремительное развитие телекоммуникационных технологий в конце XX века привело к появлению еще одного, широко используемого в наше время термина — *гипертекста*. Данное понятие прочно вошло в лексикон ученых, изучающих тексты, функционирующие в интернете и связанные с возможностями современных компьютерных технологий. Однако встречаются случаи, когда исследователи относят к этому определению сложные, многоуровневые телевизионные медиатексты, в частности — тексты теленовостей, которые являются предметом анализа данной научной работы. Это предопределило необходимость более подробного изучения понятия гипертекста и его возможного использования в различных исследованиях.

Считается, что термин «гипертекст» появился в 60-х годах прошлого века. Несмотря на то, что практики электронного представления текстов на тот момент еще не существовало, развитие компьютерных технологий уже позволяло

предвидеть появление новых форм отображения письменных текстов. Автор определения гипертекста, американский математик и философ Теодор Нельсон в 1965 году использовал данный термин для обозначения нового, специфического способа представления текста на экране компьютерного монитора, при котором отрывки текста могут читаться в произвольном порядке: «Позвольте мне ввести слово «гипертекст» для обозначения совокупности письменных или графических материалов, взаимосвязанных таким сложным образом, что их невозможно представить на бумаге» [184]. Уже в 80-х годах, комментируя свою раннюю исследовательскую деятельность, он дал более короткое определение гипертекста: «форма письма, которое ветвится или осуществляется по запросу. Иначе говоря, это "нелинейное письмо", которое "больше чем текст" (hypertext)» [41].

С развитием компьютерных технологий о гипертексте стали говорить все чаще, появились новые расширенные исследования гипертекстуальности и более развернутые и точные определения гипертекста. Так, М. Г. Ширина приводит следующую трактовку: «**Гипертекст** — набор компьютерных текстов в интернете, содержащих узлы перехода между ними, которые позволяют избирать читаемые сведения или последовательность чтения» [116]. Исследователь делает упор на возможность изучения сразу целого комплекса связанных между собой материалов, переходя по ссылкам от одного к другому.

Понятия гипертекста и гипертекстуальности исследовали многие современные ученые. Среди них: О. В. Дедова [29], И. А. Ильина, [45]. Н. А. Кузьмина [80], Р. К. Потапова [121]. Следует отметить, что все представленные исследователи сходятся в том, что гипертекст функционирует исключительно в компьютерной среде (или глобальной сети интернет), что обусловлено технологическими особенностями его представления. Более того, понятие гипертекста используется в базовых определениях, связанных с функционированием глобальной сети — http и html.

Исходя из этих предпосылок, большинство ученых соотносит понятие гипертекста со всемирной сетью интернет. Однако такого мнения

придерживаются не все. Так, А. А. Калмыков в своей работе «Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ» утверждает, что нельзя относить понятие гипертекста только к сфере современных компьютерных (телекоммуникационных) технологий. Ученый считает: «...необходимо признать, что гипертексты ... существовали задолго до эпохи электронных документов. Гипертекстом, по сути, является любой словарь или энциклопедия, содержащие ссылки на другие статьи того же словаря или энциклопедии» [50, с. 15]. Подобное определение дает и В. П. Руднев: «Гипертекст — текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов. Простейший пример Г. — это любой словарь или энциклопедия, где каждая статья имеет отсылки к другим статьям этого же словаря» [136, с. 69]. Дискуссия о том, можно ли считать бумажные энциклопедические издания одним из видов гипертекста, продолжается уже на протяжении десятилетий и единого мнения по этому поводу в научной среде не выработано.

В рамках данного научного исследования уделяется столь значительное внимание понятию гипертекста в связи с тем, что в последнее время оно стало употребляться в привязке к телевизионным медиатекстам. Так, в своей диссертационной работе «Новостной телевизионный текст: структура, стратегия, экспрессивность» К. Д. Кирия ставит задачу доказать справедливость следующей гипотезы: «Телевизионный новостной выпуск представляет собой особый вид текста, это продукт, который имеет гипертекстуальное устройство» [60, с. 11]. Поскольку Кирия предлагает рассматривать тексты теленовостей именно как гипертексты, необходим тщательный анализ данного тезиса и доказательств его верности.

В своей диссертации Кирия приводит два аргумента в пользу применения термина «гипертекст» при описании телевизионных новостей. Прежде всего, исследователь отмечает, что выпуск новостей представляет собой систему, состоящую из множества текстов. Вторым аргументом — наличие в выпуске новостей анонсов (шпигеля). Кирия отмечает, что у зрителя есть выбор:

«прослушав шпигель и поняв, какая тема его больше всего интересует, он может предположить, в какой части выпуска она (тема) будет освещена, и на время ожидания переключиться на другую программу или заняться какими-либо делами. Это, безусловно, является признаком гипертекстуальности новостного продукта, поскольку известно, что именно гипертекст дает возможность потреблять информацию в произвольном порядке» [61, с. 38]. Данный тезис вызывает вопросы. Прежде всего, надо отметить, что в шпигеле появляются анонсы далеко не всех новостных материалов. Соответственно, просмотр шпигеля нельзя считать полноценной навигацией по выпуску новостей, поскольку зритель не может получить всю информацию о новостных материалах. Даже та информация, которая доступна в шпигеле, не дает точного указания на время выхода в эфир того или иного новостного материала. Переключая каналы, зрителю очень легко «промахнуться» и пропустить интересующий его сюжет. К тому же, как отмечает сама Кирия, расположение анонсов в шпигеле далеко не всегда даже приблизительно совпадает с порядком новостных материалов в выпуске. Бывают ситуации, при которых выпускающие редакторы умышленно изменяют расстановку материалов, чтобы привлечь внимание зрителя и заставить его смотреть выпуск новостей до конца.

Более того, если говорить о теленовостях, которые идут в прямом эфире, следует отметить, что в них полностью отсутствуют признаки гипертекстуальности в том виде, как ее понимают большинство исследователей. В телевизионных материалах (не только новостных) нет системы связи между отдельными элементами посредством гиперссылок. В настоящее время не существует технической возможности обеспечить работу подобных гиперссылок на телевидении. Подобное возможно в отношении видеоматериалов, загруженных в компьютер или расположенных в интернете, однако даже интернет-телевидение имеет строгую линейную структуру, что никак не совпадает с представлением о нелинейности гипертекста и возможности переходов от одного элемента к другому.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что телевизионные материалы нельзя отнести к категории гипертекстов, поскольку у них отсутствуют ключевые признаки гипертекстуальности. При этом, говоря о теленовостях, целесообразно использовать термины «текст» и «медiateкст». Понятие медiateкста в полной мере охватывает все категории как текстовых, так и других семиотических форм коммуникации, которые используются в телевизионном выпуске новостей. Также возможно и оправданно использование понятия «текст» применительно к телевизионным материалам, поскольку современные трактовки данного термина зачастую включают не только вербальные, но и невербальные формы передачи информации, сочетание которых является основой любой телевизионной продукции.

Однако остается актуальным вопрос, какие именно структурные элементы телевизионных материалов следует учитывать при анализе новостного медiateкста. Проблема заключается в том, что телевизионный текст новостного сюжета изначально является, по определению Н. Фэркло, «мультисемиотическим» (мультимедийным), то есть включает в себя самые разные семиотические формы коммуникации: закадровый текст журналиста, комментарии респондентов, видеоряд (в лайфах идет без комментария), инфографику, компьютерную анимацию. При этом журналист является непосредственным автором только лишь закадрового текста и стендапа. Иногда случаются ситуации, когда в сюжете объем текста, написанного и озвученного журналистом, значительно меньше объема других семиотических форм донесения информации. Соответственно, возникает вопрос: надо ли при анализе текста сюжета учитывать эти «дополнительные» формы?

В данном исследовании автор придерживается следующей позиции: необходимо учитывать абсолютно все семиотические формы подачи информации, используемые в сюжетах и выпусках телевизионных новостей. В отличие от представителей иных видов СМИ, у телевизионного журналиста существует целый спектр возможных форм передачи информации. Выбирать, какую конкретно информацию и каким именно образом донести до зрителя — право и

обязанность тележурналиста. В сценарном плане новостного сюжета закадровый текст журналиста, тексты синхронных респондентов и текстологическое описание того, что происходит в лайфах, находятся на «равных» правах, логически увязаны и все вместе составляют единое, композиционно цельное произведение. Соответственно, анализироваться все эти вербальные и невербальные элементы должны в комплексе, как составные части единого целого. Несмотря на то, что журналист не пишет тексты синхронных респондентов (они являются расшифровкой речи респондентов), он имеет возможность выбрать, какую именно часть прямой речи вставить в готовый сюжет (или же, при определенных условиях, вообще не вставлять). В итоге, несмотря на то, что технически авторство текста синхрона принадлежит респонденту, в медиатексте готового сюжета авторство переходит непосредственно к журналисту, поскольку именно от него зависит, что «скажет» (или «не скажет») тот или иной спикер на экране. В равной степени это относится и ко всем другим семиотическим структурным элементам сюжета — только от журналиста, как от автора материала, зависит, что и в какой момент увидит и услышит зритель. В итоге, можно сделать определенный вывод: занимаясь исследованиями медиатекстов теленовостей, необходимо анализировать абсолютно все семиотические формы передачи информации, даже если формальное авторство данных текстов не принадлежит членам съемочной бригады.

1.3 Речевое воздействие: стратегии, тактики и приемы

Современные СМИ являются непосредственными и активными участниками информационных войн. Основой любой информационной войны являются *убеждение* и *манипулирование общественным мнением*, которые, в свою очередь, реализуются через различные стратегии и тактики речевого воздействия. В связи с этим необходимо более детально рассмотреть все эти понятия.

В настоящее время в научной среде существуют две точки зрения на трактовку понятия «информационная война». В первом случае информационные войны рассматриваются как одна из форм противодействия до начала, во время, и после военного конфликта [42; 89]. То есть, понятие информвойны привязывается к понятию войны в обычном, классическом понимании этого слова.

Представители второго подхода рассматривают информационную войну скорее как одну из форм геополитического противоборства, не увязывая информационную составляющую с военными действиями. Так, специалисты МИД России определяли информационную войну как «противоборство между государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, а также массовой психологической обработки населения с целью дестабилизации общества и государства» [73, с. 70]. Как видно из данного определения, такие действия могут активно вестись и в мирное время.

Подобное определение дает Л. Г. Ивашов: «Информационное противоборство как форма геополитического противоборства есть совокупность отношений информационной защиты и информационного соперничества противостоящих геополитических субъектов» [44, с. 199].

Как в мирное, так и в военное время информационные войны чаще всего идут скрытно, с использованием всего арсенала манипулятивных технологий. Функция воздействия на сознание реципиента зачастую играет бóльшую роль в материалах СМИ, чем традиционная функция информирования. Современные исследователи отмечают, что сама по себе функция формирования общественного мнения всегда была присуща средствам массовой информации, однако существуют «...принципиальные различия между объективной, правдивой журналистикой, стремящейся к общественному благу, и манипулятивными медиа, ставящими задачей навязывание обществу определенных идей и взглядов» [17, с. 7].

Среди подобных задач исследователи выделяют следующие: навязывание чуждых стандартов образа жизни; воздействие на систему взглядов и убеждений наций; разжигание расовой, национальной и конфессиональной розни; стимулирование сепаратизма; разрушение гражданского и национального самосознания и др. [20, с. 99–100].

Как видно из приведенного перечня, реализация подобных задач может представлять экзистенциальную угрозу для любого государства. При этом основную опасность представляет скрытый характер ведения информвойн: «население даже не ощущает, что оно подвергается воздействию. В результате общество не приводит в действие имеющиеся в его распоряжении защитные механизмы. Чувство опасности, выработанное для адекватного функционирования в иных ситуациях, в этом случае не срабатывает» [122, с. 30].

Цели, которые ставят перед собой участники информационных войн, реализуются СМИ через использование технологий убеждения и манипулирования. Впрочем, необходимо отметить, что эти две технологии используются в журналистике и при отсутствии ярко выраженного информационного противоборства. Как отмечают современные исследователи: «Стремление автора-публициста убедить любыми лингвистическими способами читателя в авторском политико-идеологическом видении окружающей действительности остро ставит центральную для современной массовой коммуникации проблему убеждения и манипулирования» [64, с. 28].

При этом убеждение и манипулирование имеют как общие, так и различные черты. **Убеждение** — один из способов речевого воздействия, которое обеспечивается системой доводов, построенных по законам логики и обосновывающих некие положения. В случае убеждения адресант комбинирует в сообщении информацию, разъяснение и доказательства. При этом у адресата остается возможность выбора — соглашаться или нет с авторской концепцией. В отличие от убеждения, при **манипулировании** адресат не осознает, что на него оказывают воздействие. С помощью определенных языковых приемов автор навязывает свою точку зрения адресату как достоверную и единственно

возможную. Манипулирование носит имплицитный характер и зачастую базируется не на доводах и логике, а на эмоциональном воздействии с использованием различных уловок. Е. Л. Доценко предлагает следующее определение: «Манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [34, с. 59].

Речевое воздействие реализуется благодаря использованию различных стратегий, тактик и приемов. Под **стратегией** обычно понимается комплекс речевых действий, направленный на достижение некой коммуникативной цели. Стратегии реализуются через конкретные **тактики**, которые, в свою очередь, состоят из **приемов** речевого воздействия. Следует отметить, что теоретические подходы к изучению типологии стратегий, тактик и приемов речевого воздействия весьма различаются у разных исследователей. В рамках данной работы предлагается сконцентрировать внимание на нескольких подходах к исследованиям речевого воздействия.

Приемы информационной войны по Г. Вирену

Достаточно простую, но эффективную систему классификации приемов информационного воздействия предлагает в своей работе «Современные медиа: Приемы информационных войн» Г. В. Вирен. В данной работе автор не рассматривает стратегии или тактики речевого воздействия, а лишь акцентирует внимание на конкретных *приемах* информационного противодействия. Г. Вирен насчитал 19 таких приемов:

1. Полная дезинформация (явная ложь).
2. Соккрытие существенной информации (правило «говорить правду, ничего, кроме правды, но не всю правду»).
3. Преувеличение или преуменьшение с целью дезинформации.
4. Смещение понятий.
5. Применение «позитивных клише» в реальности ничего не значащих.
6. Ссылка на несуществующие основания и ложная увязка.

7. Апелляция к авторитетам при подаче ложного или сомнительного тезиса как доказанного.
8. Использование алогичных тезисов.
9. Информационное табу.
10. Поиск поводов к драматизации, обострению ситуации.
11. Навешивание ярлыков.
12. Перевод политических дискуссий в моральную плоскость («кто не с нами — тот подлец»).
13. Апелляция к высшим ценностям.
14. Представлять частное как общее, исключение — как правило.
15. Апелляция к эмоциям.
16. Осмеяние.
17. Лексические приемы информационного противоборства.
18. Информационный мусор (отвлечение внимания).
19. Соккрытие реальных последствий того, к чему призывают; сокрытие целей [17, с. 16–81].

При этом Вирен выделяет несколько способов непосредственно языкового воздействия (манипулирования) в разделе «Лексические приемы информационного противоборства». По его мнению, к таким приемам следует отнести использование *эвфемизмов, синекдох, определений*, носящих ярко выраженный негативный или позитивный характер, а также ссылок на «размытый» источник.

Речевое манипулирование по Г. А. Копниной

Более развернутую классификацию технологий речевого манипулятивного воздействия дает Г. А. Копнина. Ученая отмечает, что разные исследователи вкладывают различные значения в понятия стратегий, тактик и приемов речевого воздействия. То, что одни понимают как стратегию, для других является тактикой или приемом. Так, в частности, О. Л. Михалева выделяет три основных стратегии: стратегию на понижение, стратегию на повышение и стратегию нейтральности, каждая из которых реализуется с помощью определенных тактик.

Стратегия на понижение реализуется, по мнению исследователя, в следующих тактиках: тактика анализ-«минус» (основанный на фактах разбор ситуаций, предполагающий имплицитное выражение отрицательного отношения к описываемому), тактика обвинения (приписывание конкретному лицу какой-либо вины, раскрытие чьих-либо неблагоприятных действий, поступков, качеств), тактика безличного обвинения (обвинение без указания виновника осуждаемых действий), тактика обличения (приведение фактов, аргументов, делающих явной чью-либо виновность), тактика оскорбления и тактика угрозы.

Стратегия на повышение, по мнению О. Л. Михалёвой, реализуется при помощи тактики анализ-«плюс» (противоположной тактике анализ-«минус»), тактики презентации (представления кого-либо в привлекательном виде), тактики неявной самопрезентации (представления говорящим себя в выгодном свете), тактики отвода критики (приведения аргументов, оправдывающих какие-либо действия или поступки) и тактики самооправдания.

Стратегия нейтральности, по мнению исследователя, представлена набором следующих тактик: тактика побуждения (призыв к действию, принятию какой-либо точки зрения), тактика кооперации (обращение к адресату с апеллированием к его идеям и ценностям), тактика размежевания (выявления различий в позициях и мнениях), тактика информирования (приведение данных и фактов без выражения отношения к ним говорящего), тактика обещания, тактика прогнозирования, тактика предупреждения (предостережения), тактика иронизирования, тактика провокации (подстрекательства к действиям, влекущим к тяжелым последствиям) [94, с. 58–88].

Помимо стратегий, тактик и приемов, ряд исследователей выделяет еще и *способы* манипулирования информацией. Так, Ю. В. Щербатых выделяет следующие способы: *«умолчание»* (утаивание информации от её получателя), *селекция* (пропуск и подача только выгодной информации), *передергивание* (выпячивание и подчёркивание только выгодных обманщику сторон явлений), *искажение* (преуменьшение, преувеличение, нарушение пропорций), *переворачивание* (замена «чёрного» на «белое») и *конструирование*

(придумывание несуществующих в реальности данных). Возможна комбинация этих способов манипуляции с информационным потоком» [170, с. 113–114]. Сравнение показывает, что многие из «способов манипулирования информацией» Щербатых практически дословно повторяют «приемы информационной войны» Вирена, что еще раз подтверждает тезис о некой терминологической неопределенности в сфере исследований речевого воздействия.

Г. А. Копнина также предлагает свою систему структурирования **речевых приемов** манипулятивного воздействия. При этом под речевыми (риторическими) приемами исследователь понимает «прагматически мотивированные отклонения от нормы в ее широком понимании» [67, с. 64]. В своей работе «Речевое манипулирование» Копнина рассматривает несколько групп типичных речевых приемов, которые могут использоваться с определенными манипулятивными целями: в частности, для навязывания адресату определенных оценок и точек зрения, чтобы побудить его к каким-либо действиям.

Первая группа, которую выделяет Копнина — это *паралогические приемы*, которые представляют собой осознанные и целенаправленные отклонения от законов и правил формальной логики. Исследователь отмечает три подгруппы подобных приемов:

а) приемы, основанные на несоблюдении закона достаточного основания, который гласит: всякая правильная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана. Это наиболее многочисленная подгруппа манипулятивных приемов. В нее входят следующие методики:

- отождествление кого-либо с негативно оцениваемой социальной группой;
- проведение неправомерных аналогий;
- прием «программирующей номинации» (предвосхищение событий);
- прием создания комплексной эквивалентности (использование лексем *значит, соответственно* и т. п.);
- установление желательных причинно-следственных связей;
- использование бездоказательных утверждений;

- перенос мнения нескольких людей на представительную группу;
- сопоставление (или противопоставление) логически неоднородных понятий.

б) приемы, основанные на несоблюдении закона тождества, который гласит: каждая мысль в процессе данного рассуждения должна иметь одно и то же определенное, устойчивое содержание. Закон тождества нарушается при использовании подмены тезиса, его суждения или расширения.

в) приемы, основанные на несоблюдении закона противоречия, в соответствии с которым две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, не могут быть одновременно истинными.

Следующую группу приемов Г. А. Копнина называет *параквантитативными*. Их суть — нарушение постулата количества с целью манипуляции. Подобные приемы можно разделить на две подгруппы: основанные на пропуске, умолчании какой-либо информации, и приемы внесения второстепенной, неважной информации. Среди подобных приемов следующие:

- апосиопеза (намеренное недоговаривание высказывания);
- аллюзия (намек на какой-либо исторический, политический, культурный или бытовой факт);
- смысловые пропуски в высказываниях, не выраженные интонационно или графически;
- генерализация сторонников точки зрения говорящего, базирующаяся на употреблении местоимения «мы» с размытым содержанием;
- пресуппозиции;
- эллиптические сравнения.

Третью группу составляют *стилистические* приемы, обеспечивающие манипулятивное воздействие. Стилистический прием — прагматически мотивированное отклонение от языковой нормы, ее стилистически нейтрального варианта или речевой нормы. Копнина выделяет следующие приемы:

- метафора;

- антитеза;
- обыгрывание собственного имени с целью снижения популярности конкурента;
- лозунговая расшифровка аббревиатур;
- использование аффективов (эмоционально-оценочных слов);
- навешивание (наклеивание) ярлыков;
- нагромождение терминов, используемых не для более точной, однозначной передачи информации, а для полного ее сокрытия;
- эвфемизация;
- использование слов из бытовой лексики для снятия экстраординарности ситуации и сведения всех явлений к бытовым, будничным, привычным;
- прием интимизации, в результате которого создается эффект доверительного общения автора с аудиторией;
- искажение цитат;
- номинализация (перевод глаголов в абстрактные существительные).

Четвертая группа — приемы неправдоподобного описания, или *параонтологические* приемы. Представляют собой отклонения от концептуальной картины мира, то есть от стандартного представления человека о бытии [67, с. 64-92].

Анализ показывает, что классификация форм речевого воздействия, предложенная Г. А. Копниной, имеет как достоинства, так и недостатки. К достоинствам следует отнести широкий охват самых различных манипулятивных приемов и четкую структурированность системы распознавания методов воздействия. К недостаткам — определенную направленность данной системы скорее на рекламные тексты, чем на публицистические (большая часть примеров, которые приводит автор в своей работе, касается коммерческой или политической рекламы) и сложности при практическом применении для анализа текстов.

Интенциональные текстообразующие категории Н. И. Клушиной

Н. И. Клушина предлагает достаточно простую систему классификации средств воздействия в публицистических текстах. Исследователь называет

данную систему *парадигмой интенциональных текстообразующих категорий*. С помощью средств, которые входят в эту парадигму, авторы текстов могут решить задачу убеждения адресата. По мнению Клушиной, в парадигму входят: *«идеологема как способ утверждения заданных концептов / номинаций в публицистике; убеждение с помощью оценки; именование как стилистико-идеологическая категория; стилистическая тональность текста; интерпретация (языковое варьирование) как лингвистический механизм имплицитного убеждения»* [64, с. 33].

Н. И. Клушина определяет **идеологему** как базовую интенциональную категорию публицистического текста. Именно идеологема задает определенный идеологический модус любому медиатексту. Исследователь дает следующее определение: «идеологема — основная авторская идея, имеющая политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст. <...> Идеологема — это воплощение вербальными средствами идеологических, политических, социальных установок, которые должен усвоить адресат и которые формируют в обществе определенную устойчивую идеологию, помогающую сплочению социума» [64, с. 35]. Задача автора произведения — внедрить в сознание реципиента определенную идеологему.

Чтобы донести и внедрить в сознание адресата некую идеологему, необходимы определенные средства. К данным средствам Н. И. Клушина относит оставшиеся интенциональные категории публицистического текста. Первой и основной такой категорией она считает **оценочность**. При этом ученая подразделяет оценочные суждения на *открытые и скрытые*.

Эксплицитная (открытая) оценка — это явное утверждение авторской позиции с помощью мелиоративных или пейоративных номинаций. Значительно чаще в текстах СМИ встречается **имплицитная (скрытая) оценка** — манипулятивная стратегия утверждения определенных идеологем и идей на суггестивном, подсознательном уровне. Н. И. Клушина приводит несколько наиболее распространенных вариантов речевого воздействия с помощью

имплицитных оценок. В первую очередь это использование *метафор, эвфемизмов*, а также *«переинтерпретация» цитат*.

Следующей интенциональной категорией, по мнению Клушиной, является **именование**. От удачного подбора слова, способного изменить мнение адресата, убедить, подтвердить или опровергнуть определенный тезис, зачастую зависит эффективность воздействия текста и успешность его автора. Н. И. Клушина выделяет следующие элементы концептуальной лексики массово-коммуникативного дискурса, которые используются для реализации тактик речевого воздействия: *публицистические термины, публицистические метафоры, фразеологизированные публицистические стандарты, ономастические метафоры и ярлыки*.

Еще одна интенциональная категория, которую выделяет Н. И. Клушина, это **стилистическая тональность текста**. Ученая считает, что выбор стилистики медиатекста определяется шкалой «свои — чужие». С помощью этой шкалы в дискурсе СМИ складываются «...оппозиции, включающие в себя слова, близкие по значению, но резко противоположные по вызываемому ими "стилистическому впечатлению": "наши" разведчики — "их" шпионы; "наша" убежденность — "их" фанатизм; "наши" партнеры, союзники — "их" сателлиты, приспешники и т. п.» [64, с. 47].

В зависимости от акцента, который делает автор текста на «своих» или «чужих», Клушина предлагает выделить три основных типа стилистической тональности. К так называемым **«оппозиционным»** текстам Клушина относит любые медиатексты, в которых автор доносит свою точку зрения с помощью резкой критики оппонентов. В **«одобрительных»** текстах, напротив, используется позитивная стилистическая окраска. **«Подчеркнуто объективная»** стилистическая тональность должна занимать главенствующее место в текстах СМИ, однако на практике встречается далеко не всегда. Даже в случаях, когда автор старается показать свою правдивость и неангажированность, внимательный анализ текста позволяет выявить определенные сигналы оценочности.

Завершает список интенциональных категорий **интерпретация**. Н. И. Клушина относит интерпретацию (языковое варьирование) к числу стилистических механизмов имплицитного убеждения. Интерпретация позволяет таким образом выстроить медиатекст, чтобы он мог оказать максимальное воздействие на адресата. В своих работах Клушина выделяет четыре основных вида интерпретаций в публицистических текстах:

- вмонтирование в текст высоких и низких мотивов;
- интерпретация с помощью пресуппозиций и логических уловок;
- «фигура умолчания»;
- ирония и языковая игра [64, с. 52].

Анализ приведенных выше подходов к классификации и систематизации стратегий и тактик речевого воздействия позволяет сделать определенные выводы. Несмотря на явную терминологическую путаницу, многие манипулятивные приемы одинаково описываются и повторяются в системах разных авторов. Так, в частности, все отмечают в качестве определенных тактик воздействия умолчание, использование метафор и эвфемизмов, разграничение на «своих — чужих». В данной научной работе предлагается использовать элементы всех описанных систем.

1.4 Дискурс-анализ телевизионного медиатекста: теоретические аспекты

С момента появления понятия «дискурс» и его многочисленных определений растет количество подходов к дискурс-анализу. Многообразие видов дискурса привело к образованию значительного количества методик для его изучения. При этом часть авторов теорий претендуют на универсальность, другие же разрабатывают специфические подходы для анализа определенного типа дискурса. Зачастую исследователи разрабатывают конкретные положения своей авторской методики для отдельной научной работы. Разнообразие подходов привело к тому, что, по мнению одного из основоположников дискурсивной

психологии Джонатана Поттера, уже нельзя говорить о некоей единой «методике» дискурс-анализа в традиционном понимании этого слова. Анализ дискурса не имеет формально определимого набора процедур, не пользуется традиционными статистическими подсчетами, в нем особым образом стоит вопрос о проверяемости получаемых результатов. На помощь исследователю приходит сама теоретическая система, которая «различными путями направляет анализ» [187, с. 129]. Многие исследователи считают, что практика анализа дискурса строится скорее на индуктивном, чем на дедуктивном методе: «используемая методика основывается на структурах, функциях или разновидностях эмпирических дискурсов. В том, что в зависимости от целей исследования можно обращаться к методам различных дисциплин, видится достоинство дискурсного анализа как междисциплинарного направления» [161, с. 139-140].

Определенной проблемой является поиск универсальной методологии исследований телевизионного дискурса. Это связано с несколькими факторами. Прежде всего, само телевидение как средство массовой коммуникации появилось относительно недавно. Научные разработки, связанные с дискурс-анализом текстов СМИ, значительно чаще касаются печатных или же интернет-изданий, специфика телевизионного производства в них не учитывается.

Еще одной проблемой является жанровое разнообразие телевизионной продукции и, соответственно, видов дискурса. Так, например, нельзя говорить о едином подходе к анализу дискурсов ток-шоу, новостных материалов и документальных фильмов, хотя все они могут выходить на одном и том же телеканале, создаваться одними и теми же авторами и использовать одни и те же инфоповоды. Более того, телевидение является стремительно развивающимся видом СМИ. Определенные подходы, считавшиеся классическими или «революционными», могут переходить в разряд устаревших буквально за несколько лет. Это может привести к тому, что потребуется и изменение методологии дискурс-анализа.

Современные исследования медиакommunikаций отличаются комплексным характером, что предусматривает использование синтеза различных подходов,

методов и методик, разработанных, теоретически обоснованных и апробированных в трудах представителей научных школ и различных направлений. Это позволяет сделать анализ разноплановым и более глубоким [32, с. 61]. Именно применение комплексного, интегративного подхода позволяет разработать методику дискурс-анализа телевизионного новостного дискурса с учетом всех его особенностей.

Поскольку в основе исследований дискурса лежит анализ текста, были рассмотрены различные подходы к классификации методик такого анализа. Так, О. В. Митина предлагает следующую методологическую систему анализа текста: интен-анализ, контент-анализ, фоносемантический анализ, дискурс-анализ, нарративный анализ, синтаксический анализ, семантический анализ, и др. [93]. Подобную классификацию можно встретить и в работах зарубежных авторов. В частности, создатели научного исследования «Методы анализа текста и дискурса» предлагают следующую систематизацию: контент-анализ, этнографические методы, конверсационный анализ, нарративная семиотика, критический дискурс-анализ, функциональная прагматика и др. [91].

Различные подходы к анализу дискурса рассматривает в своих работах О. Ф. Русакова. В частности, она предлагает три известные авторские классификации дискурс-анализа: Т. ван Дейка, Я. Торфинга, а также М. Йоргенсен и Л. Филлипс [138, с. 10]. Тьон ван Дейк разрабатывал свою систему на основе дисциплинарно-генетического подхода. Якоб Торфинг выделял в своих работах три «традиции» дискурс-анализа. Марианне Йоргенсен и Луиза Филлипс рассматривают три, по их мнению, наиболее известных и распространенных подхода к анализу дискурса: теорию дискурса Лакло и Муфф, критический дискурс-анализ и дискурсивную психологию [48].

Сравнительное исследование различных классификаций и подходов к анализу дискурса позволило сделать вывод, что в данной научной работе наиболее целесообразной представляется методология **критического дискурс-анализа (КДА)** для разработки на ее основе оригинальной методики анализа телевизионного новостного дискурса. Стратегии доминирования реализуются

властными структурами через контроль дискурса, который в дальнейшем формирует общественное мнение, что в конечном итоге приводит к определенным социальным последствиям. Выявление идеологической направленности текста, стратегий и тактик манипулирования с целью добиться доминирования — важнейшие задачи КДА [189, с. 354]. В данном исследовании будут рассмотрены различные подходы к критическому анализу дискурса ученых, считающихся «классиками» теории КДА.

Методика дискурс-анализа Нормана Фэркло

Подход Нормана Фэркло основывается на так называемой «трехмерной» структуре, «цель которой состоит в том, чтобы сопоставить три отдельные формы анализа друг с другом: анализ (устных или письменных) текстов, анализ дискурсивной практики (процессы производства, распространения и потребления текста) и анализ дискурсивных событий как примеров социокультурной практики» [178, с. 3].

Под «текстом» Фэркло традиционно понимает часть письменного языка — композиционно цельное произведение, такое как стихотворение или роман, или же относительно отдельную часть произведения. При этом ученый отмечает, что тексты в современном обществе все чаще становятся мультисемиотическими, понимая под этим, что основой текста, помимо языка, становятся другие семиотические формы. Английский лингвист приводит в пример телевидение, как наиболее очевидный случай сочетания языка с визуальными образами, музыкой и звуковыми эффектами.

В своих работах Н. Фэркло настаивает на необходимости поиска особых способов анализа сложного, с точки зрения семиотики, текста: «Мы можем продолжать рассматривать текст лишь как лингвокультурный артефакт, но необходимо разработать способы анализа других семиотических форм, которые сосуществуют с языком, и особенно того, как различные семиотические формы взаимодействуют в мультисемиотическом тексте» [178, с. 4]. Английский исследователь уделял внимание анализу аудиовизуальных образов в своих работах, однако считал текст основным элементом дискурса: «...телевидение

сочетает в себе технологии записи звука, изображения и вещания. Взаимосвязь между устным и визуальным каналами на телевидении является важной проблемой, которая заслуживает детального внимания в каждом конкретном случае. В отличие от кино, телевидение можно охарактеризовать в общих чертах как вербально закреплённое, при этом изображения в основном используются для поддержки слов» [177, с. 38].

Ученый вводит понятие «текстологического анализа», как одной из трех структурных частей дискурс-анализа. Такой анализ требует внимания к текстовой форме, структуре и организации на всех уровнях: грамматическом, лексическом, синтаксическом, фонологическом и других, более высоких уровнях текстовой организации. При этом «чистый» текстологический анализ часто может дать полное представление о тех смыслах (подтемах), которые присутствуют в тексте, но ничего не сообщит исследователю о тех вопросах, которые по каким-то причинам были опущены и не содержатся в изучаемом материале. Между тем, «то, что отсутствует в тексте, часто столь же важно с точки зрения социокультурного анализа» [178, с. 5]. Например, если в тексте телевизионных новостей пропущен важный аспект произошедшего события, весьма вероятно, что это сделано с определенной целью, в частности, чтобы оказать определенное воздействие на сознание зрителей. В своих работах Норман Фэркло предлагает ввести так называемую «шкалу присутствия»: «имеет смысл как бы различать степени присутствия, а не просто противопоставлять то, что присутствует, и то, что отсутствует. Мы могли бы мыслить в терминах шкалы присутствия, идущей от "отсутствующего" к "находящемуся на переднем плане": отсутствующий — предполагаемый — фоновый — передний» [177, с. 109].

Не менее важен и второй элемент трехпозиционной системы Фэркло — анализ дискурсивной практики, под которой понимаются процессы производства, распространения и интерпретации текстов: «...я считаю важным принципом критического анализа дискурса то, что анализ текстов не должен быть искусственно изолирован от анализа институциональных и дискурсивных практик, в которые встроены тексты» [178, с. 9].

Этот принцип означает, что при анализе текста телепрограммы следует учитывать все процедуры и процессы производства данной программы, а также обстоятельства интерпретации текста аудиторией.

Значительное место в теории Н. Фэркло занимают понятия интертекстуальности («цитирования» одного текста другим), интердискурсивности (сочетании в одном тексте различных дискурсов) и реконтекстуализации (когда текстуальные или стилистические элементы, ассоциированные с определенными речевыми событиями, перемещаются в новые контексты).

Фэркло отмечал, что «в наиболее очевидном смысле интертекстуальность — это присутствие в тексте реальных элементов других текстов — цитат. Но существуют различные менее очевидные способы включения элементов других текстов» [179, с. 39]. Среди задач дискурс-анализа, касающихся интертекстуальности — выяснить какие «чужие» тексты были включены в исследуемый, какие исключены, отсутствие каких текстов является значимым, а также определить степень соответствия цитирования (особенно, непрямого, в форме изложения цитируемых слов) тому, что действительно сказано или написано. Еще одна задача — выявить, как цитируемые тексты «реконституализируются в исследуемом тексте, то есть располагаются и фреймируются по отношению друг к другу и авторскому, оригинальному тексту» [179, с. 61].

Третьим, завершающим элементом КДА Н. Фэркло видит анализ дискурса как социальной практики. Ученый отмечал, что особое внимание необходимо уделить анализу текстов с целью выяснения их социального воздействия: «социальные эффекты текстов зависят от процессов создания смысла — мы могли бы сказать, что социальные эффекты текстов опосредованы созданием смысла, или же, что именно значения оказывают социальное воздействие, а не тексты как таковые» [179, с. 11].

При этом Фэркло утверждал, что тексты, как элементы социальных событий, оказывают значительное воздействие на социум: «самым

непосредственным образом тексты могут привести к изменениям в наших знаниях (мы можем чему-то научиться из них), наших убеждениях, наших взглядах, ценностях и так далее. Тексты также могут развязывать войны, или способствовать изменениям в образовании, или изменениям в производственных отношениях» [179, с. 8].

Следует отметить, что основные положения теории КДА Нормана Фэркло могут быть в полной мере использованы в качестве основы для методики анализа телевизионного новостного дискурса.

Социокогнитивный анализ Тьона ван Дейка

Когнитивная теория дискурса Тьона ван Дейка ориентирована на выявление посредством анализа дискурса тех структур в общественном сознании, которые закрепляют легитимизацию социального неравенства, расовые, этнические и другие предубеждения и предрассудки. В своих научных трудах ученый неоднократно обращался к теме дискурс-анализа СМИ, в частности — новостных текстов. Основное отличие подхода Т. ван Дейка от теории Фэркло — акцент на когнитивную составляющую дискурс-анализа. Голландский лингвист проявлял повышенное внимание к вопросам кодировки и декодирования, восприятия и интерпретации текстового материала: «понимание, запоминание и воспроизведение информации, содержащейся в текстах новостей, теперь могут изучаться в аспекте их обусловленности текстуальными и контекстуальными (когнитивными, социальными) особенностями процесса коммуникации» [30, с. 113].

Для полноты анализа Т. ван Дейк также предлагал учитывать факторы, которые напрямую влияют на интерпретацию новостных сообщений. В частности, уровень общих знаний у аудитории СМИ: «...необходим когнитивный и социальный анализ знаний носителей языка в рамках определенной культуры, анализ того, как они используют эти знания в процессе интерпретации дискурса» [30, с. 128].

Голландский лингвист вводит в свою теорию понятия *контекста*, *макроструктуры*, *суперструктуры*, *модели* и *сценария*. **Макроструктура**, в

понимании Т. ван Дейка, «эксплицитно показывает общие топики или темы текста и одновременно дает характеристику тому, что можно было бы назвать общей связностью (когерентностью) текста, так же как и его общим или основным смыслом» [30, с. 129]. **Суперструктура**, как ее видит ученый, это стандартная схема, форма построения конкретных дискурсов. В новостях данная схема может быть задана набором характерных категорий и набором правил или стратегий, определяющих следования этих категорий: «Краткое Содержание, Обстановка Направленность, Осложнение, Развязка, Оценка и Коды» [30, с. 130].

Следует отметить, что приведенные Т. ван Дейком категории в первую очередь имеют отношение к нарративному анализу, в рамках которого обычно рассматривается структура условного «рассказа», которая по многим признакам более близка к статье в печатном издании, чем сюжету теленовостей. Структура новостного материала на телевидении хоть и имеет ряд схожих признаков, все же значительно отличается от газетной. Также отличаются подходы и принципы верстки газетных полос и «верстки» новостного выпуска на телевидении. Все это требует разработки иных, оригинальных подходов для анализа структуры телевизионного текста.

Дискурсивно-исторический метод Рут Водак

Значительный вклад в развитие теории критического дискурс-анализа внесла представительница Венской школы Рут Водак. Базовые положения методики австрийской ученой совпадают с уже озвученными подходами Нормана Фэркло и Тьона ван Дейка: основное внимание концентрируется на взаимосвязи изменений, происходящих в структуре языка и в структуре социокультурных отношений. Однако именно Рут Водак и ее коллегами из Института языкознания при Венском университете был разработан дискурсивно-исторический метод, суть которого — в раскрытии дискурсивной истории каждого структурного компонента дискурса. Водак считала, что в ходе изучения любого дискурса важно учитывать пласты исторических знаний, составляющих его контекст: «конкретный анализ должен учитывать историческое развитие дискурсивных практик (изменение), интертекстуальность и междискурсивность.

Это может объяснить, почему так трудно привести "короткие, красноречивые" примеры в статье: пример требует деконструкции всего социально-политического и исторического контекста, в который встроены дискурсивные практики» [190, с. 10]. Поскольку в исследованиях дискурса значительное место занимает анализ связи текста с социальными практиками, необходимо изучение процессов изменения социума: «Тот факт, что социальные процессы являются скорее динамическими, чем статическими, должен найти отражение в теории, методологии и интерпретации данных» [18, с. 288].

Междисциплинарное исследование послевоенного антисемитизма позволило Рут Водак и ее коллегам на практике доказать эффективность разработанной методики. В ходе дискурсивно-исторического анализа был отслежен процесс образования стереотипного антисемитского образа врага или портрета противника, выявлены предубеждения, входящие в расистский дискурс. По сути, «дискурсивно-историческая методология составлена так, чтобы позволить проводить анализ неявно высказываемых предубеждений, выявлять коды и намеки, которые читатели могут расшифровать и понять только тогда, когда ознакомятся с историческими обстоятельствами, составляющими контекст дискурса» [137, с. 46]. Анализ процессов создания образа врага, стереотипов и предубеждений, несомненно, важен и при исследованиях военного дискурса в СМИ, которые являются основной задачей данной научной работы.

Как отмечают современные исследователи, основным качеством этой методики является поиск и интеграция всей доступной фоновой информации применительно к различным уровням письменного и устного дискурса: «Дискурсивно-историческая методология направлена на выявление косвенных негативных оценок в суждениях, на определение и выявление кодов и аллюзий, способствующих созданию предвзятого мнения в дискурсе» [38, с. 39].

В рамках данной научной работы дискурсивно-исторический подход Рут Водак будет использован при разработке методологии анализа телевизионного новостного дискурса. В частности, предлагается предварительно рассмотреть исторические предпосылки для создания той или иной политико-

социальной ситуации, которая в дальнейшем может оказывать влияние на процессы создания и интерпретации новостного телевизионного дискурса. Более того, предполагается рассматривать сам дискурс теленовостей в динамике, анализируя изменения, которые происходят в рамках определенного временного отрезка. В итоге, необходим анализ взаимосвязи изменений, которые относительно синхронно происходят в текстах, дискурсивных и социальных практиках, а также причин этих изменений.

Помимо упора на историческую перспективу дискурса, Рут Водак в своих работах сформулировала принципы критического дискурс-анализа, которые частично совпадают с общеизвестными, но имеют и ряд отличий. Ниже приводится ряд принципов, которые будут использованы в данной работе для разработки методики анализа телевизионного дискурса:

— исследование всегда включает полевые работы и этнографию для изучения исследуемого объекта (изучение изнутри) в качестве предварительного условия для любого дальнейшего анализа и теоретизирования. Такой подход позволяет избежать «подгонки данных для иллюстрации теории»;

— подход является абдуктивным: необходимо постоянное движение вперед и назад между теорией и эмпирическими данными;

— исторический контекст всегда анализируется и интегрируется в интерпретацию дискурсов и текстов;

— категории и инструменты для анализа определяются в соответствии со всеми этими шагами и процедурами, а также с конкретной исследуемой проблемой [190, с. 14].

Социальная семиотика Гюнтера Кресса

В основу подхода, получившего название «социальная семиотика», лег анализ мультисемиотических свойств текстов. Одним из основоположников теории считается Гюнтер Кресс. В своих работах он уделял особое внимание способам анализа визуальных образов (фотографий в прессе, телевизионных образов, изобразительного искусства) и отношениям между языком и визуальными образами.

Представитель Лондонского университета Гюнтер Кресс в своих исследованиях отталкивался от теории *мульти-modalности*. В рамках данной теории тексты уже не рассматриваются как основные, базовые средства конструирования смыслов в дискурсе — их как минимум дополняют, а иногда и замещают другие семиотические формы: «Все чаще мультимодальные знаковые композиции вытесняют привычные, в большинстве своем исключительно письменные тексты. Это уже, очевидно, относится к коммуникативным практикам и представлению информации в "новых медиа"» [72, с. 79].

По мнению Кресса, большинство теорий дискурс-анализа по-прежнему опирается на изучение вербальных текстов. Другим семиотическим формам реализации смысла (в первую очередь визуальным) уделяется мало внимания. Между тем, их влияние на социальные практики не только не уступает, но иногда и превосходит речевое воздействие. В своей книге, посвященной «грамматике визуального дизайна», автор настаивает на необходимости учета визуального компонента в КДА: «Анализ визуальной коммуникации является или должен быть важной частью "критических" дисциплин <...> мы рассматриваем изображения любого рода как полностью относящиеся к сфере реализаций и воплощения идеологии» [182, с. 14].

В частности, рассматривая телевизионный медиатекст, нельзя не учитывать перлокутивный эффект, который достигается использованием визуальных образов, то есть видеоряда. Работа оператора и монтажера не менее важна для создания цельного произведения и определенного воздействия на зрителя, чем вклад журналиста. Кресс считал, что различные семиотические формы должны работать в комплексе, дополняя друг друга: «При коммуникации несколько модусов всегда используются вместе, образуя модальные ансамбли (*ensembles of modes*), в которых средства каждого модуса используются для задач, которые, как кажется производителю знаков, в определенной ситуации наиболее точно выполняются именно этим модусом» [72, с. 85–86]. При этом «ценность» различных семиотических ресурсов будет неизбежно варьироваться в зависимости от множества обстоятельств (типа исследуемого дискурса, политико-

экономических факторов, сопутствующих процессам производства и интерпретации текста, и т. п.). По мнению исследователя, вербальная и визуальная формы связаны, но независимы в дискурсе: «визуальный компонент текста — это независимо организованное и структурированное сообщение, связанное с вербальным текстом, но никоим образом не зависящее от него — и точно так же наоборот» [182, с. 18].

Теоретические наработки Гюнтера Кресса были апробированы им, в том числе и во время исследований телевизионного дискурса. Так, при анализе британских новостных телесообщений о выступлениях против расизма было выявлено, что и текст, и визуальное наполнение репортажей строилось таким образом, чтобы представить протестующих против апартеида в качестве агрессивных агентов беспорядков, т. е. в образе врага, в то время как полицейские были представлены как защитники порядка и демократии. В своей работе Кресс показывает, что лексическая структура текста, выбор метафор военного столкновения, смысловые акценты телевизионной картинки — все работает на определенную идеологическую заданность дискурса. Ракурсы телекамеры, выбор крупности планов и композиционные решения идентифицируют зрителя с полицейскими, а не с протестующими против апартеида антифашистами. Именно такой комплексный подход к анализу телевизионного дискурса, с учетом лингвистической структуры текста и аудиовизуальных особенностей сюжета, предлагается использовать в практической части данной научной работы.

Выводы по первой главе

Изучение теоретических источников, проведенное в первой главе, позволяет сделать определенные выводы. В частности, анализ показал, что дискурс является одним из самых неоднозначных понятий в современной научной среде. Данный термин фигурирует в научных трудах специалистов в области лингвистики, журналистики, философии, социологии, политологии, риторики и ряда других

направлений. Исследовательская область под названием «теория дискурса» является одним из наиболее активно развивающихся направлений современных общественных наук.

Анализ различных теорий дискурса показал, что в настоящее время преобладают функциональные или же когнитивно-коммуникативные подходы к определению понятия дискурс. Формальные подходы, при которых язык изучается как замкнутая система, а дискурс понимается как текст, в настоящее время мало актуальны. Значительно чаще дискурс ассоциируется с коммуникативным актом, точнее — с совокупностью коммуникативных актов, объединенных по какому-либо принципу. В определении дискурса также необходимо учитывать особенности, характеризующие коммуникативные акты — как лингвистические, так и экстралингвистические. Среди экстралингвистических факторов — условия коммуникации, интенции коммуникантов, способы коммуникации, пресуппозиции, контекст, условия интерпретации, социокультурные последствия. В соответствии с этим подходом автором было сформулировано следующее определение: **дискурс** — это совокупность коммуникативных актов, в основе которых лежит текст, объединенных по какому-либо признаку (тематически, функционально) и имеющих сходные лингвистические и экстралингвистические особенности.

При исследованиях дискурса СМИ, наряду с понятием текста, достаточно часто используются термины «медiateкст» и «гипертекст». На основании изучения многочисленных научных работ современных исследователей было сформулировано определение медiateкста. По мнению автора данной работы, **медiateкст** — это сложное, многоуровневое, логически связанное и композиционно цельное произведение, функционирующее в сфере средств массовой информации и объединяющее в своей структуре как вербальные, так и невербальные элементы коммуникации. Также было установлено, что понятие «гипертекст» в большей мере относится к материалам, опубликованным в сети интернет, и не может рассматриваться применительно к текстам, функционирующим в телевизионном дискурсе.

В настоящее время средства массовой коммуникации любого государства принимают активное участие в информационном противостоянии. При этом победы в информвойнах чаще всего достигаются с помощью имплицитных манипулятивных технологий. Манипуляции основываются не на логических доводах, а на эмоциональном воздействии. В данной работе рассмотрены различные подходы к классификации стратегий и тактик речевого воздействия, в частности теории Г. В. Вирена, Н. И. Клушиной, Г. А. Копниной, О. Л. Михалевой и др. Определено, что элементы рассмотренных классификаций могут в равной мере быть использованы при анализе телевизионного новостного дискурса.

Своеобразие теледискурса требует разработки особой методологии дискурс-анализа для проведения эффективных исследований. Изучение различных направлений и подходов показало, что за основу такой методики имеет смысл взять теорию критического дискурс-анализа Н. Фэркло. В частности, в его «трехпозиционную» систему входят: анализ текста, анализ дискурсивной практики (процессов производства, распространения и потребления текста) и анализ дискурсивных событий как примеров социокультурной практики. Ученый утверждал, что тексты, как элементы социальных событий, оказывают значительное воздействие на социум, меняют взгляды и убеждения людей, развязывают и завершают войны.

Теория Н. Фэркло может быть дополнена элементами дискурсивно-исторического метода Р. Водак. Ученая считала, что в ходе изучения любого дискурса важно учитывать пласты исторических знаний, составляющих его контекст. В частности, в рамках данной работы предлагается предварительно рассмотреть исторические предпосылки для создания той или иной политико-социальной ситуации, которая в дальнейшем может оказывать влияние на процессы создания и интерпретации новостного телевизионного дискурса. Более того, предполагается рассматривать сам дискурс теленовостей в динамике, анализируя изменения, которые происходят в рамках определенного временного отрезка.

Т. ван Дейк разработал социокогнитивную методику дискурс-анализа, некоторые элементы которой могут быть использованы при исследованиях теледискурса. В частности, голландский лингвист считал необходимым учитывать уровень общих знаний у аудитории средств массовой коммуникации, поскольку этот фактор напрямую влияет на интерпретацию новостных сообщений.

Для эффективного анализа телевизионного дискурса указанные теории могут быть дополнены подходом Г. Кресса. В основу его теории лег анализ мультисемиотических свойств текстов. По мнению ученого, при изучении «сложных» дискурсов (например, телевизионных) необходим комплексный анализ различных семиотических форм конструирования смыслов, в частности — вербальной и визуальной. Комплексный подход к анализу телевизионного дискурса, с учетом лингвистической структуры текста и аудиовизуальных особенностей сюжета, будет использован в практической части данной научной работы.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА СОЗДАНИЯ, ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА

2.1 Эволюция телевизионного новостного дискурса

Под телевизионным новостным дискурсом в данной работе будет пониматься совокупность новостных медиатекстов, произведенных определенной телекомпанией в конкретный отрезок времени с учетом разнообразных факторов, сопровождающих процессы создания и потребления медиапродукции. Изучение истории развития телевизионного новостного дискурса будет производиться на основе материалов Донецкого телевидения. Донецкое телевидение — обобщенное понятие, которое, в рамках данного исследования, будет включать в себя деятельность различных телекомпаний, действовавших в разные периоды времени на территории г. Донецка. Для анализа основных тенденций развития и современных требований к телевизионному новостному дискурсу необходимо изучение истории Донецкого телевидения в целом, поскольку научных исследований по данной теме не существует.

Строительство Сталинского (впоследствии Донецкого) телецентра было начато в 1954 г. и завершилось в рекордно короткие сроки — 25.08.1956 г. в эфир вышла первая пробная телепередача[152]. Изначально центр состоял из двух организаций: Сталинского телевизионного центра, который отвечал за работу телевизионного и передающего оборудования, и Сталинской студии телевидения, сотрудники которой непосредственно занимались созданием телепередач.

На этапе создания объемы вещания Сталинского телецентра были весьма незначительными: телепрограммы выходили в эфир два дня в неделю, а продолжительность вещания составляла 2–3 часа в сутки. По мере развития инфраструктуры телестудии и расширения кадрового состава увеличивались и

объемы вещания телецентра. Значительную роль в этом сыграло введение в эксплуатацию радиорелейной линии Москва — Луганск — Чернухино — Сталино в 1958 г., что позволило транслировать в регионе передачи Центрального телевидения.

В 1960 году передачи Сталинского телецентра выходили в эфир уже шесть дней в неделю. Санитарным (выходным) днем считался четверг. Утренний блок передач начинался в 11:00 и составлял около двух часов; вечерний блок начинался в 19:00 и его продолжительность составляла 3–4 часа. Таким образом, недельный объем вещания регионального телевидения составлял около 25–30 часов.

Современные исследователи, говоря о функциях телевидения, на первое место обычно ставят информационную функцию ТВ. Однако на момент создания и активного развития регионального советского телевидения ситуация была другой. Основным средством массовой информации в 50-х годах XX столетия считалось радио. Что же касается телевидения, то ему скорее выделялась роль ретранслятора театральных и концертных произведений и кинофильмов. Доказательством данной гипотезы может служить цитата из Приказа Министерства культуры СССР №339 «Об организации студии телевидения в г. Сталино»: «Основным содержанием телевизионных передач Сталинской студии телевидения должен являться показ спектаклей музыкальных и драматических театров, художественных и других кинофильмов, а также концертных, спортивных и общественно-политических программ из телевизионной студии, концертных залов и со спортивных площадок» [129].

Следует отметить, что жанровая структура трансляций Сталинской студии телевидения в период становления отличалась значительным преобладанием художественных телепрограмм над общественно-политическими и информационными. В первые два месяца вещания в программе телепередач были только кинофильмы. В дальнейшем, с созданием нескольких редакций и расширением штата, количество собственных телепрограмм значительно выросло, однако преобладание «чужой» кинопродукции оставалось подавляющим

еще долгое время. Так, в 1957 году лишь четверть общего объема телепередач студии (191 ч.) составляли студийные программы собственного производства. Три четверти объема трансляции (537 ч.) пришлось на кинопередачи. При этом в структуре собственного телепроизводства тоже преобладало художественное вещание — большая часть студийных передач приходилась на концертные, музыкально-постановочные (56 ч.) и драматические (48 ч.) программы. На общественно-политические и научно-познавательные передачи было выделено лишь 36 часов (5%) трансляций [110]. Планом вещания на 1958 г. также предусматривалось, что две трети эфира будут отведены для демонстрации кинофильмов [118]. Проведенный анализ показывает, что в период становления телевидения доминировала культурно-просветительская функция.

Несовершенство и недоукомплектованность производственной базы и отсутствие квалифицированных кадров мешало студии увеличивать объемы собственного телевизионного производства. В 1958 г. телецентр еще не был сдан в эксплуатацию. Это усложняло выполнение одной из главных (на тот момент) задач — передачи в эфир телеспектаклей. За год было выпущено 60 телеспектаклей, однако «часть из них была подвергнута критике в связи с низким уровнем исполнительского мастерства актеров» [109]. Руководство телестудии объясняло это отсутствием квалифицированных специалистов по данному направлению. Проблему частично удалось решить в 1959 г., создав на базе Сталинской студии телевидения самостоятельную студию телевизионного актера [125].

Одной из универсальных форм подачи информации в этот период стали телевизионные журналы. Тележурнал позволял в рамках одной тематической передачи объединить различные телевизионные жанры: выступление приглашенного в студию гостя, интервью, беседу в студии, кино и фотоочерки, театрализованные постановки и выступления художественных коллективов. В 1958 г. Сталинская студия телевидения выпускала два тематических тележурнала для взрослых и три — для детей. В тележурналы периодически включались новостные материалы, однако данная рубрика не была структурно выделена [109].

Основным жанром информационного вещания на региональном телевидении считался очерк. Отсутствие собственного кинопроизводства приводило к тому, что большая часть очерков производилась с использованием фотографий. Как отмечали руководители Сталинской студии в 1960 году: «Наши режиссеры и операторы научились так выдавать фотоочерки, что порою их трудно отличить от киноочерка: панорама, наезд, четкая смена кадров, хорошее музыкальное оформление создают иллюзию непрерывного движения, динамики видеоряда» [131].

Значительное внимание в работе телестудии уделялось контролю качества. Так, в 1959 г. был создан Редакционно-художественный совет. Совет являлся совещательным органом при руководстве телестудии: «...помогает директору осуществлять политическое и художественное руководство студией, направлять деятельность редакций, творческих групп и производственных цехов» [120].

Для реализации поставленных задач и развития общественно-политического вещания крайне важным было наличие профессиональных кадров. Однако кадровый вопрос был сложной проблемой для Донецкого телевидения на протяжении всего периода существования. Особенно серьезно ощущался дефицит профессиональных работников в период создания и становления студии. По состоянию на 01.10.1956 г. в штате студии было 11 сотрудников. Семь из них относились к производственно-техническому составу, четыре — к административному составу [103]. К концу 1957 г. штатный состав увеличился в восемь раз и составил 87 человек, из которых 11 относились к административно-управленческому персоналу и 76 — к редакционному и производственно-техническому персоналу [84]. В 1958 г. на студии работало уже более 150 человек [104]. В 1959 г. руководители студии отмечали, что вакантными «до сих пор остаются должности главного редактора, главного кинооператора, заместителя директора, художественного руководителя студии» [108].

Разрабатывая организационную структуру, руководители Сталинской телестудии использовали тематическое сходство телевидения и прессы. На

начальном этапе были созданы четыре редакции, позволяющие охватить весь спектр тематической направленности передач регионального ТВ:

1. Редакция общественно-политического вещания;
2. Редакция художественного вещания;
3. Редакция музыкального вещания;
4. Редакция вещания для детей и юношества [128].

В дальнейшем эта структура неоднократно менялась. Так, в 1959 году редакция общественно-политического вещания была разделена на две: редакцию народного хозяйства и редакцию общественно-политических передач. В этом же году была организована отдельная редакция молодежных программ [123].

Информационное вещание появилось на Донецком телевидении в 1959 г. Решение о создании на Сталинской студии телевидения первой информационной программы было принято на заседании Комитета по радиовещанию и телевидению при исполкоме Сталинского областного совета депутатов трудящихся 10.05.1959 г. [130]. Новая передача получила название «Новости недели». Организовать выпуск еженедельной программы поручили сотрудникам общественно-политической редакции, однако привлекать к работе над передачей планировалось специалистов из всех редакций Сталинской студии телевидения [131]. В 1960 г. была создана редакция телевизионной хроники: «...за счет сокращения штата редакторов детской и литературно-драматической редакций создать новую редакцию телевизионной хроники. Подобрать в состав редакции умеющих оперативно работать, хорошо знающих народное хозяйство, политическую и культурную жизнь области, трех журналистов и одного режиссера» [126].

На начальном этапе развития (50–60-е годы XX века) **телевизионный новостной дискурс** был крайне ограничен в семиотических формах донесения информации [109; 117; 150]. Несмотря на то, что в Советском Союзе выпуском магнитофонов начали заниматься еще в 1949 году, первые переносные модели появились лишь в середине 60-х. Телевизионные камеры того времени были массивными и могли перемещаться только в пределах студии или вблизи ПТС.

Оперативные съемки велись с помощью переносных компактных кинокамер, которые записывали только изображение, но не записывали звук. Ситуация изменилась с появлением портативных бобинных магнитофонов — это позволило синхронно, хотя и раздельно, записывать изображение и звук. Именно от выражения «синхронная запись» произошло сленговое слово «синхрон», сейчас обозначающее видеозапись выступления или интервью респондента с качественным звуком. В конце 50-х годов технические возможности телевидения не позволяли творческим группам, снимающим новости, записывать синхроны. Также отсутствовала возможность записи фонового звука, что ограничивало использование материалов «без комментариев» («лайфов»). Видеоизображение в полной тишине (без фонового звука) смотрелось неестественно, а применение технологий кинопроизводства (в части озвучки видеофрагментов) было невозможно в рамках оперативной подачи новостей. В результате, в выпусках новостей присутствовали лишь три семиотические формы донесения информации: начитка диктора (ведущего новостей) в студии; начитка диктора (закадровый текст); видеоматериалы (без фонового звука). Соответственно, все новостные материалы представляли собой либо дикторские начитки (в кадре ведущий в студии), либо киносюжеты (видеоизображение, снятое на киноплёнку, в сопровождении начитки закадрового текста диктором).

Анализ телевизионного новостного дискурса Сталинской студии телевидения за вторую половину 1960 г. [195] позволяет определить специфику создания информационных материалов и выявить ряд языковых особенностей телетекстов регионального советского ТВ в период становления. Следует отметить, что в состав новостного выпуска входило, в среднем, 7–10 информационных материалов. Определялось данное количество наличием инфоповодов и техническими возможностями редакции телевизионной хроники и операторского цеха. В структуре выпуска использовался классический принцип «верстки» (тематического порядка следования сюжетов). В начале выпуска шла официальная информация о деятельности государственных органов власти, партийных и комсомольских организаций, далее шли сюжеты на темы

производства, экономики и трудовых успехов советских граждан, завершали выпуск новости культуры и спорта.

Анализ хронометража киносюжетов показывает, что в среднем продолжительность одного информационного материала составляла 35–45 сек. Минимальная длительность — 27 сек., максимальная — 1 мин. 52 сек.

Структурный анализ показывает, что в подавляющем большинстве сюжетов использован принцип «перевернутой пирамиды», когда основная, самая важная информация сообщается в начале сюжета, а дополнительная и менее важная — в середине и в конце. Можно привести пример нескольких первых предложений из сюжетов новостных выпусков 1960 года: *«Сегодня в Доме политпросвета обкома партии прошла пятая Донецкая областная отчетно-выборная конференция журналистов», «Горячая пора у хлеборобов Приазовья. Идет завершающий этап сельскохозяйственного года — уборка овощей, кукурузы, подсолнечника», «На Никитовском ртутном комбинате построена первая очередь спортивного комплекса».*

Исключение составляют сюжеты с «мягкой», интригующей подводкой. Так, в материале о передовике труда основная информация (каким образом и насколько он превышает нормы выработки) сообщается в середине сюжета, а в начальной подводке идет предыстория: *«Владимир Григорьевич Зяблов работает машинистом экскаватора на Сильском руднике Докучаевского флюсодоломитного комбината. За успехи в прошлой пятилетке ему присвоено высокое звание Героя Социалистического труда».* Нарушение принципа «перевернутой пирамиды» встречается лишь в 10% сюжетов, большая часть материалов структурно строилась по классическому принципу.

Обращает на себя внимание оформление текстов сюжетов — оно строится по принципу «один абзац — одно предложение». Максимальное количество предложений в одном абзаце — два. Видимо, такое нестандартное оформление в то время использовалось для удобства прочтения текстов диктором во время прямого эфира.

При этом бóльшая часть предложений — простые и короткие, что отвечает требованиям легкости восприятия текста телезрителями. Исключения составляют предложения с длинными перечислениями участников мероприятий и их должностей: *«В обсуждении приняли участие: редактор газеты «Радянська Донеччина» Анатолий Кравченко, помощник начальника участка шахтоуправления №4 комбината «Шахтерскантрацит», член Союза журналистов Геннадий Иванов, секретарь первичной организации журналистов Макеевки, собственный корреспондент газеты «Радянська Донеччина» Натан Добрусин»*. В основном в предложениях используется прямой порядок слов, хотя возможны исключения, что видно из приведенных выше примеров.

Жанрово-стилистически новостные сюжеты того времени в большей мере можно отнести к разряду отчетов. В сюжетах сообщалась лишь официальная информация, дававшая зрителю только общее представление о прошедшем событии. Например, в сюжете об областной отчетно-выборной конференции журналистов бóльшая часть сюжета посвящена перечислению докладчиков, принявших участие в обсуждении и их должностей как в производственной, так и в партийной иерархии. Предложения строятся с использованием типичных канцеляризмов и штампов советского времени: *«С докладом о работе бюро Донецкого областного отделения Союза журналиста УССР и задачах журналистам в свете решений 24-го съезда КПСС и 24-го съезда Компартии Украины выступил председатель бюро, заместитель редактора газеты «Социалистический Донбасс» Анатолий Гененко», «Докладчик проанализировал деятельность областной журналистской организации, рассказал про то, как работники газет, телевидения и радио помогают партийным организациям в деле мобилизации трудящихся на борьбу за выполнение решений 24-го съезда КПСС и 24-го съезда Компартии Украины, подробно остановился на их задачах», «С отчетом ревизионной комиссии областной организации Союза журналистов выступил его председатель, корреспондент «Рабочей газеты» Георгий Дорофеев»*.

Как видно из приведенного примера, в сюжете практически полностью отсутствует информация, которая могла бы реально заинтересовать зрителя. Журналист лишь сообщает о темах, которые поднимал докладчик, но не дает никакой конкретики: как именно работники СМИ помогают партийным органам, какие именно задачи поставлены в решениях партийных съездов. Также не приводится никаких конкретных данных из отчета ревизионной комиссии. Если эта информация не важна, то не стоило упоминать об этом моменте в сюжете, если же в отчете содержалось что-то важное — необходимо было донести до зрителя, что именно. Характерно выглядит завершение сюжета: *«Согласно отчетному докладу принято соответствующее Постановление. Конференция выбрала бюро, ревизионную комиссию и делегатов на третий съезд Союза журналистов УССР»*. В данном блоке текстового материала упоминается *«отчетный доклад»*, о котором зритель практически ничего не знает, кроме его общих тем, и некое *«Постановление»*, о котором в сюжете вообще ничего не говорится, кроме названия (и то сокращенного). Подобное поверхностное отношение к передаваемой информации встречается и в других сюжетах. Так, например, в материале об *«Эстафете комсомольско-молодежного агитационно творческого рейда в честь 50-летнего юбилея Союза братских республик»* доводится следующая информация: *«Торжественный старт эстафеты прошел около памятника Ленину»*, *«Участники рейда побывали на Амвросиевском цементном комбинате, в колхозах, учебных заведениях»*, *«Студентка индустриального техникума Людмила Инякова передала эстафету Анатолию Ивахненко — секретарю комсомольской организации цеха обжига»*. В чем смысл и содержание эстафеты — из сюжета понять невозможно, также ничего не говорится о том, что делали участники рейда на комбинате, в колхозах и учебных учреждениях. Вместо этого почти целый абзац посвящен данным о комсомольской организации цеха обжига и ее месте в соцсоревновании.

Отсутствие конкретной информации делало подобные сюжеты неглубокими, бессодержательными и неинтересными для зрителя. Однако советское телевидение на тот момент действовало в отсутствии конкуренции,

занимая монопольное положение в сфере видеоинформационных СМИ. К тому же, подобное поверхностное отношение проявлялось в основном по отношению к сюжетам на темы партийных и комсомольских мероприятий. Когда речь заходила о промышленности, строительстве, экономике и сельском хозяйстве, в информационных материалах появлялось больше конкретных данных, в основном — статистических: *«С начала года уже отгружено 33 тысячи тонн горной породы сверх плана», «Экипаж в составе звеньевого, тракториста Виктора Михайловича Малаева и шофера Дмитрия Матвеевича Дудника собирает по 40 центнеров с гектара», «Площадь в 111 гектаров механизаторы решили обработать за 12 дней»*. Как видно из приведенных примеров, еще одной характерной чертой информационных материалов того времени является упоминание в каждом сюжете конкретных рабочих, колхозников, сотрудников различных организаций и ведомств, причем зачастую с указанием имени, фамилии и отчества (что не приветствуется на современном телевидении), а также должности и партийных или комсомольских регалий. Такое внимание к человеку труда было оправданным в СССР и содержалось в требованиях партийного руководства к деятельности СМИ.

Анализ языковых особенностей региональных телевизионных медиатекстов второй половины 1960 года позволяет утверждать, что телетекстам того времени был свойственен **лингвистический аскетизм**, под которым понимается *«...совокупность таких характеристик, как стремление к «нейтральности» речи, «антикреативность», отсутствие яркой метафорики на лексическом и грамматическом уровне»* [134, с. 658]. К другим признакам лингвистического аскетизма в телевизионных текстах можно отнести синтаксический минимализм и упрощенность грамматической структуры.

Среди особенностей рассматриваемых медиатекстов можно также выделить обилие заимствований из сферы общественной и общественно-политической лексики. В связи с этим основной характеристикой новостных телетекстов на лексическом уровне надо назвать **клишированность**. В текстах постоянно встречаются как свойственные для данного периода традиционные советские

клише, так и узуально-клишированные словосочетания, характерные для Донецкого региона. При этом современные исследователи отмечают, что «благодаря своей воспроизводимости и повторяемости клишированные словосочетания хорошо понимаются адресатом и облегчают процесс коммуникации, экономят время как авторов новостных текстов, так и их адресатов» [78, с. 6].

Среди наиболее частотных лексем: *Союз, партия, комсомол, трудящиеся, коммунист, председатель, секретарь, доклад, шахта, завод, колхоз*. Часто встречаются традиционные для советского политического дискурса клише: *ударный труд, торжественный старт, социалистическое соревнование, проходит под девизом, комсомольская организация, отчетно-выборная конференция, борьба за выполнение, решения съезда, изучение опыта работы, досрочное завершение пятилетки, высокое звание, повышение производительности труда*. Периодически встречаются и узуально-клишированные словосочетания, такие как: *выдать на-гора, задуть домну, отправиться в забой* и др.

Необходимость оперативной подачи материалов и сжатость текста обусловили широкое использование готовых языковых конструкций для написания новостных текстов: «Общий нейтральный невариативный лексический фон новостных текстов позволяет использовать типичные обороты и клише. Основной чертой языка ... является стремление к стандартизованности» [78, с. 6]. Однако, по мнению некоторых исследователей, данная «стандартизованность» в советском политическом дискурсе приобретает чрезмерные формы. Так, Н. Б. Вахтин, говоря о языковых чертах советского языка, использует определение «тоталитарный дискурс». Главная особенность тоталитарного дискурса — «ритуализация» речевой сферы (частое употребление «застывших» формул — регулярно воспроизводимых в тексте речевых штампов). По мнению Вахтина: «Вся ритуализованная речевая сфера построена на формулах. При этом совершенно неважно, насколько эти формулы соответствуют тому, о чем говорится. Весь смысл их употребления сосредотачивается именно на

соблюдении ритуала» [16, с. 205]. А. Юрчак в своей работе, посвященной распаду советской социалистической системы, отмечал, что клишированность проникла во все виды текстов: штампы содержались в официальных документах всех уровней, речах руководителей, планах и отчетах. Проблема коснулась и деятельности СМИ: «Стандартизация формы коснулась всех структурных уровней этого языка — от синтаксиса, морфологии и семантики до стилистики, риторики и нарративной организации. Целые куски текстов, написанных этим языком, с легкостью переносились в новые тексты практически без изменений» [172, с. 92].

Проведенные исследования советского регионального телевизионного медиатекста действительно выявили чрезмерную стандартизацию и ритуализацию языка СМИ того времени. Одни и те же языковые штампы и клишированные словосочетания многократно повторяются в различных текстах, выхолащивая суть информационных сообщений и делая их малоинтересными для зрителя. Более того, зачастую желание использовать распространенный языковой оборот приводило к нарушению логических связей и фактическим ошибкам в сюжетах. Так, один из новостных киноматериалов назывался «Хлеборобы Приазовья». В сюжете шла речь об уборке капусты, кукурузы, арбузов, но не было ни одного упоминания о хлебе. Очевидно, журналист, решив использовать яркую и широко используемую лексику *хлебороб*, поставил ее в один синонимический ряд со словами *колхозник*, *земледелец*. Однако в данном контексте использование подобного речевого штампа выглядело необоснованным и могло вызвать вопросы у зрителей, особенно тех, кто был знаком с сельским хозяйством.

Еще одной особенностью телевизионных медиатекстов советской эпохи было то, что вышеупомянутые клишированные словосочетания зачастую относились к разряду канцеляризмов. В исследуемых текстах достаточно часто встречаются выражения, написанные «сухим» «канцелярским» языком: *согласно отчетному докладу*, *достижения в области благоустройства жилья* и др. Использование так называемого «казенного» языка приводило к тому, что информационные сообщения более всего соответствовали «протокольному»

стилю изложения. Как уже отмечалось ранее, одни и те же выражения и словосочетания использовались в официальных документах и телевизионных сюжетах. Журналисты относились к работе достаточно формально, полностью отсутствовал авторский подход при написании текста. При этом вины телевизионщиков в данной ситуации не было.

Несмотря на сухость изложения, в киносюжетах того времени присутствовала определенная эмоциональная окраска (под эмоциональной окраской понимаются оценочные суждения, высказанные в сюжете по тому или иному поводу). Н. Б. Вахтин выделяет в политическом дискурсе советского времени два субдискурса — «лозунговый» и «праздничный». «Лозунговый» субдискурс подразумевает постоянное употребление в текстах выражений-лозунгов; «праздничный» был направлен на популяризацию советского образа жизни путем создания эффекта постоянного праздника (торжества), актуализации побед (военных, трудовых или спортивных), героизации советских людей. Анализ исследуемых медиатекстов показал, что «лозунговый» субдискурс в них полностью отсутствует. Подобная форма подачи информации была свойственна скорее довоенной и военной кинохронике. В 60-х годах предпочтение в новостях отдавалось информации, а не лозунгам. Напротив, «праздничный» субдискурс встречается в сюжетах Донецкой телестудии постоянно. Для создания позитивного настроения и восприятия действительности у телезрителей использовались лексемы и клишированные словосочетания с явной положительной коннотацией: *«торжественный старт эстафеты», «достижения в области культурно-бытового обслуживания», «значительное улучшение условий труда и быта», «присвоено высокое звание Героя Социалистического труда», «с большим энтузиазмом», «построены превосходные волейбольная и баскетбольная площадки»*. Как видно из приведенных примеров, для создания необходимой эмоциональной окраски и определенного настроения зачастую использовались эпитеты с положительной коннотацией (*значительное, высокое, превосходные*), что не приветствуется на современном телевидении. Н. Б. Вахтин отмечал, что для советского общества

была «характерна гиперсемиотизация всех сфер жизни, причем используется это для того, чтобы придать жизни хоть какое-то подобие праздничности» [16, с. 207]. Следует отметить, что в части создания «праздничного» настроения у зрителя, представители Донецкого телевидения 60-х годов со своей задачей справлялись успешно.

Подытоживая, можно сделать определенные выводы: региональные телевизионные информационные материалы в период становления ТВ отличались краткостью (в среднем до 1 мин.), поверхностностью (сообщалась только общая официальная информация), «протокольным» стилем изложения. Весь текст начитывался диктором. Значительную часть сюжетов занимало перечисление участников мероприятий и их регалий. В материалах отсутствовала авторская позиция журналиста. Тексты сюжетов отличались лингвистическим аскетизмом («антикреативностью», отсутствием метафор, синтаксическим минимализмом), высокой степенью клишированности, постоянным использованием канцеляризов. Эмоциональную окраску текстам придавало использование «праздничного» субдискурса.

Следует отметить, что большая часть вышеуказанных особенностей текстов телевизионных новостей была свойственна не только региональному, но и Центральному телевидению СССР. Отличалась только длительность сюжетов — на ЦТ она была больше, ввиду значительных объемов сообщаемой информации. Специфика текстов новостного теледискурса сохранялась на протяжении всего существования СССР и кардинально изменилась только в начале 90-х годов. Однако в этот период значительные изменения произошли в технологии производства теленовостей. Внедрение технологических новшеств повлекло за собой качественные изменения в процессах создания и интерпретации новостного телевизионного дискурса.

Использование записи на магнитную пленку. Появление аудио и видеомagnetофонов в середине 60-х годов произвело своеобразную революцию в телевизионном производстве. Как уже отмечалось выше, благодаря компактным переносным магнитофонам, у журналистов появилась возможность записывать

синхроны. В дальнейшем значение синхронов в телевизионных новостных материалах только возрастало. Синхронная запись видеоизображения и звука речи респондента является своеобразным аналогом цитаты в печатной прессе. Однако между этими двумя схожими понятиями есть значительная разница — цитату, как и весь остальной напечатанный текст, доносит до адресата автор заметки или статьи, в то время как синхрон является прямой речью очевидца или эксперта. Соответственно, именно синхроны резко повышают достоверность доносимой до зрителя информации.

Как уже было определено выше, значительная часть информационных сообщений советского периода строилась по образу и подобию отчета, писалась протокольным языком с широким использованием клише и стандартизированной лексики. Авторский вклад журналиста в написание подобных текстов был минимальным, более того — все тексты проходили проверку, а зачастую и цензуру. Ситуация, при которой журналист мог донести до зрителя информацию недостоверную или же просто идущую вразрез с политикой партии, была невозможна в то время. Соответственно, доверие массового зрителя к советской журналистике (в любых ее формах) было полным и всеобъемлющим. Журналистам не надо было доказывать аудитории, что информация правдива, а выводы — правильны. Большая часть воздействия на потребителя информации осуществлялась напрямую, эксплицитно. Именно поэтому использованию синхронов в советской тележурналистике не придавалось особого значения. Пока на телевидении не было возможностей для их записи, смысл сказанного респондентами передавался в журналистском тексте в виде прямых или косвенных цитат. Когда эта возможность появилась, запись и ретрансляция синхронов стала постепенно входить в практику телевизионных журналистов, однако суть и структура телевизионного медиатекста изменилась незначительно. Как уже отмечалось выше, речь политиков, чиновников, управленцев и даже обычных граждан, когда им приходилось говорить перед микрофоном, строилась на основании того же стандартизированного и ритуализированного языка, каким писались и тексты телесюжетов. Более того, значительная часть синхронов

записывалась «с трибуны» того или иного мероприятия и читалась спикером «по бумажке». Ораторские возможности респондентов чаще всего уступали профессиональной подготовке теледиктора, поэтому часть информации, которая доносилась с помощью синхрона, зачастую воспринималась зрителем сложнее, чем текст, начитанный ведущим. Требования к длительности синхронов на тот момент были достаточно неопределенными, поэтому в практике и регионального, и Центрального телевидения встречалась слишком затянутая и неинтересная прямая речь (продолжительностью больше 1 мин.). В материалах ЦТ встречались синхроны длительностью до 5 мин. Обычно, таким образом (полностью), передавались речи руководителей партии и правительства на съездах и других мероприятиях.

При этом вплоть до появления и широкого распространения камкордеров видеоизображение и звук записывались отдельно, а потом нуждались в синхронизации, что являлось не самым простым процессом с учетом технической оснащенности ТВ того времени. Иногда даже на Центральном телевидении можно было увидеть «рассинхрон» (несоответствие артикуляции говорящего и звука) уже в готовом материале. В итоге, использование синхронов в новостных программах советского телевидения было скорее необязательным, хотя их количество постоянно увеличивалось (по мере улучшения технической базы и расширения возможностей журналистов).

В конце 80-х годов на телевидении начались процессы демократизации, свойственные периоду поздней перестройки. В новостях начали появляться мнения, альтернативные общей «линии партии». Роль синхронов в подобных репортажах заметно усилилась: необходимо было дословно донести до зрителя тезисы оппонентов, а сделать это с помощью цитат или косвенной речи не представлялось возможным. Количество и относительный объем синхронов в новостных материалах заметно увеличились.

Кардинальные изменения по отношению к использованию синхронов в информационных материалах на телевидении произошли в начале 90-х годов. Использование камкордеров позволило записывать на один носитель (магнитную

пленку) звук и изображение синхронно. Появление значительного количества частных телекомпаний и разрушение монополии государственного ТВ привели к обострению конкуренции на рынке телевидения. Данный процесс начался в 90-х и вышел на пик в начале нулевых годов XXI века. Если в 80-х выбор ограничивался четырьмя (в лучшем случае) программами ТВ, то уже в 90-х количество доступных телеканалов увеличилось в десятки раз. Развитие спутниковых и кабельных технологий передачи сигнала ускорили процесс. Частные телеканалы создавались либо с целью получения прибыли (через рекламу), либо с целью усиления политического влияния собственника. В обоих случаях владельцам телеканалов было важно привлечь максимальное количество зрителей и повысить рейтинг. С учетом того, что новости являются одной из самых просматриваемых (и соответственно рейтинговых) программ современного телевидения, большинство общественно-политических телеканалов общей тематической направленности стали создавать редакции информационного вещания. Тележурналистам пришлось включиться в борьбу за зрителя. Для этого необходимо было повысить достоверность новостных сюжетов. Верить журналистам «на слово» к тому времени уже перестали. Тезисы, которые приводил в своем тексте журналист, нуждались в подтверждении — именно эту роль играли и играют до сих пор синхроны в информационных, аналитических и любых других ТВ-материалах. Мнение очевидца или независимого эксперта, совпадающее с фактами, приведенными журналистом, должно убедить зрителя, что автор сюжета написал в своем материале правду. Использование синхронов на этом этапе уже становится крайне желательным структурным элементом телевизионного новостного репортажа: «...наличие героев, а значит, синхронов обязательно. Почему? Потому что иначе сюжет не может быть достоверным: мало ли что выдумает и наговорит за кадром журналист» [40, с. 110].

По мнению современных исследователей, у синхронов в информационных телематериалах есть еще одна функция — «оживлять» сюжет. Так, по мнению Э. С. Никольской, главной задачей журналиста при работе над синхронами является получение эмоций: «синхрон выполняет иную важную функцию —

добавляет эмоций в сюжет. Телевидение — единственное средство массовой информации, которое позволяет демонстрировать реакцию спикера» [100, с. 41]. Именно поэтому при выборе фрагмента синхрона для готового сюжета обычно отдается предпочтение тому, в котором проявляется экспрессия респондента.

При этом в начале 90-х годов еще достаточно часто использовался принцип «один сюжет — один синхрон». Телевидение достаточно медленно перестраивалось под требования конкурентной борьбы, к тому же к этому времени теория телевизионного вещания была еще слабо развита. В итоге, журналисты на съемках зачастую записывали синхрон одного респондента (организатора мероприятия или главного специалиста, эксперта по данной теме) и ограничивались этим. Остальную информацию доносили с помощью других семиотических форм. Однако к работе СМИ в условиях демократического государства предъявляются уже другие требования. Среди них — объективная подача материала, что приводит к необходимости донести до зрителя различные точки зрения по освещаемому вопросу. Плюс к этому — в случае, если эти точки зрения противоположные, крайне желательно довести и мнение независимого эксперта. Исходя из этих предпосылок, одного синхрона в новостном сюжете уже недостаточно, укореняется установка на использование как минимум трех синхронов от разных респондентов. В нулевых это требование уже входит в состав «неписаных» законов новостной тележурналистики во многих телекомпаниях. Сюжеты без синхронов, где вся информация доводится с помощью закадрового текста, уходят из практики информационного вещания.

Уже в 90-х годах происходит резкое ужесточение требований к длительности синхронов в готовом материале. Оптимальной считается продолжительность синхрона до 30 сек. Связаны данные ограничения с тем, что после 30 секунд наблюдения одной и той же картинки (в случае синхрона это лицо респондента), зритель теряет интерес к ней и к сюжету в целом. Увеличить длительность синхрона до 1 мин. можно, изменив изображение, то есть используя перебивки. В дальнейшем, с увеличением темпоритма начинки в новостных выпусках (особенно на федеральных телеканалах) длительность

синхронов еще уменьшилась. Уже в нулевых годах в учебники по тележурналистике вошли как ограничения продолжительности, так и требования к количеству синхронов: «Как правило, для создания новостного телесюжета требуется не менее трех синхронных разных людей ... хронометраж в новостном сюжете — как правило, не более 25 секунд (вернее, не более 25 секунд должно находиться в кадре лицо говорящего, иначе страдает динамика сюжета и внимание зрителя рассеивается)» [28, с. 107]. Часть современных исследователей считает даже эту продолжительность синхрона чрезмерной: «...самый важный синхрон не может превышать в обычном информационном сюжете 12–15 секунд» [40, с. 113].

Использование записи на магнитную ленту позволило появиться такой форме подачи информации в выпуске новостей как **телевизионный сюжет**. Как уже отмечалось ранее, на начальных этапах становления информационного телевизионного вещания весь текст (как «в кадре», так и «за кадром») начитывал диктор в студии. В дальнейшем такая форма подачи информации получила название **ВМЗ (БЗ)**. В различных редакциях данные аббревиатуры расшифровывались по-разному: «видеомонтажная заметка», «без звука», «без закадра», однако обозначали одно и то же — относительно краткое информационное сообщение, которое начитывал диктор (ведущий новостей). В отличие от ВМЗ, текст телевизионного сюжета писал и начитывал журналист. На протяжении всего периода развития телевидения значимость сюжетов постоянно росла, как и требования к ним. В настоящее время сюжет считается основной формой подачи материала в выпуске новостей. ВМЗ записывается в случае, когда материалов, собранных съемочной группой, не хватает для создания полноценного сюжета, либо когда у журналиста нет возможности выехать на съемку. Во всех остальных случаях журналист обычно делает сюжет. При этом соотношение ВМЗ и сюжетов в современном выпуске новостей обычно примерно 50/50 и зависит от наличия интересных инфоповодов и возможностей редакционного коллектива. Сюжеты делали на региональном и Центральном телевидении и в 60–80-х годах, но основное развитие данная форма получила в

90-х, после технологического прорыва, связанного с появлением переносных камкордеров.

Еще одним структурным элементом телевизионных информационных материалов, который появился благодаря внедрению записи на магнитную ленту, был **стендап**. Использование аудиомэгнитофонов в сочетании с кинокамерами позволило тележурналисту появиться в кадре. По мнению современных исследователей «...главный эффект стендапа основан на том, что репортёр становится представителем телезрителя на месте событий. Телевизионный эффект присутствия достигает максимума» [28, с. 116]. В теории тележурналистики считается, что информация, которую доносит журналист, находясь в кадре, лучше воспринимается, чем закадровый текст. Однако, как уже отмечалось ранее, длительный просмотр статичной картинке (в данном случае лица репортера) быстро надоедает зрителю. К тому же, считается, что стендап приковывает внимание к репортеру и таким образом уводит от предмета репортажа. Несмотря на приведенные разногласия, стендап считается необходимым (а иногда и обязательным) структурным элементом телевизионного сюжета. Телекорреспонденты начали регулярно читать стендапы в 70–80-х годах, а в 90-х этот элемент стал обязательным в работе тележурналистов во многих редакциях. Среди причин такой популярности стендапов следует отметить необходимость показать зрителю, что репортер находится на месте события. С этим обстоятельством связано и главное требование к стендапу: фон, на котором стоит журналист, должен иметь отношение к теме репортажа и не быть скучным. Только так можно добиться эффекта присутствия. Еще одной важной задачей стендапа считается привлечение внимания зрителя к важной информации. Как уже отмечалось ранее, информация, передаваемая через стендап, воспринимается лучше, чем закадровый текст, поэтому журналисты обычно стараются донести самые интересные факты, работая в кадре. Помимо этого, стендап помогает связать две части сюжета и решить проблему нехватки видеоряда.

По мере развития новостной тележурналистики все большее значение придается использованию в сюжетах такого структурного элемента как **лайф**.

Лайф — документальный эпизод жизни, в котором «должно происходить яркое действие» [100, с. 50]. В лайфах отсутствует закадровый текст, но присутствует фоновый звук. Это делает лайф похожим на другую форму подачи информации на телевидении, которую принято называть материалом «без комментариев». Однако лайфы значительно короче, чаще всего их длительность варьируется от 5 до 10 секунд. Несмотря на то, что в определенных формах лайфы использовались еще в советское время, пик их применения в новостной тележурналистике пришелся на второе десятилетие XXI века. В это время лайфы из желательных переходят в разряд обязательных элементов информационного сюжета. Более того — в некоторых редакциях появляются жесткие правила: начинать или заканчивать сюжет лайфом. В настоящее время подобная практика уже не считается оптимальной: «Большинство общенациональных каналов отказались от практики начинать репортажи с лайфов. Исключения делаются лишь в том случае, если этот элемент представляет собой действительно что-то поражающее — то, что может произвести впечатление на зрителя» [100, с. 50]. Тем не менее лайф до настоящего времени рассматривается как один из обязательных структурных элементов новостного сюжета.

2.2 Современные требования к структуре и языку телевизионного новостного дискурса

К началу XXI века в теории новостной тележурналистики сложились определенные стандарты (требования) к информационному вещанию. Данные нормы были сформулированы на основании нескольких факторов:

- необходимости привлечь внимание телезрителя к данной программе;
- законов восприятия информации телезрителем;
- законодательных норм, касающихся телевещания;
- этического кодекса тележурналиста;
- практики телевизионной журналистики.

Большая часть данных требований зафиксирована в различных учебных пособиях по тележурналистике. Проведя комплексное исследование, можно выделить основные правила создания телерепортажа и телевизионного выпуска новостей.

Структура выпуска новостей. Современные выпуски новостей чаще всего имеют приблизительно одинаковую структуру вне зависимости от телеканала, на котором они выходят. Так, в начале выпуска, после заставки, обычно идет так называемый шпигель (анонсы): «Шпигель представляет собой блок из хэдлиновых по стилю анонсов идущих в выпуске материалов» [28, с. 153]. В шпигель обычно отбираются наиболее интересные темы выпуска. Основная задача шпигеля — привлечь внимание зрителя, заинтересовать его, не дать переключить канал. В соответствии с этой задачей тексты анонсов в чем-то могут напоминать рекламные тексты. При этом в шпигеле необходимо сохранять интригу — нельзя доносить всю информацию, необходимо оставить эффект недосказанности. Главные (самые интересные) новости должны быть в шпигеле обязательно.

Современные новостные выпуски на телевидении обычно выходят с одним или двумя ведущими. Формат «дайджеста» (подборки сюжетов без ведущих) в настоящее время используется очень редко. Как уже отмечалось ранее, в основном используются две формы подачи материала: сюжет и ВМЗ (БЗ). Их соотношение может быть самым различным, в зависимости от особенностей телеканала и его программной информационной политики. Помимо этого, существуют и дополнительные формы подачи материала: подводка ведущего (начитывается ведущим новостей перед сюжетом) и интервью с гостем (в настоящее время на российском телевидении встречается нечасто).

Важнейшим элементом создания новостного выпуска является **верстка** (расстановка в определенной последовательности информационных материалов). От того, в каком месте выпуска находится тот или иной сюжет, зависит степень его воздействия на аудиторию. Далеко не все зрители досматривают выпуск до конца и могут не увидеть важный материал, если он расположен не в начале:

«верстка информпрограммы — действенный инструмент информационной политики, политического влияния, воздействия на аудиторию, на массовое сознание опосредованно, через предлагаемую структуру выпуска — инструмент, управляющий (и направляющий) общественным мнением» [164, с. 183].

При этом в теории тележурналистики существуют различные подходы к верстке новостного выпуска. Так, при тематическом подходе сюжеты и материалы других форматов на близкие темы выставляются рядом; при рубрикационном подходе в структуру телепрограммы вводятся рубрики; при географическом подходе вначале даются местные новости; в случае иерархического подхода новости располагаются в зависимости от важности, как ее понимает редактор [28, с. 155]. В дополнение к вышеуказанным иногда используется принцип «волны»: «...рекомендую выстраивать верстку не по принципу горы — сверху вниз, от самого интересного к самому скучному, а по принципу "волны", то есть с пиками интересных сюжетов через каждые шесть-девять минут» [40, с. 83]. Однако существуют и уже готовые, наработанные тематические схемы построения выпуска новостей. Так, классическая схема советского телевидения выглядела следующим образом: политика — экономика — социальная сфера — культура — спорт. Существует и более поздний, расширенный вариант данной схемы:

1. Новости политики.
2. Новости социальной сферы и новости, посвященные общественным отношениям.
3. Криминал.
4. Новости экономики.
5. Развлечения и культура.
6. Спорт.
7. Погода [149, с. 41].

Обе эти схемы относятся к наиболее распространенной, «классической» компоновке выпуска, однако в настоящее время должны быть дополнены: первыми в выпуске новостей ставятся самые интересные, главные, «горячие»

новости, вне зависимости от их тематики (например, сюжет об урагане с многочисленными жертвами хоть и относится к рубрике «Погода», но пойдет первым в выпуске). Заканчивать выпуск желательно материалами, которые несут положительные эмоции — у зрителя не должно оставаться тягостного ощущения безысходности после просмотра сложных для восприятия проблемных сюжетов. Среди подобных материалов — сюжеты о спортивных победах или же сюжет-«бантик» (материал занимательно-развлекательного характера, вызывающий положительные эмоции).

Специфика структурных элементов выпуска новостей. В теории тележурналистики считается, что **ВМЗ (БЗ)** отличается относительной краткостью — до 40 сек. Однако на практике возможны ситуации, при которых ВМЗ как меньше, так и намного больше установленной оптимальной длительности. Ограничения в этом вопросе весьма условны. Тем не менее, пишется ВМЗ всегда по принципу «жесткого» информирования, то есть вначале сообщаются все главные факты, потом — дополнительная информация. Иначе говоря, текст ВМЗ строится по логике «от общего к частному»: «Мы начинаем с главного — что произошло; с указанием места и, если необходимо, времени ... после того как ведущий обозначил, что произошло, можно переходить к деталям: почему и при каких обстоятельствах» [100, с. 66]. Структурно, в состав ВМЗ, помимо дикторской начитки могут также входить видеоряд и синхроны.

Телевизионный сюжет (репортаж) является основной формой подачи материала в выпуске новостей. Как уже отмечалось ранее, в современной тележурналистике перед автором сюжета стоит не только задача проинформировать телезрителя, но и убедить его в достоверности приведенной информации. Т. ван Дейк утверждал, что в новостном дискурсе существует ряд стандартных стратегий убеждения аудитории: «необходимо подчеркивать фактический характер описания события, например путем:

- прямого описания происходящих событий;
- использования свидетельств очевидцев;

— использования доказательств из других надежных источников (представители органов власти, эксперты);

— точности и четкости в описаниях (использования количественных и временных показателей);

— использования прямых цитат из источников, особенно когда речь идет о мнениях» [176, с. 84].

Еще одним важным фактором повышения достоверности информационных материалов называют **концепцию редакционной нейтральности**. В рамках данной концепции журналист не должен занимать чью-либо сторону при освещении конфликтных ситуаций. Как отмечает Д. С. Локтев: «Один из критериев беспристрастного освещения — нейтральность, отсутствие эмоционально-оценочной окраски лексики, которую журналист использует при изложении фактов» [86, с. 14].

Исходя из приведенных ранее предпосылок, были сформулированы определенные профессиональные стандарты подготовки новостных телевизионных материалов. Так, в теории тележурналистики прописан ряд требований к структуре и тексту сюжета. Структурными элементами сюжета являются: закадровый текст (начитанный журналистом), видеоряд, стендапы, синхроны, лайфы, инфографика, титры. В настоящее время к телевизионному новостному сюжету предъявляются следующие общие требования:

- наличие синхронов от трех респондентов как минимум;
- наличие стендапа журналиста;
- наличие лайфов;
- наличие «героя» сюжета;
- наличие различных точек зрения по поднятому вопросу (принцип объективности);
- наличие мнения незаинтересованного эксперта.

Вышеуказанные требования могут варьироваться в ту или иную сторону в различных редакциях, однако в целом составляют основу стандартов современной объективной новостной тележурналистики.

Требования к медиатексту телевизионного сюжета. В состав сценарного плана (медиатекста) новостного сюжета входит ряд обязательных структурных элементов:

- название (заголовок);
- дата;
- авторы;
- текст анонса (если он нужен);
- текст подводки;
- закадровый текст;
- тексты синхронов и стендапов;
- титры персонажей: имя, фамилия, должность;
- указание на то, что происходит в лайфах;
- геотитры.

Подготовкой сценарного плана в полном объеме занимается журналист. Часть работы можно отнести к технической части — написание даты, авторов (журналиста и оператора), титров; расшифровка синхронов и стендапов; описание того, что происходит в лайфах. Остальные элементы относятся к творческой части процесса подготовки сюжета.

Название (заголовок). По мнению большинства современных исследователей, название телесюжета должно отличаться краткостью и креативностью. В различных телекомпаниях наблюдаются разные подходы к написанию и оформлению (в титрах) заголовка сюжета, однако общие требования отличаются незначительно. Можно сформулировать основные из них: заголовок не должен превышать 50 знаков, не должен содержать знаков препинания, канцеляризмов и специфических терминов.

Анонс и подводка выполняют схожие задачи: заинтересовать и проинформировать зрителя. Анонс в большей мере выполняет рекламную функцию, в подводке уже должно быть больше информации. Современные исследователи предлагают два базовых варианта написания подводки: «жесткий» и «мягкий». «Жесткий» метод представляет собой подводку, написанную по

принципу «сразу к делу»: сообщается суть события и самые основные факты. «Жесткие» подводки можно использовать только в том случае, когда новость интересна сама по себе и никаких дополнительных уловок для привлечения внимания от автора-журналиста не требуется. «Мягкая» подводка излагается с использованием элементов занимательности. Чтобы привлечь внимание зрителя применяют *интригующие формы подачи информации*. «Мягкие» формы подводки используют в том случае, когда основная информация может оказаться (или показаться) неинтересной для массового зрителя, и необходимо найти некую интересную деталь или факт, которые гарантированно привлекут внимание аудитории.

Закадровый текст (ЗТ). Написание закадрового текста является основной, самой объемной и сложной задачей, стоящей перед телевизионным журналистом. Определенные требования предъявляются к *структуре* закадрового медиатекста. Под структурой понимается расположение и взаимосвязь отдельных тематических блоков и других элементов сюжета (синхронов, стендапов, лайфов). Основные правила формулируются следующим образом:

- текст должен быть структурирован, не следует перескакивать с одного смыслового блока (подтемы) на другой, а потом возвращаться обратно;
- нужно сохранять причинно-следственную связь при изложении событий;
- блоки закадрового текста должны быть логически связаны с последующими синхронами, но не должны повторять их дословно;
- нежелательно использовать связки стендап-синхрон и синхрон-стендап;
- нежелательно использовать синхроны в начале и в конце сюжета.

Что касается композиционно-тематического структурирования, то здесь мнения современных исследователей расходятся. Часть из них считает, что необходимо всегда пользоваться принципом «перевернутой пирамиды», то есть выносить самые главные новости в начало сюжета. Так, Э. С. Никольская утверждает: «первое правило композиции телевизионного сюжета — все самое интересное ставим в начало» [100, с. 14]. Однако другие исследователи считают, что в настоящее время принцип «перевернутой пирамиды» уже устарел и

существует немало других способов композиционного структурирования телевизионного новостного сюжета:

— хронология или «прямая пирамида» (события описываются в том порядке, в каком они происходили от начала до конца);

— «песочные часы» (описание событий, сочетающее компоновку информации в виде «перевернутой» и «прямой» пирамид, то есть сначала излагается главное и детали, затем событие описывается хронологически);

— «затяжная форма» (автор начинает с жанровой сценки или примера из жизни, далее ставится проблема и раскрывается её суть);

— «напряжение» (вариант, обратный «перевернутой пирамиде»; автор рассказывает о случившемся, но результаты придерживает до самого конца);

— «очерк» (цель автора — не только сообщить информацию, но и поделиться впечатлениями; вначале выделяется главная мысль, в течение всего сюжета она разрабатывается, используя наблюдения, аналогии, примеры, цитаты и т. п.);

— «анализ» (сюжет строится по схеме: описание проблемы — мнения причастных к ней людей и занимаемые ими позиции — соображения автора по поводу дальнейшего развития событий и конечного результата) [66; 98; 100].

Требования к закадровому тексту. В настоящее время практически в каждом учебном пособии по тележурналистике можно найти определенные требования к написанию закадрового текста. Так, В. Л. Цвик рекомендует пользоваться простым разговорным языком, соблюдать требования точности, непредвзятости, использовать чувство меры и вкус [164, с. 178]. А. А. Князев отмечает, что «...важнейшее свойство телевизионного текста: сочетание в себе общелитературных (книжно-письменных) норм с устно-разговорными» и предлагает 12 правил подготовки подобного текста [65]. Н. В. Зверева считает, что «...содержание сюжета должно напрямую затрагивать интересы всех зрителей в целом и каждого в отдельности; каждая деталь, каждое слово в сюжете должны быть абсолютно понятны; сюжет должен быть интересен от начала и до конца» [40, с. 94]. Э. С. Никольская приводит шесть основных правил написания

закадрового текста. Среди них: простота и лаконичность, правильное употребление глаголов (не употреблять пассивный залог и прошедшее время), персонализация, употребление метафор и сравнений, умеренное использование цифр и аббревиатур, ссылки на источники [100, с. 21–25]. Детальный разбор требований к закадровому тексту приводит А. Н. Дедов [28, с. 136–139]. Он выделяет несколько основных принципов написания текста. Дополнив их некоторыми положениями, можно предложить развернутую структуру принятых в настоящее время в тележурналистике норм написания закадрового текста:

1. Объективность. При создании новостных материалов автор должен воздерживаться от собственных прямых оценок рассматриваемого факта, события или явления и, соответственно, избегать эмоционально окрашенного текста. Новости — это журналистика факта, а не мнения. Зритель смотрит выпуск новостей, чтобы узнать факты, а не «ценные» мнения журналиста. В идеале автор сюжета должен представить мнения разных сторон максимально объективно, ни эксплицитно, ни имплицитно не отдавая предпочтения одной из них. На практике такое представление материала журналистом встречается достаточно редко, однако к нему надо стремиться. Если же оценочные положения все же появляются в тексте, их надо сразу же подтвердить:

- видеорядом;
- мнением эксперта;
- свидетельством очевидца;
- ссылкой на источник информации.

«Безоценочный» текст, как правило, содержит минимум прилагательных и наречий. Считается, что если автор новостного материала пытается навязывать свою точку зрения слишком явно, это формирует коммуникативный барьер в виде недоверия журналисту.

2. Олицетворенность действия. Желательно, чтобы в каждом предложении был активный субъект действия, лучше — человек или группа людей. Действительный залог всегда звучит более энергично. Соответственно,

рекомендуется избегать безличных, страдательных и возвратных речевых конструкций.

3. Актуальность. При изложении новостей следует создавать у аудитории впечатление, что события происходят в данный момент. Рекомендуется везде, где возможно, использовать настоящее, а не прошедшее или будущее время.

4. Предельная ясность. Поскольку телевизионный текст воспринимается зрителем «на слух» и должен быть понят с первого раза, текст должен отвечать требованиям предельной ясности:

- необходимо писать короткие предложения;
- писать разговорным языком, простыми словами, избегая наукообразных и бюрократических формулировок;
- узкоспециальные термины следует объяснять;
- следует в основном придерживаться прямого порядка слов в предложении: подлежащее — сказуемое — второстепенные члены;
- необходимо избегать деепричастных оборотов, лучше заменить их однородными сказуемыми;
- причастные обороты лучше заменять сложноподчиненными конструкциями;
- определения, как правило, следует ставить перед определяемым словом;
- из аббревиатур можно свободно использовать лишь те, которые постоянно на слуху: УВД, ЖКХ и т. п.; сравнительно малоизвестные аббревиатуры следует хотя бы раз расшифровать; на телевидении и радио существует проблема произносимости некоторых аббревиатур;
- избегать длинных перечислений — максимум 3 пункта;
- числа желательно округлять; лучше вообще обходиться без чисел, используя дефиниции кратности;
- следует избегать цитирования;
- нельзя использовать уменьшительно-ласкательные слова;
- следует избегать тавтологии (использования одинаковых и однокоренных слов);

- необходимо избегать канцеляризов;
- следует использовать микрохарактеристики (представлять героев в тексте).

Данный перечень можно дополнить. Так, А. В. Колесниченко предлагает тележурналистам не использовать слова определенного типа:

- наречия при глаголе (они бесполезны и лишь дублируют значения соответствующих глаголов);
- качественные прилагательные (каждый зритель может понять их по своему);
- субстантивы (отглагольные существительные с окончанием «-ние», связаны не с предметом, а с процессом);
- неконкретные слова;
- метонимия (изображение предмета через его часть);
- «бессмысленные» слова и фразы (например «своего рода», «очевидно», «очень», «некоторый» и др.) [66, с. 121–124].

Для многих из приведенных правил существуют исключения, однако в целом именно данные нормы составляют основу стандартов современной журналистики при написании закадрового текста новостного телевизионного сюжета.

2.3 Комплексная методология анализа телевизионного новостного дискурса

В первой главе данной работы были определены теоретические основы для дискурс-анализа телевизионного новостного медиатекста. Экстраполируя теоретические наработки по дискурс-анализу на данные о стандартах и требованиях к процессу создания новостных телевизионных материалов, автором была разработана комплексная методология анализа телевизионного новостного дискурса. Именно особенности технологии производства телевизионных новостей

позволяют предложить определенный порядок исследования данного медиадискурса.

В частности, прежде всего необходимо определить тематические и хронологические рамки исследования. Тематических ограничений может и не быть — в этом случае изучаются выпуски новостей в полном объеме без учета тематической направленности сюжетов. В случае, если тематические рамки заданы, рассматривается выпуск новостей в целом, а затем глубоко исследуются только подходящие по тематике новостные материалы.

Хронологические ограничения — это выбор временных отрезков, в рамках которых дискурс имел устойчиво сходные особенности. Временные рамки определяются в начале исследований, однако затем, в процессе анализа, возможна корректировка хронологических рамок (или же дополнительное дробление) в связи с получением новых данных. В частности, возможна разбивка на несколько дополнительных хронологических отрезков (в случае определения значительных отличий дискурсивных особенностей в этих отрезках).

Далее необходимо изучить условия (политические, экономические, социокультурные), в которых создавался и реализовывался телевизионный дискурс. Определенного анализа заслуживает политическая обстановка в том государстве, где расположена база телеканала. Если обстановка менялась на протяжении временного отрезка, ограничивающего исследования, необходим анализ и привязка политических изменений к смысловым особенностям дискурса, реализуемым с помощью стратегий речевого воздействия. Заметные изменения в стилистике медиатекстов (включая вербальную и невербальную составляющие) из-за определенных политических обстоятельств должны исследоваться в динамике.

Продолжение исследования — анализ структуры телеканала, на котором производятся новости. Следует определить форму собственности канала (частный, государственный, общественный), по возможности — идеологическую направленность (провластный, оппозиционный, позиционируемый как нейтральный). Также заслуживают внимания финансовое состояние канала,

укомплектованность и профессиональная подготовка кадрового состава, наличие современной технической базы. Помимо этого, необходимо оценить степень взаимодействия телеканала с государственными структурами власти (если информация об этом есть в свободном доступе). В случае, если канал иностранный, нужно определить уровень его аффилированности с органами власти зарубежных государств. Все эти факторы оказывают непосредственное влияние на процесс создания текста и должны учитываться в ходе дискурса-анализа.

При этом часть информации по определенным позициям может быть получена и в ходе текстологического анализа. Так, например, в ходе анализа текстов новостных сообщений можно определить политическую и идеологическую «ангажированность» телеканала, однако предварительный сбор информации позволит сделать текстологический анализ более глубоким.

После проведения всех вышеуказанных стадий анализа, которые можно назвать предварительными, необходимо переходить к исследованиям отобранного материала. Начинать изучение телевизионного новостного дискурса необходимо с комплексного анализа выпуска новостей. В своих работах Т. ван Дейк называл данный уровень материала **макроструктурой**. В случае с теленовостями необходимо проанализировать тематическую структуру выпуска (материалы по каким темам вошли в выпуск) и изучить принципы верстки, используемые на данном телеканале. Также нужно рассмотреть, какие формы подачи материала используются в выпуске новостей (ВМЗ, сюжеты, интервью с гостем), определить структуру шпигеля. После изучения всех особенностей выпуска необходимо выявить степень их соответствия условным нормам и стандартам современной тележурналистики, определенным во 2-й главе данной работы, а также определить, какие тактики и стратегии воздействия на зрителя применяются на этапе создания выпуска новостей (убеждение, манипулирование).

После анализа макроструктуры выпуска новостей в целом, необходимо провести исследование его структурных элементов, то есть новостных материалов. В ходе данного исследования необходимо изучить структуру **сюжета**

(ВМЗ), в частности — определить какие подтемы освещаются в материале, в каком порядке они расставлены. Также необходимо выявить, какие структурные элементы сюжета (синхроны, стендапы, лайфы) используются для повышения достоверности информации по определенным подтемам. После анализа структурно-композиционной организации сюжета (ВМЗ) необходимо произвести исследование текстологических особенностей репортажа. Лингвопрагматические исследования должны включать в себя комплексный анализ особенностей построения текста (лексических, синтаксических и др.) и их соотношение с интенциями автора. Необходимо также произвести сравнительный анализ текстологических особенностей исследуемого материала со стандартами и нормами современной тележурналистики и выявить речевые средства воздействия на аудиторию с целью убеждения или манипулирования.

Заключительным этапом анализа отобранных материалов является исследование невербальных форм конструирования смыслов. В случае телевизионного новостного дискурса этими формами являются: видеоряд, лайфы, инфографика. Необходимо проанализировать, насколько профессионально (в соответствии с нормами) подготовлены эти структурные элементы сюжета, а также какое воздействие на зрителя они оказывают.

После проведения вышеуказанных этапов можно сделать определенные выводы по особенностям структуры сюжета и стилистики его текста, а также по соответствию материала нормам современной тележурналистики и способам воздействия на аудиторию. При анализе нескольких (или же всех) сюжетов определенного выпуска новостей необходимо сделать такие же выводы по всей макроструктуре данного выпуска.

Завершающим этапом исследований является обобщающий анализ всех полученных данных и определение тенденций развития подходов к структуре и текстовому наполнению новостных материалов, структуре выпусков новостей, соответствию всей изучаемой телепродукции определенным нормам и стандартам современной журналистики, а также способов и степени воздействия на аудиторию.

В соответствии с вышеизложенным, предлагается следующая схема дискурс-анализа телевизионных новостных материалов:

1. Выбор телеканала и телепрограммы.
2. Определение тематики изучаемых материалов.
3. Определение хронологического периода, взятого для исследований.
4. Анализ политической, экономической и социокультурной обстановки, сопровождающей процессы производства и интерпретации телепрограмм.
5. Анализ структуры телеканала и новостной редакции.
 - 5.1 Форма собственности телеканала.
 - 5.2 Идеологическая направленность, взаимодействие с органами власти.
 - 5.3 Финансовое состояние, техническая база телеканала.
 - 5.4 Кадровый состав редакции, профессиональная подготовка сотрудников.
6. Анализ структуры выпуска новостей.
 - 6.1 Анализ тематического разнообразия.
 - 6.2 Анализ верстки (порядка расстановки материалов).
 - 6.3 Соотношение форм подачи материала (сюжеты, ВМЗ).
 - 6.4 Анализ соответствия структуры выпуска нормам тележурналистики.
 - 6.5 Анализ методов воздействия на аудиторию.
7. Анализ отобранных по тематике структурных элементов (сюжетов, ВМЗ).
 - 7.1 Анализ структурно-композиционной организации информационного материала (определение подтем и порядка их расстановки).
 - 7.2 Анализ использования структурных элементов сюжета (синхронов, стендапов, лайфов).
 - 7.3 Лингвопрагматическое исследование текста материала.
 - 7.4 Анализ соответствия структуры и элементов информационного материала нормам тележурналистики.
 - 7.5 Анализ методов воздействия на аудиторию, применяемых в информационном материале.
 - 7.6 Анализ невербальных форм подачи материала.

8. Определение выводов по структуре и содержанию информационных материалов и выпуска новостей в целом.

9. Обобщающий анализ по всем информационным материалам за выбранный промежуток времени.

Следует отметить, что данная структура методологии исследований разработана для данной конкретной научной работы, однако в целом может считаться универсальной для анализа любого телевизионного дискурса. Для адаптации к исследованиям других характеристик иного телевизионного продукта необходимо заменить неактуальные пункты на необходимые.

Также необходимо уточнить, что несмотря на четко прописанную структуру исследования, на практике анализ будет осуществляться комплексно, без разбивки результатов по каждому указанному пункту и с возможностью изменения порядка следования этапов исследования.

Выводы по второй главе

Вторая глава диссертационного проекта посвящена исследованиям развития технологических и творческих процессов создания информационных материалов на телевидении. Анализ процессов становления и преобразования телевизионного новостного дискурса с момента появления и до начала XXI века проводился на основе изучения теоретических источников и архивных материалов Донецкого телевидения.

Исследование развития телевизионного новостного дискурса на Донецком телевидении показало, что в период становления (50–60-е годы XX века), информационное вещание имело ряд характерных особенностей. В частности, телевизионные новостные материалы отличались краткостью, поверхностностью, «протокольным» стилем изложения. Тексты сюжетов отличались лингвистическим аскетизмом («антикреативностью», отсутствием метафор, синтаксическим минимализмом) и высокой степенью клишированности.

Эмоциональную окраску текстам придавало использование «праздничного» субдискурса. В дальнейшем, развитие технических средств телевизионного вещания и демократизация общественных отношений привели к появлению новых структурных элементов информационных материалов (синхронов, стендапов, лайфов) и изменению структуры всего информационного вещания в целом. В теории телевизионной журналистики появились и закрепились определенные стандарты и нормы, касающиеся как структуры, так и содержания выпусков новостей.

Экстраполяция теоретических наработок по дискурс-анализу с данными о стандартах и требованиях к процессу создания новостных телевизионных материалов позволила разработать комплексную методологию анализа телевизионного новостного дискурса. Подробная методика, предлагаемая в данной работе, позволяет проанализировать специфику создания и интерпретации новостных информационных материалов, особенности структуры выпуска новостей и его элементов. Помимо этого, исследуются текстологические характеристики информационных материалов, их соответствие стандартам и нормам тележурналистики, а также используемые стратегии и тактики речевого воздействия на аудиторию.

ГЛАВА 3. АНАЛИЗ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА УКРАИНСКОГО ТЕЛЕКАНАЛА «ДОНБАСС» В МИРНОЕ, ПРЕДВОЕННОЕ И ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

3.1 Специфика новостного дискурса на телеканале «Донбасс» в мирное время

Для подробного дискурс-анализа специфики телевизионного информационного вещания в различные периоды времени на Украине был выбран телеканал «Донбасс». Данный канал начал свою деятельность на территории Донецка и Донецкой области в 2009 году. Высокий уровень профессиональной подготовки специалистов и хорошая техническая оснащенность позволили телеканалу «Донбасс» быстро занять лидирующие позиции в сфере телевизионного вещания Донецкого региона. Эфирное вещание канала охватывало всю территорию Донецкой области, а также населенные пункты Луганской, Днепропетровской и Запорожской областей. В 2013 году телеканал стал лидером среди региональных каналов Украины, а также вошел в десятку лучших телеканалов страны (будучи в ней единственным региональным каналом).

Территориально телеканал располагался в Донецке с 2009 по 2014 год. Летом 2014 года, после отключения в ДНР украинских каналов, «Донбасс» переехал в город Днепр (бывший Днепропетровск). В 2017 году телеканал вновь изменил прописку, переехав в Мариуполь. В 2022 году, после освобождения Мариуполя союзными силами, «Донбасс» перебазировался на территорию Украины. В июле 2022 г. вещание телеканала прекращено.

Основателем «Донбасса» является ТРК «Украина», телеканал изначально входил в состав холдинга «Медиа Группа Украина», объединяющего медиа-ресурсы компании «Систем Кэпитал Менеджмент» украинского олигарха Рината

Ахметова. В июле 2022 года Ринат Ахметов заявил, что передает все медиаресурсы группы в пользу государства, после чего ТК «Донбасс» фактически прекратил существование.

В сфере политического влияния телеканал «Донбасс» оказывал информационную поддержку представителям восточной Украины с момента создания и до 2014 года. Прежде всего, это касалось Партии Регионов. Поскольку в этот период Ринат Ахметов являлся активным участником политического процесса, его коммерческие и медиаструктуры стояли на позициях активной поддержки представителей юго-востока страны. В период 2010–2014 гг. это непосредственно касалось и президента Украины Виктора Януковича, и различных ветвей власти, в которых работали «регионалы».

Поскольку все руководящие посты в органах государственной и местной власти Донецка и Донецкой области в это время занимали представители Партии Регионов, телеканал занимал лояльные позиции по отношению к ним. После государственного переворота 2014 года политическая ситуация изменилась, медиаструктуры Рината Ахметова стали поддерживать представителей украинских националистических движений, пришедших к власти в Киеве.

В рамках данного исследования поставлена задача изучить специфику и манипулятивные технологии телевизионного новостного дискурса в мирное время, в период гражданского противостояния и во время военных действий на территории Украины. В данном разделе предлагается рассмотреть выпуски новостей, вышедших на телеканале «Донбасс» в 2012–2013 гг. Здесь, и в дальнейшем, в процессе исследования использовались видеоматериалы, находящиеся в открытом доступе на сайте телеканала и на платформе YouTube [193; 194]. Для анализа специально были отобраны выпуски, в состав которых входят так называемые проблемные сюжеты. Данные информационные материалы позволяют, с одной стороны, исследовать структуру сюжета на соответствие нормам тележурналистики, а с другой — проанализировать интенции авторов материала, их зависимость от внешних и внутренних факторов. Под внешними факторами понимается взаимодействие руководства канала и

журналистов с представителями органов власти. Под внутренними факторами — контроль над работой корреспондентов со стороны руководства канала, информационная политика телекомпании.

Первым для анализа предлагается взять выпуск программы «Время новостей Донбасса» от 17.02.2012 г. Выпуск начинается с приветствия ведущего и шпигеля. В шпигель вошли следующие анонсы новостных материалов:

1. МЧС спасло ребенка;
2. Проблемы с водой в Донецке;
3. Сессия городского совета прошла без света;
4. Еврехит Донбасса — песни к Евро 2012.

Хронометраж выпуска составил 18,47 мин. В выпуск вошло 11 новостных материалов, из них пять ВМЗ и шесть сюжетов. Структура выпуска:

1. Пожар в Дзержинске, погибла семья (ВМЗ);
2. Пойман террорист-минер (сюжет);
3. В Краматорске обрушился дом (ВМЗ);
4. Горсовет без света. Решения сессии (сюжет);
5. Эксперимент — троллейбусы без кондукторов (ВМЗ);
6. Улица Одесская в Донецке без воды (сюжет);
7. Работники МЧС Луганска спасли ребенка (ВМЗ);
8. Нашлись пропавшие школьницы (ВМЗ);
9. Гортехнадзор проверил коммунальщиков (сюжет);
10. На ДМЗ отлили колокола для церквей (сюжет);
11. Песни для Евро 2012 (сюжет).

Анализ структуры данного новостного выпуска показывает, что он в полной мере соответствует современным нормам тележурналистики. В шпигель вынесены анонсы двух «горячих» социальных новостей (спасение ребенка и отсутствие водоснабжения) и еще двух сюжетов, которые должны заинтересовать зрителя: в материале о сессии горсовета нашли «изюминку» — проблемы у депутатов из-за отсутствия электричества, а материал о песнях к Евро носит

занимательно-развлекательный характер (сюжет-«бантик»). В состав шпигеля вошли четыре анонса наиболее значимых и интересных новостей.

Структура всего выпуска также соответствует нормам: соотношение сюжетов и ВМЗ примерно 50/50, расположение материалов в основном предполагает чередование этих двух форм подачи материала. Исключение составляет концовка выпуска, где идут три сюжета подряд, однако это обусловлено тематикой данных информационных материалов.

Верстка выполнена на основании «классических» принципов. Первые три материала относятся к главным, «горячим» новостям (катастрофы, криминал). Далее материал «официальной» тематики о сессии горсовета, после чего идут социальные материалы, катастрофы и криминал (недостаточно интересные, чтобы выносить их в начало выпуска). Завершают выпуск материалы религиозной тематики и сюжет-«бантик» о культуре. Можно сделать вывод, что верстка осуществлялась по «классической» схеме в соответствии с современными стандартами.

Для подробного анализа структурных элементов выпуска были отобраны три новостных материала, два сюжета и одна ВМЗ: сюжеты «Горсовет без света» и «Улица Одесская в Донецке без воды», ВМЗ «Эксперимент — троллейбусы без кондукторов».

В сюжете «Горсовет без света» можно выделить три основных подтемы:

1. Сессия городского совета началась при отсутствии электричества;
2. Было принято решение по программе защиты материнства и детства;
3. Было принято решение по повышению стоимости проезда в городском транспорте.

Структурно сюжет скомпонован по принципам «хронологии» («прямой пирамиды»), журналист последовательно рассказывает, с чего началась сессия, как она продолжалась и чем закончилась. Поскольку наиболее значимой и интересной для зрителя в данном материале является информация о подорожании проезда в городском транспорте, более уместным было бы использовать принцип «перевернутой пирамиды». Однако журналист решил, что информация об

отсутствии «света у горсовета» также может заинтересовать зрителя, поэтому эта подтема была не только поставлена первой, но и вынесена в анонс и подводку. Для освещения данной подтемы, помимо закадрового текста, использованы также лайф и синхрон мэра города. Вторая подтема представлена в сюжете вскользь, подробности программы поддержки материнства не раскрываются, используется синхрон мэра с общими словами без всякой конкретики. При общем хронометраже сюжета 2,24 мин., на освещение первых двух подтем ушло 55 сек., то есть большая часть сюжета была посвящена основной, третьей подтеме — подорожанию проезда. Журналист вначале приводит доводы чиновников о необходимости поднятия тарифов (в закадровом тексте и синхроне начальника экономического управления горсовета). Далее приводятся мнения жителей города — для этого меняется локация съемки и визуальный ряд: вместо зала горисполкома показывается трамвайная остановка и люди, которых непосредственно коснется подорожание. В блоке из трех синхронов (идут подряд, без разбивки) даются мнения различных представителей общества: пенсионерки, студентки и молодого человека. Пенсионерка отмечает, что подорожание ее не коснется, поскольку у нее льготы, но на других членов семьи это окажет негативное воздействие. Студентки говорят, что им все равно, а молодой человек отмечает, что удорожание не критичное, но неприятное, особенно для людей с низкими доходами. Использование данных синхронов позволяет журналисту в краткой форме донести до зрителя разные точки зрения представителей различных социальных групп населения. При этом в закадровом тексте автор сюжета никак не выявляет своей позиции: *«Новость о повышении проезда пассажиры восприняли неоднозначно»*. Используя наречие «неоднозначно», журналист демонстрирует зрителю, что по данному вопросу существуют разные мнения. В дальнейшем, приводя эти различные точки зрения с помощью синхронов, автор сюжета никак не комментирует их, придерживаясь концепции редакционной нейтральности.

Структурно в сюжет входит шесть синхронов от пяти респондентов и три лайфа. Отсутствует стендап. По проблемному вопросу представлены различные

точки зрения, но отсутствует мнение независимого эксперта. Текст написан простым, разговорным языком, короткими предложениями. В тексте полностью отсутствуют эмоционально-оценочные мнения автора. В целом, можно сделать вывод, что в данном сюжете соблюдается большая часть современных норм и стандартов тележурналистики. Автор сознательно не становится ни на сторону городского совета, повысившего плату за проезд, ни на сторону недовольных этим повышением горожан. В полной мере соблюден принцип редакционной нейтральности.

Сюжет «Улица Одесская в Донецке без воды» также можно считать проблемным. Надо отметить, что в период 2010–2014 гг. телеканал «Донбасс» отличался значительной популярностью у жителей Донецка и области, к журналистам канала постоянно обращались за помощью для решения социальных вопросов, которые не могли или не хотели решать чиновники. В данном информационном материале как раз рассматривается подобная ситуация. К сотрудникам телеканала обратились жители одной из донецких улиц, у которых из-за сильных морозов прекратилось водоснабжение. Спорный момент — где именно перемерзли трубы и кто будет исправлять ситуацию. Сюжет начинается с удачного лайфа: пенсионерка набирает снег в ведро, чтобы растопить его и использовать как воду. Эта же пенсионерка выступает в роли героя сюжета — журналист представляет ее и рассказывает, как сложно ей приходится, когда она ездит в другой район чтобы помыться. В материале использованы пять синхронов от четырех респондентов, из которых три представляют сторону пострадавших жителей улицы Одесская и один представляет аргументы оппонента — горводоканала. При этом синхроны жителей записаны и отобраны на высоком профессиональном уровне, все респонденты в синхронах проявляют свои эмоции и создают определенную атмосферу сюжета. У зрителя возникает чувство сопереживания пострадавшим людям. В закадровом тексте эта атмосфера поддерживается и усиливается: *«Чтобы искупаться, женщине приходится ездить в соседний район», «Женщина вторую неделю живет без горячей пищи».*

В сюжете представлены и аргументы специалистов водоканала. Однако синхрон, взятый у одного из сотрудников, не отвечает базовым требованиям: отсутствуют титры, зрителю приходится догадываться, что человек в кадре имеет отношение к водоснабжающей организации. Сам синхрон достаточно безэмоционален, хотя аргументы, которые в нем приводятся, вполне обоснованы. В закадровом тексте журналист поддерживает и представителей водоканала: *«Коммунальщики настаивают: в большинстве случаев виноваты сами абоненты — то неглубоко зароят трубу, то колодцы не утепляют»*.

В начитке корреспондента интонационно улавливается ирония по отношению к тому, что говорят специалисты коммунального предприятия. Несмотря на то, что технически в тексте соблюдены принципы редакционной нейтральности, анализ показывает, что корреспондент склоняется к позиции пострадавших жителей, что, впрочем, считается нормальным для деятельности профессиональных журналистов. В пользу данного предположения говорит и окончание сюжета — нарушая требования к структуре материала, журналист заканчивает его эмоциональным синхроном жителей, в котором они угрожают перекрыть движение по улице. В данном случае, пренебрегая некоторыми правилами, журналист усиливает эмоциональное воздействие от сюжета, видимо надеясь, что это подействует на чиновников горисполкома и водоканала. Несмотря на определенную лояльность к органам местной власти, в данном случае журналисты «Донбасса» выступают как представители «четвертой» ветви власти, то есть отстаивают права жителей города.

Структурно в сюжет включены пять синхронов, один лайф. Найден герой сюжета — человек, которого данная проблема затронула непосредственно. Представлены (хотя и неравномерно) различные точки зрения. Отсутствуют стендап и мнение независимого эксперта (в данном случае это серьезное упущение, поскольку из сюжета так и непонятно, кто прав, а кто виноват в сложившейся ситуации). Текст написан простым, разговорным языком, короткими предложениями. В целом, можно сделать вывод, что в сюжете в основном соблюдены нормы и стандарты современной тележурналистики (хотя и

в меньшей мере, чем в предыдущем разбираемом материале). При этом в сюжете присутствуют имплицитные формы воздействия на зрителя, заключающиеся в неравномерном представлении противоположных точек зрения в структурно-композиционном построении сюжета, нарушении сложившихся норм структурирования материала, добавления иронии в начитку закадрового текста.

ВМЗ «Эксперимент — троллейбусы без кондукторов» еще один информационный материал выпуска на транспортную тему. Видеомонтажная заметка построена по традиционной для этой формы подачи материала «классической» схеме «перевернутой пирамиды». Ведущая новостей сразу же сообщает основную, главную информацию, потом переходит к дополнительной и деталям. В тексте ведущей отсутствуют какие-либо эмоционально-оценочные суждения. Текст написан простым, разговорным языком, короткими предложениями, в основном используется прямой порядок слов в предложениях, что отвечает требованиям абсолютной ясности: *«В Донецком горсовете задумали транспортный эксперимент»*.

После начитки ведущей зритель видит три синхрона: два от пассажиров городского транспорта и один от начальника транспортного управления горсовета. В синхронах пассажиров представлены прямо противоположные мнения: одному респонденту нравятся нововведения, другой категорически против. В синхроне чиновника разъясняется, как будет действовать новая система контроля. Можно сделать вывод, что ВМЗ построено с выполнением всех норм: соблюдена структура «перевернутой пирамиды», требования к тексту информационных сообщений, обеспечено равнозначное представление различных точек зрения на проблему, присутствует комментарий эксперта. В материале отсутствуют эмоционально-оценочные суждения автора и какое-либо воздействие на зрителя, соблюдается концепция редакционной нейтральности.

По выпуску новостей от 17.02.2012 г. можно сделать ряд выводов: структура выпуска построена по классической схеме и состоит из шести сюжетов и пяти ВМЗ, которые ставятся в основном поочередно. Верстка осуществлена по традиционной схеме: первыми идут главные новости, затем политика, экономика,

криминал, социальные материалы, культура (сюжет-«бантик»). В шпигеле даются анонсы четырех наиболее интересных сюжетов. Сами сюжеты и ВМЗ выполнены с соблюдением основных требований к информационным материалам. Структура чаще строится с применением принципа «перевернутой пирамиды», периодическое использование других принципов оправдано. В 10-ти из 11-ти материалов выпуска используются синхроны, во всех сюжетах их больше трех, что подтверждает достоверность информации. Во всех проблемных материалах представлены две точки зрения, хотя иногда наблюдается неравномерное представление аргументов сторон. Журналисты стараются придерживаться концепции редакционной нейтральности. Большая часть текстов написана простым разговорным языком, короткими предложениями с использованием прямого порядка слов. Из недостатков можно выделить полное отсутствие стендапов журналистов в данном выпуске и периодическое отсутствие в материалах мнения независимого (хотя бы условно) эксперта. В целом, выпуск новостей отвечает современным стандартам тележурналистики. Стратегии имплицитного воздействия (манипулирования) практически не применяются. В случаях, когда подобное воздействие применяется, оно направлено скорее на чиновников местной администрации с целью заставить их решать проблемы людей. Несмотря на лояльное отношение к органам местной власти, в некоторых материалах просматриваются элементы критики отдельных подразделений и организаций властных структур Донецка.

Также предлагается рассмотреть выпуск программы «Время новостей» от 26.03.2013 г. Выпуск сразу начинается с анонса главной новости: *«Директора газодобывающей компании «Шелл» посетили Краматорск — детали во время «Новостей Донбасса». В студии Сергей Игрунов, здравствуйте»*. В 2013 году выпуски новостей стали начинаться с анонса главной новости, которую совместили с приветствием ведущего. Данный технологический прием позволяет привлечь внимание к наиболее интересной теме выпуска. При этом в выпуске остался и классический шпигель, который идет после приветствия ведущего. Темы, вынесенные в шпигель:

1. Приговор милиционерам за изнасилование;
2. Кредиты на жилье не пользуются спросом;
3. Милиционеров обвиняют в убийстве;
4. Конкурс красоты в Луганске.

Хронометраж выпуска составил 19,43 мин. В выпуск вошло 10 новостных материалов, из них три ВМЗ и семь сюжетов. Структура выпуска:

1. Приговор милиционерам за изнасилование (сюжет);
2. Милиционеров обвиняют в убийстве (сюжет);
3. Руководство «Шелл» приехало в Краматорск (сюжет);
4. Открыто Консульство Хорватии в Донецке (ВМЗ);
5. Кредиты на жилье не пользуются спросом (сюжет);
6. Вырубка деревьев на Текстильщике (ВМЗ);
7. Экскурсия ветеранов на «Донбасс-Арену» (сюжет);
8. Пальма Мерцалова из пластиковых карт (ВМЗ);
9. Выставка почтовых открыток (сюжет);
10. Конкурс красоты в Луганске (сюжет).

Анализ структуры данного новостного выпуска показывает, что она соответствует современным нормам тележурналистики. Уже в начале выпуска анонсируется материал о конфликте, связанном с возможной разработкой сланцевого газа. В шпигель вынесены анонсы двух криминальных тем, которые традиционно привлекают внимание зрителей (изнасилование и убийство), и остросоциальной темы о кредитах на жилье. Завершается шпигель анонсом материала о конкурсе красоты, который носит занимательно-развлекательный характер (сюжет-«бантик»). В состав шпигеля вошли 4+1 анонса наиболее значимых и интересных новостей.

Структура всего выпуска в основном также соответствует нормам, хотя соотношение сюжетов и ВМЗ 70/30 показывает значительное преобладание сюжетов в данном выпуске. Это связано с серьезностью тематики (необходимы более объемные материалы) и неправильным выбором форм подачи информации (материал об экскурсии ветеранов стоило сделать в форме ВМЗ, а не сюжета). Из-

за обилия сюжетов в выпуске не удалось реализовать рекомендуемого теорией чередования различных форм подачи материала.

Верстка выполнена на основании «классических» принципов. Первые три материала относятся к главным, «горячим» новостям (криминал, конфликт). Далее материал «официальной» тематики об открытии консульства, после чего идут социальные сюжеты о кредитах на жилье и ветеранах, а также ВМЗ о конфликте из-за вырубки деревьев. Завершают выпуск материалы развлекательного характера и сюжет-«бантик» о конкурсе красоты.

Для подробного анализа структурных элементов выпуска были отобраны три новостных материала: сюжеты «Приговор милиционерам за изнасилование», «Милиционеров обвиняют в убийстве» и «Руководство "Шелл" приехало в Краматорск».

В материале «Приговор милиционерам за изнасилование» можно выделить следующие подтемы:

1. Предыстория события;
2. Приговор для главного обвиняемого;
3. Приговор для соучастников;
4. Мнение сторон.

Структурно компоновка сюжета больше всего похожа на «песочные часы»: основная информация по приговорам обвиняемым дается в анонсе и в подводке, после чего в самом сюжете используется принцип «прямой пирамиды», то есть факты приводятся в хронологическом порядке, начиная с предыстории и заканчивая мнениями потерпевших, адвокатов и родственников обвиняемых. Для освещения предыстории журналист использует только закадровый текст, все остальные подтемы подкреплены синхронами. В сюжете используется пять синхронов, которые позволяют представить аргументы всех основных участников процесса: судьи, прокурора, адвоката обвиняемых, пострадавшего, матери подсудимого. Представляя различные точки зрения, журналист старается соблюсти принцип редакционной нейтральности, однако в некоторых моментах видно, что своим материалом он в большей мере поддерживает потерпевшего.

Так, в одном из блоков закадрового текста он произносит: *«Остальных двух обвиняемых освободили прямо в зале суда — это стало неожиданностью не только для пострадавшего, но и для журналистов, наблюдавших за процессом»*. После чего следует эмоциональный синхрон потерпевшего, где он обвиняет всех подсудимых. В своем закадровом тексте журналист имплицитно доносит до зрителя мысль о том, что все наблюдавшие за процессом ожидали более сурового приговора. В дальнейшем аргументы потерпевшего поддерживает в своем синхроне прокурор. Все это позволяет говорить о том, что журналист занимает определенную позицию в конфликте, а не излагает факты беспристрастно.

В сюжете отсутствуют лайфы и стендап. Текст написан простым, разговорным языком, в основном короткими предложениями, хотя встречаются и усложнение синтаксических конструкций: *«Кроме сроков суд обязал государство выплатить пострадавшему Михаилу Беликову 250 тысяч гривен моральной компенсации, хотя дончанин, после перенесенных в опорном пункте издевательств, уже перенес четыре операции и требовал два миллиона»*.

В целом, в материале подробно представлены аргументы всех сторон процесса. Можно сделать вывод, что репортаж в основном соответствует нормам и стандартам современной тележурналистики. При этом в сюжете присутствуют незначительные имплицитные формы воздействия на зрителя, заключающиеся в использовании оценочных суждений в закадровом тексте журналиста.

Сюжет «Милиционеров обвиняют в убийстве» отличается от приведенных выше материалов тем, что журналисту явно было сложно собрать достаточно материала. Большая часть информации о конфликте выпившего таксиста с милиционерами сообщается в «жесткой», объемной подводке. В сюжете всего два синхрона — соседки погибшего и начальника милиции. Видеоряд крайне неинтересен и неинформативен, видимо поэтому журналист начитал два стендапа в двух локациях. Несмотря на это, сюжет получился коротким — 1,42 мин. Журналисту приходится в закадровом тексте пояснять зрителю, почему ему не удалось собрать больше материала: *«Соседи боятся говорить о событиях того вечера — ссора таксиста Михаила с милиционерами переполошила весь поселок»*,

«Нам не удалось пообщаться с супругой Михаила — семья погибшего наотрез отказывается говорить с журналистами». Этими фразами корреспондент также имплицитно доносит до зрителя мысль, что милиция запугала всех свидетелей конфликта. Несмотря на то, что позиция одной из сторон конфликта — милиции представлена значительно лучше, журналист «уравновешивает» восприятие информации, явно становясь на сторону потерпевшего. В своем стендапе он использует языковые средства воздействия: *«Соседи пытались вступиться, но тогда люди в масках достали автоматы и повалили Михаила на землю. Затем они надели на него наручники, бросили в машину и увезли с собой. Это был последний раз, когда Михаила видели здесь живым».* Использование образных оборотов речи с явной негативной коннотацией («люди в масках», «повалили на землю», «бросили в машину») дает зрителю понять, что милиция действовала с неоправданной жестокостью. Заключительная фраза стендапа также добавляет в сюжет драматизм. Вставляя в свой текст подобные эмоционально-оценочные тропы, журналист явно уходит от бесстрастной подачи материала и нарушает принципы редакционной нейтральности.

Синхрон соседки погибшего только усиливает впечатление. Женщину снимали издалека и со спины, чтобы показать, что она боится стать очередной жертвой милицейского произвола: *«И как начал кричать: "Быстро все разошлись!"... Этот, который с автоматом... Я как увидела автомат, я и дар речи потеряла».* Когда после этого автор приводит синхрон начальника городской милиции, в котором он говорит, что автоматы были игрушечные, а милиционеры хотели лишь усмирить хулигана, его аргументы выглядят уже очень неубедительно.

В сюжете отсутствуют лайфы и мнение независимого эксперта. Текст написан простым разговорным языком, короткими предложениями, но с использованием эмоционально окрашенной, оценочной лексики. Несмотря на то, что в материале нарушена концепция редакционной нейтральности, его можно считать условно соответствующим стандартам современной журналистики,

поскольку корреспондент выступает в роли «четвертой ветви власти», критикуя силовые структуры и занимаясь поисками справедливости.

Несколько отличается от всех рассмотренных ранее материалов сюжет «Руководство "Шелл" приехало в Краматорск». Сюжет сделан по технологии, напоминающей лайф-ту-тейп (ЛТТ), в которой отсутствует закадровый текст, а всю начитку журналист произносит в кадре. В данном случае это сделано с использованием видеосвязи, что придает динамичности сюжету. Помимо начитки журналиста, в сюжете присутствует три синхрона и видеоряд совещания в Краматорске. Этого явно недостаточно для создания полноценного сюжета, в котором освещается острая на тот момент проблема — возможность добычи сланцевого газа компанией «Шелл» в районе Краматорска (тема была вынесена в первый анонс как наиболее интересная для зрителя). Видеоряд сюжета следовало бы дополнить кадрами бурения скважин и добычи газа методом гидроразрыва (легко найти в интернете), однако это не было сделано. Также в сюжете отсутствуют упоминания о протестах, которые проходили в это время в Донецкой области, в связи с перспективой начала добычи газа и загрязнения окружающей среды. Большая часть текста журналиста посвящена тому, как руководители «Шелл» рассказывали представителям власти и общественных организаций города о достоинствах компании. В двух синхронах представителей «Шелл» эта тема развивается, они пытаются убедить зрителя в полной безопасности добычи сланцевого газа. Лишь в конце сюжета отмечается, что представители добывающей компании не смогли ответить на все вопросы. Тезис подтверждается в синхроне депутата горсовета: *«Я делаю для себя вывод, что не все так прозрачно, как говорят представители компании»*.

В конце сюжета журналист вновь использует образные обороты речи с положительной коннотацией (*«договорились о новых форматах общения»*), вследствие чего у зрителя должно создаться ощущение, что встреча прошла продуктивно и закончилась успешно. Несмотря на то, что технически в материале представлены две точки зрения, концепция редакционного нейтралитета не соблюдается в полной мере. Анализ выявил использование имплицитных

манипулятивных приемов убеждения зрителя в безопасности добычи сланцевого газа. В частности, в структурно-композиционном построении сюжета выявлено неравномерное представление различных точек зрения (80/20), а также использование журналистом тропов с положительной коннотацией по отношению к определенной стороне конфликта.

В сюжете отсутствуют лайфы и мнение эксперта, что является критичным недостатком для данного материала. Судя по комментариям, в ходе совещания происходила активная дискуссия, которую стоило показать в виде лайфов. Сложность и серьезность конфликтной ситуации также требовала мнения независимого эксперта, которого в сюжете не прозвучало.

Можно сделать вывод, что данный сюжет, в отличие от предыдущих, не соответствует современным стандартам журналистики и содержит манипулятивные технологии воздействия на зрителя. В данном случае можно предположить, что концепция редакционной нейтральности была принесена в жертву корпоративным интересам владельцев телеканала и их соратников по Партии Регионов (представители данной политической силы активно выступали за развитие добычи сланцевого газа в Донбассе).

Исследование выпуска новостей от 26.03.2013 г. позволяет сделать ряд выводов: структура выпуска в основном построена по классической схеме и состоит из семи сюжетов и трех ВМЗ. Неравномерность использования различных форм подачи материала определяется серьезностью тематики репортажей (требуется более развернутая форма, нежели ВМЗ). Верстка осуществлена по традиционной схеме: первыми идут главные новости (криминал, конфликт), затем политика, социальные материалы, культура, развлекательные материалы (сюжет-«бантик»). В шпигеле даются анонсы четырех наиболее интересных сюжетов, плюс еще один анонс вынесен в подводку ведущего перед приветствием. Большая часть сюжетов и ВМЗ выполнены с соблюдением основных требований к информационным материалам. Исключение составляет рассмотренный выше проблемный сюжет о добыче сланцевого газа, в котором автор отходит от принципов редакционной нейтральности. В остальных девяти

материалах журналисты стараются придерживаться концепции нейтральности, равномерно представляя различные точки зрения. Также в этих девяти репортажах минимально используются стратегии манипулирования. Во всех новостных материалах используются синхроны, однако в нескольких сюжетах отсутствуют лайфы и комментарии независимого эксперта. Лишь в одном материале используется стендап. Большая часть текстов написана простым разговорным языком, короткими предложениями с использованием прямого порядка слов. В тех случаях, когда встречается инверсия, ее использование не влияет на общее восприятие материала. Можно сделать вывод, что в целом (за исключением одного материала) данный выпуск новостей отвечает современным стандартам тележурналистики.

Комплексный анализ двух выпусков программы «Время новостей» позволяет выявить определенные особенности телевизионного новостного дискурса телеканала «Донбасс» в мирное время. Так, структура выпусков практически всегда строилась по классической схеме с использованием сюжетов и ВМЗ. Соотношение этих форм подачи материала могло варьироваться в зависимости от тематического наполнения выпуска, при этом сюжеты и ВМЗ ставились в основном поочередно. В среднем, в выпуск новостей входило порядка 10-ти материалов. Верстка осуществлялась по традиционной схеме: первыми шли главные новости, затем политика, экономика, криминал, социальные материалы, культура (сюжет-«бантик»). В шпигелях давались анонсы наиболее интересных сюжетов. В целом, анализ макроструктуры новостного дискурса показал соответствие нормам тележурналистики. На уровне структурно-композиционной организации выпуска новостей не выявлено манипулятивных технологий воздействия на зрителя.

Анализ структурных элементов выпуска, сюжетов и ВМЗ позволяет говорить о том, что они выполнены с соблюдением основных требований к информационным материалам. Так, практически во всех репортажах отмечено использование синхронов и лайфов в достаточном количестве, что подтверждает достоверность информации. Во всех проблемных материалах представлены

различные точки зрения, хотя иногда наблюдалось неравномерное представление сторон конфликта. Редко встречаются мнения независимого эксперта и стендапы, что следует отнести к недостаткам работы редакции информации «Донбасса». В тех случаях, когда это оправдано, журналисты раскрывали проблему через «героев» сюжета. Структура информационных материалов чаще строилась с применением принципа «перевернутой пирамиды», периодическое использование других принципов было оправданно. Большая часть текстов написана простым разговорным языком, короткими предложениями с использованием прямого порядка слов. Журналисты старались придерживаться концепции редакционной нейтральности. Стратегии имплицитного воздействия (манипулирования) применялись достаточно редко и в незначительных объемах. В случаях, когда подобное воздействие применялось, оно чаще было направлено на чиновников местной администрации с целью заставить их решать проблемы людей. Несмотря на лояльное отношение к органам местной власти, в некоторых материалах просматриваются элементы критики отдельных подразделений и организаций властных структур Донецка. Исключения составляют до 1% в период 2012–2013 гг. В целом, можно сделать вывод, что информационные материалы выпусков новостей того периода соответствовали нормам и стандартам современной тележурналистики. Имплицитное воздействие на зрителя встречалось редко и в основном было направлено на достижение положительных социальных изменений после интерпретации дискурса.

3.2 Манипулятивные технологии в новостном дискурсе телеканала «Донбасс» при освещении гражданского противостояния на Украине

21 ноября 2013 года в Киеве начались массовые акции протеста против приостановки подготовки подписания соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом. Эта дата считается началом гражданского противостояния на Украине. Вначале локация Евромайдана ограничивалась

столицей государства, однако постепенно столкновения участников акций протеста с представителями силовых структур распространились на всю страну. Противостояние приняло явный антипрезидентский и антиправительственный характер. В областных центрах проходили местные акции протеста активистов Евромайдана. В феврале 2014 года, в результате государственного переворота, к власти в Киеве пришли представители националистических партий. После этого на юго-востоке страны началось движение, в дальнейшем получившее название «Русской весны». Участники многочисленных акций протеста в Крыму и на востоке Украины выступили против националистических сил, пришедших к власти в столице. В дальнейшем это привело к вхождению АР Крым в состав Российской Федерации и переходу конфликта на востоке Украины из области гражданского противостояния в разряд вооруженного столкновения. Период от начала акций протеста в Киеве до начала военного конфликта в Донбассе можно считать предвоенным временем.

Освещение гражданского противостояния на телеканале «Донбасс» началось 25.11.2013 г. В выпуске новостей вышло сразу три материала на эту тему: сюжет «Донецкий Евромайдан», ВМЗ «Евромайдан в Луганске» и ВМЗ «Обращение президента». Все три материала шли в начале выпуска, то есть были отнесены к разряду главных, самых важных новостей. В шпигеле общий анонс материалов о Евромайдане был поставлен первым. До этого дня в выпусках новостей не было ни одного упоминания об акциях протеста, поэтому такой подход к верстке можно считать оправданным — на тот момент появление в Донецке и Луганске немногочисленных активистов евроинтеграции было главным инфоповодом. В остальном, в выпуске от 25.11.2013 г. соблюдены все классические принципы верстки.

В первом материале, сюжете «Донецкий Евромайдан» полностью отсутствует политическая составляющая. В сюжете можно выделить три подтемы:

1. Организационные вопросы акции;
2. Художница нарисовала картину с еврофлагом;

3. Активисты помыли памятник.

Как видно из списка подтем, нигде не упоминаются политические требования митингующих. Речь в сюжете идет о том, как проводят время активисты: *«Участники акции слушают музыку, греются чаем из термосов и подкрепляются «тормозками», принесенными из дома», «Сторонники ЕС уверяют — ночевать будут, но палаточный городок разбивать не собираются», «Участники акции коротали время творчески — например, сегодня одна из участниц целый день рисовала картину, флаг Евросоюза».* Как видно из приведенных цитат, в закадровом тексте журналистка фактически не дает никакой информации по сути мероприятия — кто и зачем собрался, какие требования выдвигались. Такой «дозированный» подход к подготовке материала связан с идеологическими установками канала. Все акции протеста в Киеве и в Донецке носили явный антипрезидентский характер, при том, что действующий на тот момент президент Украины Виктор Янукович был одним из близких соратников владельца телеканала «Донбасс» Рината Ахметова. Соответственно, перед журналистами стояла задача: с одной стороны осветить событие, с другой — уйти от политической основы протестов.

В сюжете два стендапа журналиста и три синхрона (организатора акции, представителя горсовета и активистки-художницы). Активист майдана говорит о том, какую заявку они подали в горсовет — чиновник отвечает, что никаких заявок они не получали. Художница рассказывает, как она во время митинга рисовала картину с изображением флага ЕС. Завершает сюжет рассказ о том, как активисты помыли памятник Шевченко, возле которого они митинговали. В сюжете не представлена не только точка зрения сторонников ЕС, но и мнение противников евроинтеграции. Журналисту удалось соблюсти принцип редакционной нейтральности, однако для этого пришлось чрезмерно сократить объем передаваемой информации. Сюжет не совсем удовлетворяет основным нормам и стандартам тележурналистики. Однако никаких оценочных суждений в нем не допускается, соответственно отсутствует и манипулятивное воздействие на зрителя.

В такой же нейтральной стилистике выдержана и ВМЗ «Евромайдан в Луганске». Структура построена по принципу «перевернутой пирамиды», в начитке ведущего сразу сообщается сколько протестующих вышло на площадь и как долго они там собираются оставаться. Вновь ничего не сообщается о требованиях протестующих и их противников: *«Никто из них не разворачивал партийной символики, люди намерены оставаться в центре города до 29 ноября»*, *«Сегодняшняя акция в Луганске прошла без инцидентов, противники евроинтеграции на площадь не вышли»*. ВМЗ сопровождается двумя синхронами участников акции. Один из них говорит о том, что хотел бы поработать в Европе, другой отмечает значимость ассоциации с ЕС. Поскольку синхроны проясняют позиции активистов, говорить о соблюдении принципа редакционной нейтральности можно, только если рассматривать данную ВМЗ в связке со следующей. Большую часть следующей ВМЗ составляет обращение президента Украины Виктора Януковича, в котором он пытается разъяснить причины отказа от подписания евроассоциации. В данном случае можно говорить о том, что прозвучали обе точки зрения по данному вопросу, хотя они были озвучены в различных материалах. Принципы объективной и незаинтересованной подачи материала были соблюдены. Также во всех материалах были соблюдены основные требования к тексту, а отсутствие эмоционально-оценочных суждений позволило избежать манипулятивного воздействия на зрителя. Следует отметить, что третий материал, обращение президента, скорее относится к общенациональным новостям. Региональные каналы обычно ограничиваются местными новостями, однако сложная политическая обстановка потребовала новых решений. В дальнейшем освещение общенациональных новостей вошло в практику телеканала «Донбасс» на постоянной основе.

Анализ выпусков новостей за ноябрь–декабрь 2013 года показывает, что в дальнейшем журналисты придерживались одинаковой схемы в построении и размещении материалов, касающихся противостояния, связанного с евроинтеграцией. Так, в выпуске от 27.11.2013 г. присутствует несколько материалов на данную тематику: ВМЗ «Евромайдан в Донецке», ВМЗ

«Коммунисты против», ВМЗ «Встреча президента с журналистами». При этом все эти материалы идут подряд и композиционно дополняют друг друга, образуя единый большой репортаж, где представлены мнения «за» и «против» ассоциации, а также комментарий президента страны. Все материалы расположены в середине выпуска, поскольку уже не относятся к главным новостям. В шпигеле нет анонсов данных материалов.

Первый материал о донецкой акции протеста отличается нейтральной стилистикой, описанной выше: в ВМЗ говорится о том, как проводят время активисты: *«Согреваются чаем и бутербродами», «с низкими температурами борются песнями и танцами»*. О политических требованиях вновь ничего не говорится, лишь в синхроне одна из участниц говорит о том, что ей хочется «перемен в стране». Какие именно перемены имеются ввиду, не поясняется. Материал очень короткий, 28 сек. с учетом синхрона. Второй материал об акции протеста коммунистов в Луганске еще менее информативен — в нем лишь сообщается, что такая акция прошла, и представители КПУ выступили против евроассоциации. Хронометраж ВМЗ — 20 сек. Завершающим материалом послужило ВМЗ о встрече президента Украины с журналистами. По сути, ВМЗ представляет собой большой комментарий Виктора Януковича, в котором он объясняет, почему стране нужно отказаться от ассоциации с ЕС. Рассматривая все три материала в комплексе, можно отметить, что журналистам не в полной мере удалось соблюсти принципы редакционной нейтральности. Короткий материал о сторонниках евроинтеграции, хотя и выдержан в благожелательно-нейтральном стиле, по степени воздействия проигрывает большому завершающему комментарию президента. Можно отметить, что в целом, в выпуске в большем объеме представлена позиция противников Евросоюза. При этом такое негативное отношение к ассоциации выражало большинство жителей юго-востока страны, поэтому выявленную диспропорцию в представлении позиций можно считать оправданной, поскольку телеканал «Донбасс» работал именно на востоке Украины.

В выпуске новостей от 30.11.2013 г. проблеме евроинтеграции были посвящены два материала. ВМЗ о переименовании донецкого евромайдана в «штаб сопротивления» отличалась краткостью и малоинформативностью. Дополнительная подтема — информация о том, что городские власти не собираются мешать донецким активистам, хотя у них и нет разрешения на проведение акции. Несколько бóльший объем был у ВМЗ о ночном разгоне киевского евромайдана. В тексте ведущего была изложена официальная версия событий, начитка сопровождалась видеорядом из столицы Украины. Текстовый материал отличался нейтральностью и объективностью подачи, в частности, в ВМЗ сообщалось, что уголовные дела возбудили и против правоохранителей (за превышение служебных полномочий), и против участников акции (за хулиганство и сопротивление сотрудникам силовых структур). При этом в материале отсутствовали синхроны и лайфы, которые могли бы в значительной мере усилить эмоциональное воздействие на зрителя. Очевидно, что перед журналистами не стояло такой задачи. Обе ВМЗ располагались в середине выпуска, анонсы данных новостей в шпигеле отсутствовали. Можно отметить, что в данном случае были соблюдены принципы редакционной нейтральности, корреспондентам удалось донести до зрителя все факты, при этом не занимая определенной позиции и не оказывая манипулятивного воздействия на адресата.

Нейтральная стилистика подачи материала сохраняется и в выпуске от 02.12.2013 г., однако тональность отображения фактов заметно меняется. События в Донецке освещаются в одном объемном сюжете, который идет первым в выпуске и отмечен анонсом в шпигеле. В сюжете три подтемы: события на донецком еромайдане, пресс-конференция губернатора, заседание облсовета. В первой части сюжета сообщается о том, как проходит акция протеста в Донецке. Следует отметить, что подходы к освещению данной темы заметно изменились: в закадровом тексте несколько раз повторяется эвфемизм «мирный протест», в синхроне участника акции уже звучат политические требования о вводе чрезвычайного положения в стране и отставке руководства государства. В сюжете присутствует лайф о споре участника митинга и прохожего, в котором приводятся

аргументы активиста. Далее в сюжете говорится о пресс-конференции губернатора и заседании областного совета. В нескольких синхронах от областного руководства акцентируется позиция представителей Донбасса по событиям в Киеве: осуждается силовой разгон «мирных» демонстрантов в столице, но при этом отвергаются предложения по отставке президента и правительства. Появление эвфемизмов, оправдывающих участников «мирных» протестов (которые таковыми не являлись с самого начала), осуждение представителей силовых структур демонстрирует изменение подходов к интерпретации событий. Новая идеологема предполагает лояльное отношение к евроинтеграции и к участникам акций протеста. В то же время, в ней отрицается ответственность руководства страны за события в Киеве. В рамках этой новой идеологемы у журналистов появилось больше возможностей для нейтральной подачи материала.

Тенденция на более лояльное отношение к оппозиционным (националистическим) силам и участникам акций протеста нашла отражение и в выпуске от 03.12.2013 г. Первый сюжет выпуска (вынесенный первым и в анонс в шпигеле) посвящен событиям в Киеве, где Верховная Рада безуспешно пыталась отправить в отставку Кабмин. В сюжете мало закадрового текста, он написан в нейтральной тональности, однако смысловая нагрузка и соответствующее воздействие на зрителя обеспечивается за счет включения большого количества эмоциональных синхронов, в основном от представителей оппозиционных партий. Гневным обвинением со стороны националистических сил в сюжете противопоставлен один синхрон премьер-министра Н. Азарова. В ходе анализа выявлено неравномерное представление точек зрения конфликтующих сторон. Вторым материалом в выпуске идет ВМЗ о реакции донецкого евромайдана на события в Киеве. Помимо фактического материала на тему организационных вопросов жизнедеятельности, в ВМЗ включены два синхрона участников акции, в которых они заявляют о требованиях немедленной отставки правительства и несогласии с решением Верховной Рады. Если рассматривать оба материала в комплексе, можно сделать вывод, что журналисты канала продолжали внедрять

идеологему лояльного отношения к активистам евромайдана и оппозиционным партиям, стоящим за ними. Количество и эмоциональная составляющая синхрон демонстрирует попытку оказать манипулятивное влияние на зрителя в направлении легитимизации очередного «революционного» движения. Так называемые «мирные» протестующие к этому моменту уже силовым методом заняли несколько зданий в Киеве. В следующих материалах выпуска приводится синхрон председателя Донецкой облгосадминистрации, в котором он отмечает негативное влияние данного фактора на экономику страны. После этого в выпуске идет материал об отъезде президента Украины в Китай. Подобная расстановка сюжетов может создать у зрителя впечатление, что руководитель государства сбежал в другую страну, и характеризует изменившееся отношение к Виктору Януковичу со стороны владельцев канала. Еще одним характерным моментом выпуска можно считать прозвучавшее далее заявление пресс-службы компании СКМ (собственника телеканала «Донбасс»). Помимо общих слов о необходимости налаживания хороших отношений со всеми зарубежными партнерами и стабильной работе компании, в обращении звучат слова, которые можно рассматривать как осуждение силовых структур и тех, кто отдавал им приказы в Киеве: *«В группе СКМ категорически против любого насилия и считают, что сегодня необходимо найти решения, от которых выиграет вся страна»*. С учетом того, что в принятии решения о разгоне Евромайдана обвиняли Кабинет Министров и лично президента Украины, подобное заявление со стороны их соратников из Партии Регионов звучало двусмысленно.

В выпуске от 04.12.2013 г. телеканал «Донбасс» вернулся к принципам редакционной нейтральности. Произошло это вследствие изменения расклада политических сил в стране. В этот день в Киеве и Донецке прошли массовые митинги в поддержку президента и правительства. Организаторами митингов выступила Партия Регионов. Объемные сюжеты об этих двух событиях стали первыми материалами выпуска, их анонсы вошли в шпигель. В сюжетах наблюдалась односторонняя подача материала, в закадровом тексте отмечались аргументы противников евроинтеграции, многочисленные синхроны служили

подтверждением тезисов журналистов. Однако между сюжетами заметна разница. Материал из Киева готовил известный украинский журналист Максим Равреба. В сюжете обстоятельно рассказывается, из-за чего люди вышли на митинг, приводятся синхроны двух депутатов и двух приезжих участников из Харькова и Ровно. Эмоциональные синхроны должны были оказать определенное воздействие на зрителя, особенно это касается аргументов представителя западной Украины, приехавшего поддержать президента. Сюжет из Донецка получился менее эмоциональным, к тому же в одном из блоков закадрового текста журналист неожиданно говорит: *«Регионалы уверяют, что никого на митинг идти не заставляли и собрались те, кто не хочет кормить бастующий запад Украины»*. Вопрос о том, что на митинги Партии Регионов людей собирали насильно в учреждениях и на предприятиях, активно использовался оппозицией в своих пропагандистских материалах. Упоминание об этом никем недоказанном факте, даже с условием его отрицания, вызывает вопросы о политических взглядах журналиста, делавшего сюжет, и выпускающих редакторов, разрешивших выход материала в эфир.

Следующие два материала в выпуске были посвящены Евромайданам в Донецке и Киеве. В ВМЗ о донецких митингующих шла речь о текущих событиях акции протеста и приводились два эмоциональных синхрона о требованиях активистов: *«Требования Донбасса закономерны. Правительство — в отставку, президенту — импичмент»*. Материал о киевском майдане был выдержан в нейтральной тональности, сообщались только факты, оценочно-эмоциональные суждения не приводились, синхроны отсутствовали. Проанализировав все четыре материала в комплексе, можно сделать вывод, что в данном выпуске новостей было обеспечено относительно равномерное представление различных точек зрения и соблюдены основные принципы редакционной нейтральности.

В дальнейшем описанные выше тенденции только нарастали. Так, в выпуске новостей от 05.12.2013 г. проблемам гражданского противостояния в Украине было посвящено шесть материалов, которые занимали почти половину хронометража выпуска. При этом сохранилась тенденция к увеличению

количества материалов из Киева и уменьшения количества региональных новостей. В частности, в данном выпуске было четыре материала, касающихся событий в столице, и по одному из Донецка и Луганска. Если рассматривать все эти материалы в комплексе, то в основном стандарты тележурналистики были соблюдены, в разных материалах были представлены различные точки зрения, журналисты старались придерживаться принципов нейтральной подачи материала.

В выпуске от 07.12.2013 г. также первым блоком шли четыре материала об акциях протеста. Однако впервые в материалах телекомпании «Донбасс» появилась информация о протестах сторонников Донецкой Республики (общественное движение на тот момент) и концепции «Русского мира». Краткое ВМЗ с синхронном было подготовлено с использованием приемов речевого воздействия. Так, в закадровом тексте говорится: *«В Донецке попытались собрать и антиевромайдан. Несколько десятков человек размахивали триколорами у памятника вождю мирового пролетариата. Участники акции выступали против интеграции Украины в ЕС, ратовали за русский язык и присоединение к Таможенному союзу».*

Использование образных оборотов речи («размахивали триколорами», «ратовали за русский язык»), а также интонационной окраски речи ведущей позволяет выявить такой прием речевого воздействия как иронию. Усложнение конструкции предложения с помощью связки двух глаголов «попытались собрать» также показывает желание дискредитировать мероприятие в глазах зрителя. Говоря о «попытке», журналисты «Донбасса» подразумевают, что она была неудачной, и таким образом пытаются оказать имплицитное воздействие на зрителя. Ни в одном из трех остальных материалов (автопробеги за евроинтеграцию в Донецке и Луганске и создание штаба Партии Регионов по стабилизации ситуации) подобных методов манипулирования выявлено не было. Соответственно, можно отметить, что уже в декабре 2013 года в материалах об акциях протеста против евроинтеграции, за русский язык и дружбу с Россией, журналисты телеканала «Донбасс» использовали имплицитные приемы речевого

воздействия на аудиторию. Целью данного манипулятивного воздействия было формирование определенной идеологемы — негативного отношения у населения к идеям и концепции «Русского мира».

В дальнейшем гражданское противостояние в Киеве продолжало нарастать, что обусловило закрепление изменений в формате выпусков новостей телеканала «Донбасс». Поскольку анализ новостного дискурса выявил устойчивые особенности в определенные периоды времени, имеет смысл рассматривать специфику подачи информационных материалов в комплексе, в рамках выявленных временных отрезков. Так, в период 9–13 декабря 2013 г. в каждом выпуске новостей вопросам противоборства сторонников и противников евроинтеграции посвящалось 6–7 информационных материалов. Основные темы, которые освещались в это время:

1. Евромайдан в Киеве;
2. Антимайдан в Киеве;
3. Попытки президента стабилизировать ситуацию;
4. Попытки зарубежных стран повлиять на ситуацию;
5. Евромайданы в Донецке и Луганске;
6. Акции в поддержку президента в Донецке и Луганске.

Как видно из приведенного перечня, значительное внимание в выпусках региональных новостей уделялось событиям в Киеве. При этом в столице действительно происходили важные события: активисты Евромайдана пытались пикетировать и захватывать здания госучреждений, проходили судебные заседания после разгона митингующих, различные мероприятия по стабилизации ситуации с участием Виктора Януковича. Это давало возможность каждый день выдавать в новостях по 3–4 материала о киевских событиях. В отличие от столицы, в регионах интересных событий и инфоповодов было значительно меньше. Тем не менее, в новостях ежедневно выходили материалы о донецком евромайдане. Надо отметить, что ТК «Донбасс» был единственным телеканалом в Донецке, который практически каждый день выпускал в эфир материалы, посвященные митингующим в Донецке. Зачастую инфоповоды для таких

материалов были надуманными: свадьба двух активистов, обсуждение событий, произошедших в других городах, намерения подписать не имеющие никакого значения петиции или иные документы. Тем не менее, тенденция ежедневного информирования о состоянии дел на донецком евромайдане сохранялась с первого и до последнего дня его существования.

Информация в блоках, посвященных противостоянию, подавалась неравномерно, паритет в представлении позиций не соблюдался. Однако это было связано в большей мере с наличием инфоповодов с той или иной стороны. В дни, когда противники евроинтеграции проводили много акций, число материалов, посвященных им, было больше и наоборот. Как отмечалось ранее, журналисты не пытались представить в одном материале сразу обе позиции, чаще альтернативная точка зрения звучала в другом репортаже. Рассматривая блоки новостей, посвященные противостоянию, можно отметить, что журналисты в целом придерживались концепции редакционной нейтральности и приводили аргументы обеих сторон. Явного использования стратегий речевого воздействия на постоянной основе в этот период не выявлено, хотя ежедневное включение в выпуски новостей сюжетов с положительным подтекстом о донецком евромайдане можно рассматривать как один из видов манипулятивного воздействия.

Период с 14.12.2013 г. по 20.01.2014 г. также имеет ряд отличительных особенностей. Некоторое уменьшение напряженности гражданского противостояния в Киеве привели к изменению формата подачи информации в выпусках новостей телеканала «Донбасс». В частности, если до этого каждый день на канале выходило порядка 6–7 материалов на тему конфликта, то в данный период количество таких репортажей снизилось до 1–3. В некоторые дни (особенно пред- и послепраздничные) наблюдалось полное отсутствие материалов на эту тему, иногда выходил только один сюжет о донецком евромайдане. В случае, если проводились акции в поддержку президента, на телеканале выходил сюжет об этом событии. Достаточно редко в верстку попадали материалы о событиях в Киеве, касающиеся президента и правительства. Можно отметить, что

в это время телеканал «Донбасс» практически вернулся к классическим формам подачи материала, которые были свойственны ему до начала гражданского противостояния на Украине. Основную массу материалов в этот период составляли обычные региональные новости: экономические, социальные, криминальные, культурные и др.

Ситуация изменилась после принятия Верховной Радой законов, ограничивающих свободу слова и свободу собраний. Резко обострилось противостояние в Киеве, где активисты Евромайдана вступили в открытое противоборство с сотрудниками силовых структур, используя оружие и «коктейли Молотова». Изменилось положение и в Донецке, где на протесты стали выходить многочисленные противники евроинтеграции. Возле памятника Шевченко, традиционного места сбора активистов донецкого евромайдана, стали проходить акции протеста их противников. В течение нескольких дней (19–21 января) дискуссии проходили относительно спокойно, без рукоприкладства. В эти дни происходит резкое увеличение количества материалов по поводу гражданского конфликта в выпусках новостей телеканала «Донбасс». Вновь освещаются события в Киеве, Донецке и Луганске, приводятся различные точки зрения. В целом, журналисты телеканала соблюдали принципы редакционной нейтральности.

Положение вновь меняется 22.01.2014 г., в День соборности Украины. Первым в выпуске новостей выходит сюжет о столкновениях в Донецке сторонников и противников евроинтеграции. В материале открыто нарушаются принципы нейтральности редакции, автор явно поддерживает одну из сторон, а именно — активистов евромайдана. К этому моменту часть донецких журналистов, не скрывая, поддерживала евроинтеграционные процессы и принимала участие в собраниях сторонников майдана. В ходе столкновений пострадали и те журналисты, которые являлись участниками акции протеста, и те, кто просто выполнял свои профессиональные обязанности. Однако в материале ТК «Донбасс» ситуация представлена крайне однобоко, вместо сюжета о столкновениях сторонников и противников евроассоциации журналист

предлагает зрителю репортаж о «нападении на журналистов». Уже в подводке ведущего содержится манипулятивный контекст: *«Начнем выпуск с нападения на журналистов и участников мирной акции в центре Донецка»*. Используя публицистические термины «нападение на журналистов» и «мирная акция», журналисты «Донбасса» пытаются с первых слов сюжета оказать имплицитное воздействие на зрителя. С точки зрения классической, объективной журналистики правильнее было бы сказать, что журналисты пострадали в ходе столкновений участников двух акций протеста. Использование словосочетания «нападение на журналистов» драматизирует ситуацию и должно вызвать у адресата негативное отношение к тем, кто якобы целенаправленно напал на представителей СМИ. В тексте сюжета, помимо этого, много раз применяется такой прием речевого воздействия, как «именование». Так, противников евроинтеграции постоянно называют «молодчиками». Использование оценочных лексем негативной семантики позволяет подменить информирующую функцию на воздействующую (манипулятивную) и должно вызвать у зрителя определенное отношение к сторонам конфликта: *«Скандируя антифашистские лозунги, полсотни молодчиков сжигают флаг одной из оппозиционных сил»*. Автор не уточняет, что речь идет о флагах радикальных объединений украинских националистов. Появление подобной символики в Донецке уже тогда вызывало реакцию отторжения у горожан. Помимо этого, говоря об «антифашистских лозунгах», журналистка использует интонационную окраску текста, чтобы подчеркнуть ироничное отношение к происходящему на экране, хотя лозунги, которые можно услышать в лайфах, действительно антифашистские.

Можно сделать вывод, что в данном сюжете используются сразу несколько приемов речевого воздействия на аудиторию. При этом после данного материала в выпуске идут еще два — о сессии областного совета и митинге Партии Регионов. В обоих сюжетах речь идет об обращении к президенту с требованием навести порядок в столице, используя жесткие методы. То, о чем говорят депутаты и участники митинга, по сути совпадает с тем, о чем говорили противники евроинтеграции в первом сюжете. Однако отношение к простым

людям и представителям Партии Регионов, выступающим за одни и те же ценности, весьма различается. Возможно, в данном случае сыграли роль различные политические взгляды журналистов, делавших сюжеты, что является свидетельством непрофессионализма сотрудников СМИ.

После 22.01.2014 г. произошло заметное ужесточение позиций областной и городской донецкой власти по отношению к киевскому противостоянию. Представители Партии Регионов, видимо осознав, что могут потерять все, начали проявлять значительную медийную активность. Это потребовало использования новых форм подачи материала от подконтрольных им СМИ. Так, в выпуске новостей от 25.01.2014 г. вначале идет ВМЗ на тему переговоров президента с лидерами оппозиции. Подробности переговоров сообщает представитель администрации президента. При рекомендуемой длительности до 30 сек., данный синхрон продолжается более 5 мин. После этого объемного материала, сделанного с нарушением современных требований, в выпуске подряд идут порядка восьми сюжетов на одну и ту же тему: митинги в поддержку президента и против майдана в Донецке, Луганске и других городах востока Украины. Фактически весь выпуск посвящен одной теме, другие новости не освещаются. Такие принципы верстки также не соответствуют стандартам современной тележурналистики и вызывают вопросы с точки зрения восприятия их аудиторией. Однако при этом надо учитывать, что украинские зрители (и жители Донецкой и Луганской областей в том числе) на тот момент уже были пресыщены постоянным наблюдением за столкновениями на Евромайдане. Массовое участие дончан и луганчан в акциях протеста должно было показать, что у противоположной точки зрения тоже много сторонников. Использование слишком длинных синхронов и нарушение принципов верстки относятся к формам имплицитного воздействия на зрителя, однако эффективность таких попыток манипулирования общественным мнением вызывает вопросы. Правила построения выпуска и новостных материалов создавались с целью вызвать у адресата максимальный интерес, соответственно, такое грубое их нарушение

могло вызвать обратный эффект и обеспечить негативное восприятие со стороны зрителя.

Начиная с 22.01.2014 г. в выпусках новостей телеканала «Донбасс» вновь резко увеличивается объем материалов, посвященных гражданскому противостоянию в стране. Поскольку в это время происходили захваты областных органов власти по всей Украине, география выпусков резко расширяется. Также появляются материалы из-за рубежа, тематика которых каким-то образом связана с евроинтеграцией. Количество материалов соответствующей тематики в каждом выпуске тоже резко увеличилось и могло достигать 10-ти и более. Как уже отмечалось ранее, в некоторые дни весь выпуск новостей мог быть посвящен теме противоборства, обычные региональные новости в такие дни игнорировались телеканалом. Однако были и дни, когда в общей ленте новостей отсутствовали материалы по теме конфликта, соответственно в выпусках новостей телеканала их тоже не было (в частности, в конце января основной тематикой выпусков были ухудшившиеся погодные условия).

Если рассматривать блоки материалов на тему гражданского противостояния в комплексе, то можно отметить, что журналисты старались соблюдать принципы нейтральной подачи материала, представляя различные точки зрения. При этом в каждом отдельном материале представлялось одно мнение, в следующем — другое. Таким образом создавалось ощущение соблюдения концепции редакционной нейтральности. Однако были и исключения — так например, в выпуске от 27.01.2014 г. прошел материал о новом «нападении на журналистов» в Днепропетровске. В тексте говорится о том, что представители одного из местных каналов пострадали во время столкновения митингующих с милицией: *«Вчера вечером произошли стычки между милицией и митингующими. Неизвестные напали на журналистов 34 канала. Оператору Сергею Кочетову выстрелили в спину из травматического оружия, его коллега Даниил Питримов получил ранение руки, а журналистку Наталью Светлову избили палками. Кроме того, нападавшие разбили камеру»*. Из текста становится понятно, что на журналистов напали участники акции протеста. Это подтверждается и в синхроне

пострадавшего оператора: *«Я развернулся, увидел толпу, ну человек сто наверно, не меньше. В первых рядах те, кто бежали с пистолетами»*. На видео, которое сопровождает ВМЗ также хорошо видно, что нападали на сотрудников милиции активисты с палками в руках. При этом к моменту выхода материала в эфир уже было хорошо известно, что нападавшие — активисты евромайдана, которые пытались захватить здание Днепропетровской облгосадминистрации, как это произошло во многих других областных центрах Украины. Однако в тексте ведущей новостей используются лексемы «митингующие» и «неизвестные», что говорит о попытках скрыть часть информации от зрителя и таким образом оказать на него манипулятивное воздействие. Эффект усиливается в следующем материале, где говорится о том, что киевские журналисты требовали от силовых структур обеспечить безопасность сотрудникам СМИ. Если рассмотреть эти два материала в комплексе, может создаться впечатление, что днепропетровских телевизионщиков избивали именно представители милиции. Также, благодаря подобным приемам речевого воздействия, зритель не должен был заметить тот факт, что нападавшие в Днепропетровске активисты евромайдана активно использовали не только палки, но и травматическое оружие.

Нейтральный стиль подачи информации и представление разных точек зрения были характерны для выпусков новостей ТК «Донбасс» до 25.02.2014 г. После бегства из страны Виктора Януковича и ухода в оппозицию Партии Регионов, которые произошли 22.02.2014 г., тональность репортажей телеканала начала меняться. Так, в выпуске от 25 февраля первым материалом шел объемный сюжет о похоронах погибшего на Евромайдане в Киеве активиста из Донецкой области. Выбор информационного повода для первого материала выпуска вызывает вопросы, поскольку в этот день было много более значимых событий. Подобная верстка говорит о смене политических установок, полученных журналистами от руководства (или же собственника) телеканала. В сюжете используются образные обороты речи с положительной коннотацией, такие как *«не мог оставаться равнодушным»*, *«погиб за всех нас, за всех украинцев»*. И в тексте журналиста, и при отборе синхронов, а также при верстке выпуска

используются приемы имплицитного воздействия, которые должны сформировать новую идеологию для адресата. В частности, заметен отход от нейтрального отношения к «героям» Евромайдана, теперь в материалах телеканала они представляются как исключительно положительные персонажи, борцы «за все хорошее». Проявляется новое отношение и к противникам майдана, в частности к тем жителям Донецка и Луганска, которые к этому времени уже выходили на защиту административных зданий от нападения «еврократов». Так, в материале о донецкой милиции журналист говорит о противниках майдана: *«В милиции также заявили, что любого «новоиспеченного» гражданского защитника с дубинкой или битой будут задерживать как правонарушителей»*. Используя эпитет с негативной коннотацией («новоиспеченного») и интонационно выделяя ироничное отношение к определению «защитник», журналист пытается сформировать еще одну новую идеологию, а именно — негативное отношение к жителям Донецка и Луганска, выступившим против государственного переворота и националистических сил, пришедших к власти в Киеве.

Попытки дискредитировать пророссийские силы в Донбассе продолжились и в дальнейшем. Так, 01.03.2014 г. в Донецке, Мариуполе, Енакиеве и Луганске прошли массовые выступления противников новой киевской власти. Во всех городах митинги проходили под российскими флагами, участники требовали проведения референдума о судьбе края, легитимизации русского языка. При этом в сюжетах из Донецка и Луганска были вставлены синхроны от мнимых участников митингов, которые высказывали тезисы, явно не совпадающие с мнением большинства участников мероприятий. Так, в сюжете о донецкой акции протеста комментарий давал непредставленный человек (титры отсутствовали), который, к тому же, явно стоял не среди митингующих, а за ограждением. Из того, что он говорил, становится понятно, что это специально подобранный спикер, которого пригласили для того, чтобы он дал интервью с заранее подготовленными тезисами: *«Как только вы попадаете туда (в Россию), вы сразу становитесь по первому пункту предателями своей собственной страны и по второму — хохлами, и это будет пожизненно»*. Г. Вирен называл такой прием

полной дезинформацией (явной ложью). Поскольку данный прием (интервью с «подставным» респондентом) используется в тележурналистике достаточно часто, имеет смысл дать ему отдельное определение — в дальнейшем мы будем называть его «подсадная утка». Такой же спикер дает интервью и в сюжете про Луганск: *«Я, собственно, живу в этом городе Луганском, я гражданин Украины, я не понимаю, почему здесь российские флаги, почему они провозглашают желание отделиться от страны»*. Из этих слов становится ясно, что данный респондент не выражает мнения собравшихся на митинг людей, более того — даже не может правильно назвать город, где он якобы проживает. Используя данный манипулятивный прием, журналисты ТК «Донбасс» пытались сформировать негативное отношение к протестному движению Донбасса. В этом же выпуске новостей использована такая форма подачи информации, как интервью с гостем. Депутат Верховной Рады от Партии Регионов Николай Левченко пытался убедить дончан в необходимости лояльного отношения к киевской власти и сворачивания акций протеста. При этом никакого альтернативного мнения не прозвучало, что также говорит о попытках манипулятивного воздействия на зрителей канала.

Попытки действовать подобным образом не всегда заканчивались успехом для журналистов телеканала. Так, в материале от 04.03.2014 г. о митинге возле Донецкой облгосадминистрации журналист телеканала попытался взять интервью у спикера, который явно не разделял мнения митингующих. При этом в титрах он был представлен, как «участник митинга». Более того, в дальнейшем этот спикер неоднократно появлялся в сюжетах ТК «Донбасс» как представитель националистических сил региона. Респондент начал говорить: *«Сегодня фашистский режим Януковича и Путина празднует победу, сегодня враг на нашей земле, сегодня вражеские флаги над нашей родиной»*. После этих слов настоящие участники митинга, которые услышали эти фразы, тут же вытолкали «поддельного» митингующего вместе с журналистом, не дав ему договорить. Подобная ситуация случилась и 05.03.2014 г., когда при подобных обстоятельствах уже другой журналист попытался вновь использовать прием

«подсадная утка» и записать интервью с человеком, не разделяющим мнение митингующих, выдав его за мнение большинства. На этот раз «поддельному» респонденту не дали сказать даже двух слов (он говорил на украинском языке) и оттеснили его в сторону, а журналистам телеканала высказали претензии в необъективности. Претензии были оправданными — в свой сюжет журналист вставил лишь данную попытку записи синхрона в виде лайфа и еще один синхрон, в котором явно неудачный спикер, запинаясь, никак не может объяснить позицию митингующих. При этом в том же выпуске первым шел сюжет о митинге сторонников новой украинской власти. В нем явно хорошо подготовленные спикеры очень четко описывали свои требования и надежды. Данный сюжет был поставлен первым в выпуске, хотя митингующих «за Украину» было намного меньше, чем противников Евромайдана. Значимость мероприятия сторонников киевской власти была явно преувеличена. Кроме этого, в выпуске было еще и интервью с гостем — новым губернатором Донецкой области Сергеем Тарутой. В данном интервью назначенный новой властью руководитель региона вполне ожидаемо поддержал своих киевских кураторов, а не требования дончан о референдуме. Можно сделать вывод, что на этом этапе журналисты ТК «Донбасс» заняли четкую позицию поддержки новой киевской власти. Основанием для такой позиции, скорее всего, послужила договоренность собственника телеканала Рината Ахметова с представителями националистических сил, пришедших к власти в результате госпереворота. Однако данную позицию не разделяла подавляющая часть населения Донецкой и Луганской областей, в связи с чем журналистам пришлось прибегнуть к манипулятивным технологиям, описанным выше, чтобы оказать определенное воздействие на аудиторию канала. В частности, представители «Донбасса» пытались сформировать и донести до зрителя идеологему о том, что участники пророссийских митингов люди недалекие и неспособные четко высказать свои требования, а также о том, что среди них далеко не все разделяют идеи «Русского мира». С другой стороны, с помощью имплицитных методов воздействия жителей региона пытались убедить в привлекательности идей «единой Украины».

Тенденции однобокого представления информации продолжились и в дальнейшем. Так, в выпуске новостей от 06.03.2014 г. было представлено несколько материалов на тему конфликтной ситуации на востоке Украины. В частности, первыми шли два материала, касающиеся «народного губернатора» Павла Губарева. В первом говорилось о задержании Губарева сотрудниками СБУ, во втором — о митингах сторонников Губарева в Донецке. В обоих материалах полностью отсутствовали синхроны дончан, поддержавших «командира народного ополчения», их мнение не было представлено. В следующем материале речь шла об «освобождении» Донецкой ОГА от противников новой власти. Уже в начальном стендапе журналист использует эмоционально-оценочные средства для конструирования смыслов: *«Впервые за последние несколько дней на площади перед Донецкой облгосадминистрацией и областным советом тишина и спокойствие. Наша съемочная группа наконец-то может работать без бронежилетов, мы чувствуем себя в безопасности, равно как и все прохожие на этой площади»*. Используя образные выражения с явной положительной коннотацией (*«работать без бронежилетов»*, *«чувствуем себя в безопасности»*), журналист пытается сформировать у зрителя негативное отношение к протестующим против госпереворота и положительное — к новой власти, которая якобы навела порядок. Следует отметить, что на этом этапе развития противостояния в Донецке журналисты не работали в бронежилетах, поскольку боевых действий там еще не велось. Помимо этого, корреспондент использует недопустимое обобщение «все прохожие». При этом за спиной у журналиста не видно ни одного прохожего, только сотрудников милиции, да и если бы они были, вряд ли была возможность выяснить их общее мнение по данному вопросу. Высказывания журналиста явно не соответствуют действительности. В данном материале также отсутствуют синхроны представителей митингующих.

Еще одним материалом о конфликте стал сюжет о событиях на площади Ленина 5 марта. Проведение сразу двух митингов противоборствующих сторон закончилось стычками и потасовками. При этом в материале было представлено мнение только одной из сторон — представителей сторонников новой власти. Два

синхрона от участников проукраинского митинга позволяют узнать и понять их аргументацию, однако с другой стороны вновь не было представлено ни одного респондента, в закадровом тексте аргументация также отсутствовала. Еще в одном материале выпуска в закадровом тексте приводится мнение нового председателя Донецкой ОГА Сергея Таруты о соотношении сторонников единой Украины и сторонников федерализации: *«По данным губернатора в Донецкой области пророссийские настроения у меньшинства жителей»*. В данном случае применяется манипулятивный прием «ссылка на авторитетный источник». Использование в материале ссылки на безапелляционное и ничем не подтвержденное мнение губернатора должно было сформировать новую идеологию в сознании аудитории: большая часть жителей Донбасса за единую Украину. Дальнейшие события показали, что Сергей Тарута сознательно пытался ввести в заблуждение дончан, используя неверные данные. В целом, можно отметить, что в выпуске используются различные приемы имплицитного воздействия, а именно: представление аргументов только одной из сторон конфликта, использование тропов с положительной коннотацией по отношению к этой стороне, применение дезинформации аудитории.

Ситуация несколько изменилась 08.03.2014 г. в связи с проведением в Донецке и других городах Донбасса массовых мероприятий противников киевской власти. Поскольку проигнорировать подобные события было невозможно (на тот момент), в выпусках новостей ТК «Донбасс» они были освещены. Так, 8 марта четвертым материалом в выпуске был сюжет о митинге на площади Ленина в поддержку Павла Губарева. В сюжете впервые были четко озвучены требования протестующих: статус государственного русского языка и федерализация Украины. С этого момента журналисты телеканала начинают использовать новый публицистический термин «сторонники федерализации». До этого протестующих называли в основном «пророссийски настроенными гражданами». В сюжете даются два синхрона участников акции, в которых они четко высказывают свою позицию: за русский язык, федерализацию и дружеские отношения с РФ. Сразу же после сюжета в выпуске идет комментарий депутата

Верховной Рады Н. Левченко, где он высказывает альтернативную точку зрения. Если рассматривать оба материала в комплексе, можно сказать, что соблюдены основные нормы объективной журналистики, представлены различные точки зрения. После этого в выпуске идут еще два сюжета об разновекторных акциях протеста: в Мариуполе и Луганске. В сюжете о многотысячном митинге в Мариуполе определяются цели протестующих: референдум о федерализации, освобождение Губарева, запрет на вступление в НАТО. Используются два синхрона с «неудачными» спикерами — респонденты с трудом выражают свои мысли, что может вызвать раздражение у зрителя. Вероятнее всего журналисты специально используют прием «неудачный респондент», вставляя в сюжет крайне неудачные синхроны. В итоге у зрителя должно сложиться впечатление, что участники акции — недалекие, бестолковые люди, которые не могут нормально объяснить, для чего они собрались. Как отмечалось выше, этот прием имплицитного воздействия на адресата постоянно использовали журналисты «Донбасса». После данного сюжета шел материал об акции проукраинских сил в Луганске. В митинге принимали участие всего около 50 человек, однако по объему сюжет не отличался от предыдущего. На этот раз синхроны были отобраны по всем правилам тележурналистики и были информативными и эмоциональными. Анализ показывает, что благодаря технологическим приемам телевизионной журналистики, на аудиторию оказывалось определенное воздействие: сюжеты о проукраинских силах делались с соблюдением всех правил, в то время как в материалах о сторонниках федерализации эти правила нарушались. Соответственно, воздействие от тех и других материалов было различным по эффективности.

В выпуске от 09.03.2014 г. первым материалом шел сюжет о массовом митинге жителей Донецка и области на площади Ленина. Уже в подводке ведущего заметны определенные попытки принизить значимость акции. В частности, в подводке говорится: *«Сегодня на главной площади Донецка собрались тысячи человек с российскими триколорами. Люди выступили за федерализацию Донетчины и даже заявили о намерении обратиться за помощью*

в ООН». В данном случае речь идет об одном из наиболее массовых (на тот момент) митингов, на который собралось более 10 тыс. человек. Однако в тексте ведущего используется неопределенный оборот «тысячи человек». Сделано это для того, чтобы не подчеркивать массовость акции. В дальнейшем в выпуске идет сюжет о неудачной акции проукраинских сил в Донецке. Обращает на себя внимание использование номинации «патриоты Украины» по отношению к участникам акции. В данном материале это было сделано впервые: *«Пророссийские активисты сорвали митинг за единство Украины — в центре Донецка милиция не смогла сдержать толпу с российскими триколорами, митингующие вынудили украинских патриотов отступить»*. Использование в данной подводке лексем с различной коннотацией должно было оказать определенное воздействие на адресата. Так, лексема «толпа» с явной негативной коннотацией противопоставляется лексеме «патриоты», несущей позитивно-оценочный смысл. Сталкивание диаметрально противоположных концептов в рамках одного текста является одним из инструментов манипулирования общественным мнением.

Начиная с 12.03.2014 г. в выпусках новостей телеканала «Донбасс» появляются материалы откровенной русофобской направленности. Так, 12 марта выходит сюжет о жизни украинцев в Лондоне. Несмотря на то, что «Донбасс» являлся региональным телеканалом, посольство Великобритании в Украине организовало поездку съемочной группы канала в английскую столицу. В сюжете немного закадрового текста, основная смысловая нагрузка доносится до адресата с помощью синхронов. Большая часть из них носит определенную направленность: *«Некоторые корреспонденты очень негативно освещают деятельность «Правого сектора», мне кажется там много преувеличений», «У меня мама живет в южной части Украины, ей очень-очень тяжело, потому что как вы знаете, это очень пророссийская часть Украины», «Те русские люди, которые говорят, что у нас будут школы, что у нас будет правительство, я смогу отвести свою дочку в школу — они не понимают, что системы*

образования, системы социального обеспечения точно также не существует в России, как и не существует в Украине».

Используя данные синхроны, корреспондент применяет сразу несколько приемов речевого воздействия. Так, оправдывая националистическую организацию «Правый сектор» (запрещенную в РФ) с помощью синхрона «английского» украинца, применяется прием «преуменьшение с целью дезинформации». Рассказ о маме, которой тяжело жить в пророссийском регионе — это использование алогичных тезисов. Утверждение о том, что «системы образования, системы социального обеспечения не существует в России» — полная дезинформация (явная ложь). С помощью всех этих приемов манипулятивного воздействия журналист пытается сформировать определенную идеологию: жизнь в России ужасна, русские люди — «плохие», украинские националисты — «хорошие». При этом в качестве «авторитетного источника» выступают молодые люди, переехавшие в Англию из Украины. Компетентность спикеров в вопросах, которые они освещают, вызывает большие сомнения. Тем не менее, сюжет сделан достаточно профессионально и по замыслу авторов должен был оказать имплицитное воздействие на адресата, создав определенное отношение к идеям «Русского мира» и украинского национализма.

В этом же выпуске впервые прозвучала лексема «сепаратизм». Так, в подводке о назначении нового прокурора региона говорится: *«Новый прокурор Донецкой области в начало войны с Россией не верит и обещает наказать всех, кто становится на сторону сепаратистов, независимо от должности».* В дальнейшем широкое использование этой оценочной лексемы негативной семантики вошло в практику канала (как и других украинских СМИ) на постоянной основе. Постепенно сепаратистами стали называть всех несогласных с политикой новой киевской власти. Использование оценочных языковых единиц с негативной коннотацией считается самым простым способом реализации эффекта демонизации объекта, в данном случае — пророссийски настроенных жителей юго-востока Украины.

В выпуске от 13.03.2014 г. заслуживает внимания материал о ситуации на украинско-российской границе. На тот момент обстановка на границе была совершенно спокойной, однако в украинских СМИ нагнеталась истерия по поводу скопления российских войск вблизи кордона. В этом духе выдержан и сюжет ТК «Донбасс». Весь материал снят на пограничном переходе «Новоазовск». Помимо ситуации на самом пункте пропуска, журналист рассказывает и о том, как живут люди в приграничных селах. В закадровом тексте утверждается, что жители поселков опасаются нападения российской армии, причем в подтверждение данного тезиса приводится синхрон жительницы Новоазовска с явными эмоционально-оценочными суждениями: *«Это все страшно. Никогда не думали, что Россия так себя поведет. Это нехорошо. Это что, второй Гитлер идет на нас или что... кому это надо»*. Синхрон снят возле знака выезда из Новоазовска (14 км от границы), что позволяет говорить об использовании манипулятивного приема, который можно назвать «подготовленный респондент». Судя по всему, журналисту не удалось найти «подходящих» спикеров в приграничных селах и пришлось в другой локации снять респондента, чье мнение по данному вопросу было заранее известно и ложилось в канву сюжета. В итоге, на основании мнения одного человека (к тому же специально подобранного) журналист делает обобщающие выводы об отношении к России всех жителей приграничного района и всей области. В своем стендапе он утверждает: *«Сразу за моей спиной — красная линия, это означает, что там начинается территория Российской Федерации. Ее охраняют вооруженные пограничники, равно как вооруженные пограничники охраняют территорию Украины. Однако идти в Россию у нас нет ни желания, ни удовольствия»*. Корреспондент использует сразу несколько манипулятивных приемов: представляет свое частное мнение как общее, преувеличивает опасения местных жителей и пытается драматизировать ситуацию. Поскольку мнение реальных местных жителей в сюжете так и не прозвучало, то говоря об их опасениях, следует отнести данный тезис к дезинформации. Все эти приемы речевого воздействия применяются для создания

определенной, ложной по сути идеологемы: жители Донецкой области не хотят здесь видеть Россию.

В этот день, 13 марта, в Донецке произошли знаковые трагические события — в ходе столкновений впервые погиб человек. Материал, вышедший в новостях ТК «Донбасс» в этот день отличался объективностью и нейтральностью подачи. Однако уже на следующий день ситуация кардинально изменилась. В выпуске от 14.03.2014 г. событиям на площади Ленина были посвящены шесть материалов, которые шли одним блоком в начале выпуска. Во всех материалах нарушаются принципы редакционной нейтральности — журналисты поддерживают одну из сторон конфликта, проукраинских активистов. Уже в подводке к первому сюжету применяются технологии речевого воздействия: *«Участника **антивоенной акции** в Донецке убил человек по кличке «Палач» — прозвище подозреваемого обнародовал на своей страничке в Фейсбук исполняющий обязанности министра внутренних дел Арсен Аваков»*. Руководитель МВД Украины Арсен Аваков был представителем тех самых националистических сил, которые пришли к власти в Киеве в результате государственного переворота. Вряд ли его мнение можно рассматривать как объективное, особенно в такой ситуации. К тому же, в дальнейшем, когда сообщалось о розыске человека, убившего активиста, кличка «Палач» ни разу не использовалась. В подводке впервые используется эмоционально-оценочное словосочетание с положительной коннотацией «антивоенная акция». Почему акцию проукраинских сил называют антивоенной — в сюжете не объясняется. Никаких военных действий на тот момент не велось, соответственно использование данного выражения следует отнести к приемам манипулятивного воздействия. Митинг в поддержку националистических сил, по сути совершивших преступление в Киеве — государственный переворот, силовой захват власти, приведший к многочисленным жертвам, был назван антивоенной акцией. Употребление образного выражения «убил человек по кличке Палач» с явной негативной коннотацией вновь приводит к столкновению двух диаметрально противоположных концептов в тексте. При этом, благодаря удачно придуманному прозвищу «Палач», получившееся выражение с негативной

оценочностью ведет к дегуманизации и расчеловечиванию политических противников украинских националистов. В данном тексте уже прослеживается выделение оппозиции «СВОИ — ЧУЖИЕ» с акцентированием деструктивного начала у «ЧУЖИХ». Длительность материала — более 5 мин. В сюжете восемь синхронов, три из которых принадлежат официальным лицам, комментирующим ситуацию: замглавы областной администрации, руководителям МВД и прокуратуры. Пять синхронов — от участников митинга, причем четыре из них — от активистов проукраинской акции и лишь один от представителя пророссийски настроенных жителей Донбасса. Уже на уровне структурной организации сюжета применены манипулятивные технологии: неравномерное представление противоположных точек зрения. В закадровом тексте журналист продолжает пытаться сформировать определенное отношение к сторонам конфликта у зрителя с помощью различных приемов речевого воздействия: *«Группу патриотов пытаются спрятать от разъяренной толпы в милицейском автобусе, однако машине прокалывают колеса и выбивают окна», «По словам защитников проукраинского митинга они остались на площади, чтобы вызвать на себя гнев оппонентов и отвлечь их от женщин и пенсионеров, пришедших с государственной символикой», «Большинство пострадавших — это участники антивоенного митинга за единую Украину», «Горожане, стоявшие под триколором, не вели себя мирно с самого начала».* В тексте постоянно противопоставляются речевые конструкции с положительной и отрицательной коннотацией. Так, «группа патриотов» и «участники антивоенного митинга» противопоставляются «разъяренной толпе» и «горожанам, стоявшим под триколором». Помимо этого, сторонников украинского национализма называют «защитниками женщин и пенсионеров», а пророссийски настроенных горожан обвиняют в том, что они напали первыми. Все приведенные приемы речевого воздействия должны имплицитно сформировать у адресата определенную идеологию, в рамках которой украинские националисты — «СВОИ» положительные герои, а пророссийское большинство населения в Донбассе — это «ЧУЖИЕ», «предатели», несущие деструктивное начало.

Далее в выпуске идут сразу два материала о погибшем участнике митинга (представителе одной из националистических партий Украины). В двух ВМЗ используется в общей сложности шесть синхронов, пять из которых от представителей проукраинских сил и один, достаточно некачественный — от участника пророссийской акции. После этого в трех последующих материалах свои мнения по поводу случившегося высказывают председатель облгосадминистрации, глава облсовета и собственник телеканала «Донбасс» Ринат Ахметов. Несмотря на общую корректность фраз и призывы к примирению, в каждом выступлении также содержатся определенные лингвистические маркеры, которые должны внедрить в сознание реципиентов мысль о том, что хорошая спокойная жизнь возможна только в составе единой Украины: *«Мы единая семья Донбасса и должны ею остаться — единой семьей Донбасса в единой целостной Украине»*.

Указанные ранее тенденции в освещении гражданского конфликта в Донбассе и Украине нашли свое воплощение и развитие в выпусках новостей телеканала «Донбасс» в период с 15 марта по 6 апреля 2014 года. Этот временной отрезок характеризуется обострением политической борьбы в Донецке, Мариуполе и Луганске. Практически каждый день в этих городах проходили многотысячные акции протеста сторонников федерализации и сближения с Россией. Телеканал «Донбасс» профессионально и объективно освещал данные митинги, в каждом сюжете были представлены мнения и требования участников акций, материалы шли первыми в структуре выпуска. Однако в общей структуре выпуска данные материалы составляли в среднем 20%. Остальное эфирное время занимали материалы о противниках «Русского мира». Данные репортажи также были сделаны на высоком профессиональном уровне, но уже с использованием разнообразных методов манипулятивного воздействия. Тематика материалов в пользу сторонников единой Украины включала несколько направлений: комментарии руководителей региона с критикой пророссийских сил, комментарии представителей силовых ведомств с угрозами митингующим, комментарии руководителей страны из Киева с критикой и угрозами, сюжеты о

ситуации на границе (подтекст: «Россия может напасть»), материалы об акциях проукраинских сил. Как видно из приведенного перечня, многообразие репортажей о сторонниках новой украинской власти должно было создать впечатление у зрителя, что бóльшая часть населения Донбасса и всей Украины поддерживает националистические силы в Киеве. Помимо всех вышеуказанных подходов к манипулятивному воздействию, в этот период в Донецке появляется новая тема, которая регулярно освещается на телеканале «Донбасс»: создание некоего «Координационного комитета патриотических сил Донбасса». Комитет был создан националистическими организациями региона в противовес пророссийскому движению. Использование уже в названии публицистического термина «патриотические силы» с положительной семантикой — один из приемов речевого воздействия. Кто входил в данный комитет, сколько в нем было участников — так и осталось неизвестно, поскольку со СМИ общался только «спикер» или «координатор» комитета Сергей Гармаш. В его синхронах, которые использовал телеканал, всегда содержались достаточно спорные оценочные суждения: *«Пророссийские активисты, скажем так, наиболее активные, по моей информации — это представители криминальных структур, которые решили, почему-то поиграть в эту игру», «Это прямое предательство родины и оно должно получать оценку правоохранительных органов»*. Как видно из приведенных синхронов, респондент использует различные приемы манипулятивного воздействия. В частности, утверждение о том, что пророссийские активисты близки к криминальным структурам, было придумано для обеспечения нужного воздействия на аудиторию. Никаких доказательств данного тезиса не было приведено ни тогда, ни позже. В данном случае использован прием «полная дезинформация (явная ложь)». Утверждение о *«прямом предательстве родины»* можно отнести к другой интенциональной категории речевого воздействия, а именно, к интерпретации с помощью пресуппозиций и логических уловок. Респондент утверждает, что стремление к федерализации страны и требование референдума по этому поводу — предательство родины. Он безапелляционно доносит до зрителя эту информацию

как пресуппозицию, якобы имеющую объективный характер. Журналист, который использует этот синхрон, присоединяется к манипуляции. Мнение респондента, имеющее явный субъективный характер, выдается за бесспорную «истину». На протяжении исследуемого периода было немало моментов, когда на западной Украине такие же протестующие, но стоящие на других позициях, активно захватывали административные здания и пытались отправить представителей государственной власти в отставку. Однако тогда это не называлось «предательством родины». Когда подобные события коснулись Крыма и Донбасса, ситуация (в видении националистических сил и поддерживающих их СМИ) резко изменилась. Дончан и луганчан стали активно обвинять в «предательстве». Использование данных манипулятивных приемов должно было привести к тому, что зритель получил бы одностороннюю, упрощенную интерпретацию действительности. Идеологема, которую пытались сформировать и внедрить в сознание реципиентов журналисты «Донбасса», включала в себя представление жителей востока Украины, не принявших новую власть, как «преступников» и «предателей».

Подводя итоги анализа телевизионного новостного дискурса ТК «Донбасс» за период с 25.11.2013 г. по 06.04.2014 г., можно сделать ряд выводов. В частности, можно отметить, что политические установки и приоритеты в освещении точек зрения на различные события у канала несколько раз менялись. Так, на начальном этапе противостояния, до 30.11.2013 г., журналисты мало информировали зрителя о событиях на Евромайдане, приоритет отдавался позиции центральной власти. После ночного разгона студентов ТК «Донбасс» стал уделять значительно больше внимания политическим требованиям сторонников евроинтеграции. С другой стороны, значительное место в структуре выпусков занимали материалы о противниках ассоциации с ЕС, поэтому паритет мнений в целом был выдержан. Несмотря на общую нейтральность в подходах к освещению противостояния, наблюдалось использование приемов речевого воздействия для формирования общественного мнения в поддержку действовавших тогда президента и правительства. Данные тенденции усилились в

период с 22.01.2014 г. по 22.02.2014 г. Нарастание противостояния в Киеве заставило находящуюся у власти Партию Регионов организовать массовые акции протеста на юго-востоке Украины и в столице. В новостных материалах телеканала «Донбасс» наблюдался заметный приоритет в показе акций пропрезидентских сил, однако все значимые события представителей оппозиционного движения также подробно освещались. В определенной мере журналисты канала пытались следовать концепции редакционной нейтральности.

Ситуация кардинально изменилась после победы Евромайдана, бегства из страны Виктора Януковича и начала массового протестного движения на юго-востоке Украины. Анализ позволил выявить в материалах телеканала использование разнообразных приемов манипулятивного воздействия на зрителя, направленных на формирование негативного отношения к пророссийским силам, и наоборот, положительного восприятия украинских националистических организаций, пришедших к власти в Киеве. С помощью различных лингвистических средств происходит формирование оппозиции «СВОИ — ЧУЖИЕ» с акцентированием деструктивного начала у «ЧУЖИХ». Использованием оценочных языковых единиц с негативной коннотацией журналисты пытались добиться эффекта демонизации объекта, в данном случае — пророссийски настроенных жителей юго-востока Украины. В это же время в дискурсе телеканала начали появляться и такие манипулятивные приемы как полная дезинформация и интерпретация с помощью пресуппозиций и логических уловок. Украинские СМИ начали активное формирование идеологемы русофобии.

3.3 Новостной телевизионный дискурс ТК «Донбасс» в период военного конфликта: манипулятивные средства воздействия на аудиторию

В данной работе предлагается считать датой начала военного конфликта в восточной части Украины 07.04.2014 г. В этот день произошло первое

вооруженное столкновение с применением автоматического оружия на территории Донецка. Помимо того, в этот день были приняты основные документы о провозглашении Донецкой Народной Республики. Также в этот день и. о. президента Украины Александр Турчинов объявил о создании антикризисного штаба и о проведении антитеррористических мероприятий на территории страны. Все это повлекло за собой резкое обострение конфликта между пророссийскими и националистическими силами в регионе.

Манипулятивные приемы при освещении военного конфликта в 2014 г.

Провозглашение ДНР и объявление АТО ожидаемо привели к усилению манипулятивного воздействия украинских СМИ. Так, в выпуске новостей от 07.04.2014 г. сюжет о создании ДНР шел третьим по счету, хотя это был главный инфоповод в этот день. Уже на уровне макроструктуры, при верстке, был использован метод манипулятивного воздействия на адресата: нарушение правил композиционно-структурного построения выпуска, при котором главную новость не ставят первой, чтобы принизить значимость события.

В сюжете несколько раз используется устойчивое словосочетание «так называемый»: «*На флагиштоке, кроме российского, появляется флаг **так называемой** Донецкой республики*», «*Ответственным за проведение **так называемого** референдума назначают действующего заместителя председателя Донецкого облсовета Александра Кравцова*». Данное оценочное словосочетание используется для выражения иронического или презрительного отношения к определенному объекту, в частности — к Донецкой Народной Республике и предстоящему референдуму. Ее частотное применение позволяет выявить имплицитные формы воздействия на зрителя. Помимо этого, в закадровом тексте несколько раз применяется такой манипулятивный прием как «навешивание ярлыков»: «*После перерыва **захватчики** Донецкого облсовета называют дату референдума*», «*Среди **подстрекателей** и **штурмовиков** есть граждане России*». Использование оценочных лексем негативной семантики («захватчики», «подстрекатели», «штурмовики») является манипулятивным приемом, который должен сформировать определенное отношение к митингующим. В сюжете

несколько синхрон и лайфов, из которых один обращает на себя внимание из-за попыток оказать с его помощью воздействие на зрителя. В отобранном синхроне руководителя областной прокуратуры утверждается: *«Там есть и ранее судимые, есть лица, которые находились в состоянии алкогольного опьянения»*. В тексте применяются приемы речевого воздействия: «полная дезинформация» и «отождествление кого-либо с негативно оцениваемой социальной группой», поскольку участие «судимых» и «пьяных» в протестном движении никак не было доказано. Использование подобных синхрон говорит о политической ангажированности и прокурора, и журналиста. Вставка подобного текста в сюжет (в любой форме) также должна была оказать воздействие на сознание адресата, вызвав негативное отношение к представителям ДНР.

В выпуске приводится комментарий председателя Донецкой облгосадминистрации Сергея Таруты: *«На востоке Украины реализуется целенаправленный сценарий государственного переворота, направленного на раскол страны. Решения, принимаемые сейчас людьми, захватившими государственные учреждения, являются незаконными ... Дальнейший диалог необходимо выстраивать исключительно в правовом поле»*. Подобные утверждения странно звучат от чиновника, который пришел к власти в результате государственного переворота. Все события предыдущих месяцев на Евромайдане были крайне далеки от правового поля. Соответственно, можно выделить применение тактики обвинения и тактики угроз.

В выпуске новостей присутствуют еще несколько материалов на эту же тему. Создание ДНР прокомментировали киевские политики и чиновники. То, каким образом эти комментарии нашли свое отражение в ВМЗ телеканала, говорит об определенной точке зрения и необъективности журналистов: *«Юлия Тимошенко лично побывала у захваченных админзданий. Уверяет — люди, которые сейчас их заняли, не являются жителями Донбасса. Тимошенко также заявила, никакого референдума в Донецкой области не будет», «Вооруженные захваты админзданий в СНБО называют признаком терроризма — об этом в эфире программы «Вопрос власти» заявила зам. секретаря главы*

Совбеза Виктория Сюмар», «В восточных областях реализуют план вторжения российских войск в Украину — таким заявлением сегодня открыл заседание правительства Арсений Яценюк». В данных цитатах видно применение различных манипулятивных приемов и тактик, а именно: «полная дезинформация», «использование бездоказательных утверждений», «апелляция к авторитетам при подаче сомнительного тезиса как доказанного», «поиск поводов к драматизации».

Таким образом, можно отметить, что уже на момент создания, Донецкая Народная Республика вызывала негативное отношение и у представителей действующей на тот момент власти, и у журналистов телеканала «Донбасс». Более того, и те и другие использовали различные эксплицитные и имплицитные методы воздействия, чтобы сформировать и внедрить в сознание жителей Донбасса определенную идеологию, а именно — негативное отношение к ДНР и идеям «Русского мира». При этом в выпуске отчасти соблюдаются принципы редакционной нейтральности, представлены различные точки зрения.

В ближайшие дни после провозглашения Донецкой Народной Республики в освещении конфликта на востоке Украины наблюдались две основные тенденции: использование ироничного отношения к ДНР для преуменьшения значимости происходящих событий и применение тактики угроз в адрес участников протестного движения. Так, в выпуске новостей ТК «Донбасс» от 08.04.2014 г. объемный материал был посвящен отмене решений ДНР со стороны упоминавшегося выше Комитета патриотических сил Донбасса. В подводке ведущего говорится: *«Как приняли, так и отменили — на народных сборах Комитета патриотических сил Донбасса отменили решение о создании ДНР. Также постановили запретить проведение любых референдумов в области до создания правовой базы».* Как поясняется далее в закадровом тексте, на неких «народных сборах» никому не известные представители «Комитета патриотических сил» решили отменить все решения Донецкой Народной Республики. И в структуре текста, и в интонациях начитки ведущей просматривается применение манипулятивного приема — навязывания

ироничного, презрительного отношения к определенному объекту, в данном случае — к ДНР.

Еще одна тенденция — применение тактики угроз, как манипулятивного приема. В том же выпуске этот прием встречается в нескольких репортажах. В текстах этих материалов приводится информация, которая по замыслу журналистов должна была напугать протестующих в Донецке: *«Личности тех, кто участвовал в захвате зданий, уже установлены. Их действия квалифицируют как попытку **насильственного свержения** конституционного строя», «Сегодня Верховная Рада ужесточила наказание за **сепаратизм, государственную измену, шпионаж и диверсии**. Теперь граждане, уличенные в посягательстве на территориальную целостность Украины, могут отправиться за решетку на срок **до 10 лет**».*

Применяя данные тактики воздействия на сознание реципиентов, телевидение пыталось сформировать идеологему несерьезного отношения к ДНР, как к чему-то временному и несостоятельному. При этом представители власти, действуя через СМИ, пытались запугать пророссийски настроенных жителей востока Украины и заставить их прекратить протесты.

Знаковой датой для освободительного движения Донбасса стало 12.04.2014 г. В этот день вооруженные сторонники ДНР захватили горотдел милиции в Славянске. В материале на эту тему журналистами «Донбасса» использовались различные манипулятивные технологии, в первую очередь — «навешивание ярлыков». Так, в подводке к сюжету говорится: *«В захвате милиции в Славянске участвовали люди, вооруженные и одетые также, как **оккупанты** Крыма, но большинство **штурмовиков** в гражданском*». Использование лексем негативной семантики («оккупанты», «штурмовики») должно было сразу определить отношение зрителя к сторонникам ДНР. В дальнейшем в сюжете используется манипулятивный прием «передергивание» (выпячивание и подчёркивание только выгодных обманщику сторон явлений). В частности, в закадровом тексте утверждается: *«Привлеченные шумом, к Управлению подходят местные жители. Между ними и **захватчиками***

завязываются потасовки. *Неизвестные в масках* запрещают любую видеосъемку и стреляют в воздух». При этом на видео можно увидеть, что большинство пришедших местных жителей поддерживают представителей ДНР. По всей видимости, выяснение отношений происходит с теми, кто не разделял взгляды жителей Славянска. Между тем, журналист продолжает пытаться манипулировать общественным мнением, используя негативные лексемы «захватчики» и «неизвестные в масках», при том, что в синхроне непосредственного участника событий звучит опровержение выдвинутых предположений о «российском следе»: «Это наши люди, это с Донецка, это не с России, а из Донецка, Славянска, Краматорска. Это люди, которые сегодня ... просто это вранье им надоело».

В дальнейшем журналист продолжает использовать манипулятивные приемы, в частности передергивание. В закадровом тексте утверждается: «Милиция покидает здание. *Захватчики* начали в нем баррикадироваться, выкрикивая сепаратистские лозунги». После этого в сюжете идет лайф, в котором люди действительно скандируют «Донбасс! Крым! Россия!», однако в кадре только местные жители, в основном женщины, которые пришли поддержать сторонников ДНР. Видеоматериалы опровергают манипулятивные тезисы журналиста и показывают, что большинство жителей Славянска поддерживали Донецкую Народную Республику. В итоге, можно констатировать, что в данном материале были выявлены следующие манипулятивные приемы: «навешивание ярлыков», «передергивание» и «дезинформация». Если же рассматривать выпуск в целом, то можно отметить, что за исключением приведенного ранее материала, в нем соблюдались принципы объективной журналистики и приводились точки зрения разных сторон конфликта. В частности, в материале о пикете около областного УВД была озвучена информация о том, что донецкий «Беркут» (спецотряд милиции) отказался ехать в Славянск для освобождения захваченных сторонниками ДНР админзданий. Более того, приводился синхрон одного из «беркутовцев» о том, что они присоединяются к митингующим.

13 апреля в Славянске киевские власти начали проведение антитеррористической операции (АТО). Несмотря на то, что само объявление АТО прошло только в понедельник 14 апреля, уже в воскресенье произошли первые боевые столкновения, появились погибшие и раненые. Следует отметить, что материалы об этих столкновениях в выпуске ТК «Донбасс» отличались нейтральным стилем подачи и малоинформативностью. В частности, в ВМЗ по этому поводу лишь сообщается об одном погибшем и девяти раненых, однако не говорится ни о характере боестолкновения, ни о том, с чьей стороны были потери. В материалах не использовались манипулятивные технологии: *«Освободили ли здание милиции, удалось ли **Национальной гвардии** убрать блокпосты **Народного ополчения**»*. Как видно из приведенной цитаты, стороны конфликта в сюжете называют именно так, как они сами себя именуют. Впрочем, такая нейтральность была свойственна лишь материалам о вооруженных столкновениях в Славянске. В остальных репортажах на тему конфликта речь шла о захватах административных зданий в Мариуполе, Енакиево, Горловке, Краматорске и других городах области. Во всех материалах по отношению к сторонникам ДНР применялись лексемы с негативной семантикой: *«штурмовики», «налетчики в масках», «захватчики», «автоматчики в масках»*. Соответственно, применялись манипулятивные приемы воздействия на аудиторию для создания определенного отношения к активистам ДНР. В этом же выпуске впервые использована лексема «самопровозглашенная» по отношению к Донецкой Народной Республике: *«Здание облгосадминистрации и областного совета остается под контролем активистов **самопровозглашенной** Донецкой республики, митингующие продолжают прибывать, добровольцев записывают в Народную армию»*. Данная лексема в дальнейшем широко использовалась как в украинских, так и в российских СМИ для обозначения ДНР.

За период с 13 по 24 апреля активных боевых действий на территории Донецкой области не проводилось, однако ситуация с захватом админзданий и подготовкой военизированных формирований мониторилась СМИ, в частности журналистами ТК «Донбасс». Проходило наращивание вооружений и личного

состава Вооруженных сил Украины (ВСУ) и формирование отрядов ополчения ДНР и ЛНР. Материалы на эти темы выходили на телеканале «Донбасс», однако были малоинформативными, поскольку обе стороны максимально ограничивали количество информации, доступной для публикации в СМИ. Больше внимания журналистами уделялось тактике имплицитного воздействия на зрителя в части формирования оппозиции «СВОИ — ЧУЖИЕ», где в роли «СВОИХ» выступали представители новой киевской власти, поддерживающие их националистические силы востока Украины и ВСУ. Роль «ЧУЖИХ» отводилась представителям вооруженных формирований ДНР и их сторонникам, а также жителям РФ. Для того, чтобы сформировать негативное отношение к «ЧУЖИМ», использовались различные методы вербального и невербального воздействия. Так, в выпуске новостей ТК «Донбасс» от 23.04.2014 г. первый материал был посвящен смерти горловского депутата Владимира Рыбака. Его обезображенный труп был найден в притоке Северского Донца, а поскольку Рыбак представлял проукраинские силы в городском совете Горловки, ответственность за его смерть киевские власти бездоказательно возложили на пророссийские силы Донбасса и российские спецслужбы. Более того, на определенное время именно трагические обстоятельства смерти Владимира Рыбака использовались для расчеловечивания и дегуманизации народного ополчения Донбасса. Так, в сюжете «Донбасса» говорится о «военном преступлении» и «российских спецслужбах»: *«Украинские правоохранители подозревают, что к убийству причастны сотрудники российских спецслужб»*, *«Правоохранители говорят о военном преступлении. По словам советника министра внутренних дел, за убийством горловского депутата стоят иностранные спецслужбы»*. Как видно, в закадровом тексте много ссылок на авторитетные источники: *«правоохранители подозревают»*, *«по словам советника»*, *«правоохранители говорят»*. Журналист смягчает формулировки в своем текстовом материале и переносит «жесткую» смысловую нагрузку на синхрон представителя власти: *«Эта ситуация носит признаки спецоперации иностранного государства с признаками военных преступлений. Это иностранные диверсанты и местный криминалитет, которые*

*превращают захваченные ими города в место **террора***». В синхроне советника министра внутренних дел можно выявить несколько приемов речевого воздействия. В частности, использование словосочетаний с негативной семантикой («военные преступления», «иностранные диверсанты», «местный криминалитет», «террор») должно сформировать определенное отношение (неприятие) к народному ополчению и добровольцам из России. Применение данных публицистических терминов является одной из форм именования. Также советник попытался использовать дезинформацию (тезис об участии российских спецслужб), драматизацию и представление частного случая как общей тенденции.

В этом же выпуске, но уже в материале о ситуации в Донецке, используется тактика угроз. В закадровом тексте утверждается: *«В Службе безопасности Украины сообщают: правоохранители на востоке страны **ведут учет** вооруженных граждан, которые занимают административные здания и находятся на блокпостах»*. В тексте журналиста говорится лишь об «учете» вооруженных людей, однако далее в сюжете приводится синхрон того же спикера (советника министра внутренних дел), в котором высказывается более жесткая позиция: *«Милиция сейчас учитывает именно вооруженных граждан, которые не могут уже считаться ни гражданскими активистами, ни сепаратистами. Собственно, рассматриваются исключительно как **бандиты**»*. В сочетании, закадровый текст и синхрон позволяют выявить использование тактики угроз в отношении народного ополчения. Также в тексте вновь используется «навешивание ярлыков», как манипулятивный прием: жителей Донбасса, ставших на защиту родного края с оружием в руках, в Киеве называют «бандитами». Налицо применение так называемых двойных стандартов: всего несколько месяцев назад на западной Украине люди с оружием в руках также захватывали админздания, однако тогда их никто не пытался называть преступниками. Помимо этого, во втором сюжете был использован еще один телевизионный манипулятивный прием, описанный ранее: «неудачный респондент». Синхрон сторонника Донецкой Народной Республики был явно неудачным, его

использование в сюжете говорит о попытке манипулировать общественным мнением, а именно — создать у зрителя впечатление, что ополченцы — недалекие и некомпетентные люди. Отбор и выдача в эфир подобных материалов является нарушением современных норм тележурналистики, осуществленным с целью оказать воздействие на аудиторию. Основная задача такого воздействия — сформировать и внедрить в сознание зрителя идеологему негативного отношения к народному ополчению.

На реализацию данной цели был направлен еще один материал рассматриваемого выпуска, где действующий на тот момент губернатор Донецкой области Сергей Тарута пытался убедить жителей края, что экономика Донбасса может функционировать только в составе Украины. В закадровом тексте утверждается: *«По словам губернатора, количество желающих присоединиться к России в регионе резко сократилось, с 38% до 18%»*. Откуда появились эти цифры, в материале не уточнялось, однако с учетом ситуации, которая складывалась на тот момент (фактическое двоевластие в некоторых городах и эпизодические боевые столкновения), вряд ли можно говорить о каких-либо достоверных социологических исследованиях. Соответственно, данные, которые приводит Сергей Тарута (а впоследствии и журналист), следует считать намеренной дезинформацией с целью оказания воздействия на аудиторию.

Первая попытка штурма блокпостов Славянска произошла в пасхальную ночь 20.04.2014 г. Это событие слабо освещалось в СМИ, поскольку нападавшими, по неподтвержденным данным, были представители одной из националистических группировок и точной информации по боестолкновению никто так и не предоставил. В материале ТК «Донбасс», который вышел 22.04.2014 г., основной подтемой стали похороны погибших сторонников ДНР. Нападавших называли «неизвестными людьми», а стоявших на блокпостах горожан — «активистами» и «ополченцами».

24 апреля произошло резкое обострение ситуации, под Славянском прошли боестолкновения спецподразделений ВСУ с ополченцами. Именно с этой информации в виде подводки ведущего начался выпуск новостей на телеканале

«Донбасс»: *«Пятеро боевиков убиты и уничтожены три блокпоста — таков результат антитеррористической операции сегодня в предместьях Славянска»*. В тексте впервые используется оценочная лексема негативной семантики «*боевики*» по отношению к ополчению Донбасса. Подводка ведущего позволяет выявить попытки формирования оппозиции «СВОЙ — ЧУЖОЙ» с помощью вербальных средств, а также начало активного использования эвфемизмов и дисфемизмов военного конфликта для оказания речевого воздействия на адресата. Употребление слова «*боевики*» вместо фактически правильного термина «*ополченцы*» является типичным примером дисфемистической замены номината для создания отрицательной эмоционально-оценочной реакции и формирования образа врага. С другой стороны, употребление словосочетания «*антитеррористическая операция*» является типичным примером эвфемистической замены. Активное использование эвфемизмов просматривается во всем тексте изучаемой подводки: *«Однако спецподразделения не стали рисковать мирным населением и отступили»*. На тот момент уже было известно, что в войсковой операции принимают участие Вооруженные силы Украины, в самом сюжете отмечается использование бронетехники и боевых вертолетов, однако вместо терминов «*военные*» или «*войска*» используется эвфемизм «*спецподразделения*». Противопоставление эмоционально окрашенных слов «*боевики*» — «*спецподразделения*» используется для формирования идеологемы «СВОЙ — ЧУЖОЙ» с внедрением в сознание зрителя позитивного отношения к «СВОИМ» и негативного — к «ЧУЖИМ». Помимо этого, в тексте можно выявить использование манипулятивного приема «ссылка на несуществующие основания и ложная увязка». В частности, используется ложное основание для отступления: *«не стали рисковать мирным населением»*. В самом сюжете еще раз подчеркиваются данные основания: *«После обеда группа антитеррора покинула Славянск. В СБУ признают — ситуация в городе неконтролируемая, но более активные действия силовики не предпринимают, чтобы избежать жертв среди мирного населения»*.

Современные исследователи отмечают, что в настоящее время сложно найти СМИ, которые бы говорили об «отступлении» условной группы «СВОИХ» в военном дискурсе. В практику журналистов прочно вошли эвфемистические замены: «отход на заранее подготовленные позиции», «передислокация» и др. Нечто подобное наблюдается и в данном случае, когда отступление оправдывается заботой о мирных жителях. По данным сторонников ДНР, военным Украины пришлось отступить после подхода дополнительных сил ополчения из Красного Лимана. Использование устойчивого выражения *«избежать жертв среди мирного населения»* должно было сформировать положительное отношение жителей региона к ВСУ и сгладить эффект от осознания факта, что Украина незаконно применила вооруженные силы против своего народа. В завершение сюжета дается синхрон руководителя пресс-службы СБУ, где к вышеуказанным манипулятивным приемам добавляется дезинформация: *«І ці постріли, і ці вибухи, це все йде від цих диверсантів, сепаратистів, людей зі зброєю, незаконних бандформувань. Антитерористична операція триває ... дуже складно її проводити, коли ці диверсанти відверто прикривають себе жінками і дітьми / И эти выстрелы, и эти взрывы, это все идет от этих диверсантов, сепаратистов, людей с оружием, незаконных бандформирований. Антитеррористическая операция продолжается ... очень сложно ее проводить, когда эти диверсаны открыто прикрывают себя женщинами и детьми»*. В данном материале представитель СБУ, а в дальнейшем и журналист, используют несколько манипулятивных приемов. Самый простой из них — «навешивание ярлыков». Использование лексем с явной негативной коннотацией («диверсаны», «сепаратисты», «люди с оружием», «незаконные бандформирования») у адресата пытаются сформировать определенное отношение к ополченцам. Эту же задачу выполняет употребление устоявшегося выражения *«прикрывают себя женщинами и детьми»*. Здесь наблюдается использование манипулятивных приемов «апелляция к высшим ценностям» и «поиск поводов к драматизации». Помимо этого, информация об использовании ополченцами *«живого щита»*, также как и данные о том, что *«выстрелы и*

взрывы» идут только от них, являются дезинформацией (явной ложью). Как ни странно, но на это указывают факты, приведенные ранее в сюжете — в закадровом тексте прямо говорится, что это представители ВСУ напали на ополчение, а не наоборот. В целом, можно сделать вывод, что в данном сюжете о вооруженном столкновении авторы использовали целый спектр имплицитных приемов речевого воздействия с целью создания определенного отношения к сторонам конфликта. Несмотря на то, что технические требования к структуре сюжета были выполнены (несколько синхронов и лайфов, стендап, оперативные видеосъемки), в материале были проигнорированы базовые правила создания телерепортажей, а именно — не представлены обе точки зрения. Аргументы ополченцев, их видение ситуации никак не сформулированы ни в этом, ни в последующих материалах выпуска.

В период с 25 апреля по 2 мая активных боевых действий на востоке Украины не происходило. Тем не менее, в материалах новостного дискурса можно выявить несколько новых направлений. В частности, вначале появились упоминания, а потом и целые сюжеты о формировании националистических «отрядов самообороны» — вооруженных спецподразделений милиции с проукраинской идеологией. Несмотря на то, что часть данных отрядов была сформирована из людей, имевших проблемы с законом, отношение к ним со стороны украинских СМИ можно назвать благожелательным. Так, в выпуске от 26.04.2014 г. утверждается, что отряды создаются для борьбы с «российскими диверсантами»: *«Тем временем проукраинская **самооборона** Донбасса начала набирать людей и готовиться для борьбы с **сепаратизмом**»*. Использование в тексте противопоставления определений «самооборона» — «диверсанты» с противоположной семантикой, а также лексемы «сепаратизм» с негативной коннотацией позволяет вновь говорить о формировании оппозиции «СВОЙ — ЧУЖОЙ» и создании образа врага. Тема была продолжена в выпуске от 28.04.2014 г. В частности, в подводке к материалу об одном из отрядов националистов говорится: *«Луганские **мятежники** взяли в заложники Темура Юлдашева, командира одного из спецподразделений МВД»*. Как видно, в

текстовом материале уже на уровне подводки применены манипулятивные технологии, в частности, «навешивание ярлыков» («мятежники») и «передергивание» («взяли в заложники»). Как известно, националистические отряды (нацбаты) создавались как раз для вооруженной борьбы с пророссийскими активистами и их участники по определению не могли выступать в роли «заложников».

Боевые действия возобновились 02.05.2014 г. Характер их освещения на телеканале «Донбасс» несколько изменился. Так, в материале от 05.05.2014 г. практически не используются собственные съемки канала. Заметно, что все видеоматериалы либо предоставлены дружественными СМИ, либо найдены в открытом доступе на платформе YouTube. Очевидно, что попасть в зону конфликта журналистам уже не удавалось. В остальном материал о боестолкновениях отвечает основным требованиям современной тележурналистики: в полной мере представлены различные точки зрения, в сюжете есть синхроны представителей обеих сторон. В тексте используется нейтральная стилистическая тональность, информация о потерях доносится в полном объеме. Следует отметить, что это последний случай подобной качественной, объективной работы журналистов данного телеканала.

В начале мая 2014 года основные акценты информационной войны в Донбассе между пророссийскими и проукраинскими силами были перенесены на тему референдума о независимости ДНР. Так, в выпуске новостей ТК «Донбасс» от 08.05.2014 г. первый материал был посвящен предстоящему волеизъявлению. Весь сюжет был написан в оппозиционной тональности с использованием эмоционально-оценочных суждений и приемов речевого воздействия. Технология производства новостных материалов на телеканале «Донбасс» предусматривала в конце каждого сюжета представление авторов материала. В данном случае представление отсутствовало, автор остался неизвестен, однако стилистика текстового материала говорит о том, что его готовил сторонний журналист. Так, в закадровом тексте сюжета говорится: *«В театре военных действий — новая пьеса. Сдержанный сосед-президент и непокорные сепаратисты. Путин вроде*

попросил, они вроде не согласились, и впечатление обеспечено — самопровозглашенные лидеры ДНР никому не подчиняются».

Весь текст выдержан в иронично-презрительном стиле, ирония постоянно ощущается и в начитке журналиста. В тексте используется много метафор («театр», «пьеса») и эмоционально-оценочных эпитетов («сдержанный», «непокорные»). Подобные стилистические особенности более характерны для публицистического, а не новостного текста. Более того — использование эмоционально окрашенной лексики считается недопустимым в новостных телевизионных материалах. До этого момента журналисты «Донбасса» придерживались данного правила. Однако в данном материале эта норма нарушается постоянно: *«Но, похоже, как раз граждан, например в оккупированном Славянске, никто ни о чем не спрашивал. Редкие испуганные прохожие референдума не хотят».* Журналист использует эпитет «испуганные» для создания впечатления, что и в Донецке, и в Славянске царит атмосфера страха. Чтобы ее усилить, в данном материале впервые используется определение «оккупированный» по отношению к Славянску. Помимо этого, применены приемы речевого воздействия: «представление частного как общего, исключения — как правила»; «перенос мнения нескольких людей на представительную группу»; искажение, или «переинтерпретация» цитат. В подтверждение своих выводов журналист приводит в сюжете два синхрона, в одном из которых житель Славянска говорит, что референдум можно перенести, а в другом референдум вообще не упоминается: *«Кровопролитие ни к чему хорошему не приведет, это не нужно народу, это только нужно тем политикам, которые дерутся за власть».*

В итоге, на основании мнения одного человека автор текста делает безапелляционный обобщающий вывод, что референдума не хотят все прохожие (а с учетом контекста — все жители Славянска). Помимо представления частного мнения одного жителя как общего, журналист использует прием «переинтерпретация» цитаты (в данном случае — синхрона). Как видно из приведенного текста синхрона второго респондента, речь в нем идет о кровопролитии, а не о референдуме. Журналист использует в целом достоверную,

но вырванную из контекста цитату, что позволяет ему полностью изменить смысл высказанного постулата под необходимым углом зрения.

В данном материале постоянно используется прием речевого воздействия «повтор». Так, в одном из блоков закадрового текста утверждается: *«Самопровозглашенные лидеры самопровозглашенной Донецкой республики на пресс-конференции празднуют первый юбилей — месяц со дня создания ДНР. Убеждают — референдум проводить их уполномочил именно народ. Самопровозглашенным депутатам на спецзаседании оставалось только подчиниться»*. В коротком блоке текстового материала автор трижды акцентирует внимание адресата на лексеме с негативной коннотацией «самопровозглашенный». Журналист пытается сформировать идеологему о том, что ДНР никем не признана и не будет признана в дальнейшем. Этим же целям служит внедрение в сознание дончан тезиса о нелегитимности референдума: *«А на улицах столицы Донбасса продолжают раздавать **что-то вроде** бюллетеней. На них — ни голограмм, ни печатей, но гражданам предлагают не ждать 11 мая и голосовать уже сегодня»*. Используя эмоционально-оценочное словосочетание «что-то вроде», автор текста вновь применяет иронию как способ интерпретации — стилистического механизма имплицитного убеждения. Также в тексте используется прямая дезинформация и использование бездоказательных тезисов (о раздаче бюллетеней на улице). Видеоряд, который видит зритель, никак не доказывает правоту журналиста — на кадрах процесс печати бюллетеней, при котором на них и не могло быть никаких печатей, и некий митинг, где вообще ничего не происходит и не видно никаких бумажных носителей. Самой раздачи бюллетеней на видео нет, другие доказательства данного факта в сюжете тоже отсутствуют. Можно утверждать, что речь идет о намеренной дезинформации как одном из средств речевого воздействия. Таким образом осуществлялась попытка убедить жителей Донбасса отказаться от волеизъявления.

Анализ показывает, что в данном материале применен целый спектр различных приемов имплицитного языкового воздействия. Использование манипулятивных технологий привело к тому, что в сюжете были нарушены

многие нормы современной новостной тележурналистики. Следует отметить, что часть выявленных тактик и стратегий речевого воздействия на телеканале «Донбасс» применялись впервые (в рамках временных границ данного исследования). При этом применение данных приемов говорит о начале информационной войны «без правил». Использование в СМИ дезинформации в таких объемах не свойственно для мирного времени и демократического общества, поскольку в любом государстве действуют ограничительные механизмы: законы о клевете, законы о СМИ, этический комплекс журналиста, конкурентная среда на рынке СМИ. Однако, как видно из проведенного исследования, все эти механизмы перестают действовать в случае резкого изменения обстоятельств функционирования СМИ — например, такое происходит при начале военных действий (даже без объявления войны или военного положения).

Применение различных манипулятивных технологий можно выявить в выпуске новостей от 11.04.2014 г. Прежде всего, вызывает вопросы структура выпуска. В этот день в Донецкой и Луганской областях проходили референдумы о независимости. Данное событие, определившее дальнейшую судьбу региона, явно относится к разряду главных, «горячих» новостей и должно было быть на первом месте в структуре выпуска. Однако структура выпуска выглядит следующим образом:

1. Боевые действия в Славянске;
2. Задержаны перевозчики бюллетеней (Славянск);
3. Задержаны перевозчики бюллетеней (Мариуполь);
4. Голосование на референдуме ДНР (Мариуполь);
5. Комментарии по событиям 9 мая (Мариуполь);
6. Создание дружин Метинвеста (Мариуполь);
7. Срыв голосования на референдуме (Красноармейск);
8. Голосование на референдуме ДНР (Донецк);
9. Противники референдума ДНР (Донецк);
10. Голосование на референдуме ЛНР (Луганск);

11. Украина не признает итоги референдумов ДНР и ЛНР (Киев);
12. Альтернативный референдум в Донецкой области.

Анализ тематического расположения материалов в выпуске показывает отсутствие каких-либо стандартных принципов верстки. Так, основной материал выпуска, сюжет о голосовании на референдуме в Донецке, идет лишь восьмым. Не совсем понятно, зачем было разделять материал из Мариуполя на четыре части и потом ставить их подряд. После более детального изучения материалов выпуска становится ясно, что такое композиционное построение используется в целях оказания имплицитного воздействия на адресата. Проигнорировать полностью референдум о независимости восточных областей Украины было невозможно, поэтому журналисты «Донбасса» пошли по пути переноса смысловых акцентов выпуска на последнюю часть, сделав вид, что волеизъявление жителей региона — событие незначительное, не стоящее внимания. Для реализации этой цели используется как верстка выпуска, так и языковые особенности текстовых материалов. В репортажах о референдуме часто встречается ирония. Так, в ВМЗ о задержании перевозчиков бюллетеней говорится: *«Референдум еще не начался, а «галочки» уже стоят — по сообщениям интернет-изданий, 10 мая под Славянском была задержана группа вооруженных людей, перевозящих ящики с тысячами бюллетеней, уже заполненных в поддержку государственной самостоятельности Донецкой Народной Республики».*

Размещение сразу двух материалов о якобы сфальсифицированных бюллетенях в начале выпуска, еще до сюжета о самом голосовании, говорит о желании журналистов создать негативное впечатление о референдуме у зрителя. В коротком ВМЗ о голосовании в Мариуполе уделяется внимание только одной подтеме — зрителю пытаются объяснить, что очереди на участках возникли по техническим причинам, а не вследствие активности жителей города.

В текстах материалов о голосовании в Донецке и Луганске используются манипулятивные технологии, чтобы приуменьшить значимость референдума: *«Референдум прошел в городах, где на административных зданиях был ранее вывешен флаг Донецкой Народной Республики — это чуть меньше половины*

всех населенных пунктов области», **«В четырех районах области референдум о самостоятельности ЛНР вообще не проводился»**. В приведенных цитатах можно увидеть применение манипулятивного приема «преуменьшение с целью дезинформации». Авторы текстов пытаются имплицитно убедить зрителя, что референдум нелегитимен. Сразу после репортажа о голосовании в Донецке идет материал в форме уличного опроса об отношении дончан к волеизъявлению. Все участники опроса выражают негативное отношение к референдуму. Авторы материала применяют следующие приемы речевого воздействия: «умолчание» (утаивание информации от её получателя) и «селекцию» (пропуск и подача только выгодной информации). При уличном опросе в готовый материал идут только те ответы, которые устраивают журналиста, таким образом у зрителя возникает ощущение, что все опрошенные думают именно так. На самом деле только журналисту известно, каким было процентное соотношение положительных и отрицательных ответов, так как в готовый материал вставляются только те, которые подходят по смыслу. Так осуществляется формирование нужного общественного мнения и манипулирование общественным сознанием. Для этих же целей после репортажей о референдуме идет материал с комментарием представителя киевской власти. В ВМЗ утверждается: **«Украина и другие страны не признают результаты голосования, проведенного 11 мая в Донецкой и Луганской областях — об этом заявил и. о. главы администрации президента Сергей Пашинский. По его данным, за самостоятельность восточных республик не голосовали две трети их населения»**. В данном текстовом материале применяются такие приемы речевого воздействия как тактика угроз и дезинформация. Цель все та же — убедить жителей региона, что референдум был нелегитимным.

Подытоживая, можно сделать вывод, что в выпуске за 11 мая журналисты ТК «Донбасс» попытались сформировать и донести до аудитории идеологию о нелегитимности и бесполезности референдумов в Донецкой и Луганской областях, а также о фальсификации результатов голосования. Используя целый спектр приемов имплицитного воздействия как на уровне макроструктуры

выпуска, так и на уровне текстового материала, они рассчитывали добиться негативного отношения у жителей региона к идее независимости от Украины. Стоит отметить, что, вероятнее всего, работа по созданию данных идеологом велась по указаниям руководителей и собственников телеканала. Также можно сделать вывод об определенной ограниченности возможностей манипулятивного воздействия на сознание аудитории. Несмотря на многочисленные попытки украинских СМИ оказать имплицитное воздействие на жителей Донбасса, в регионе прошли референдумы о независимости, на которых были приняты положительные решения. Широкий спектр манипулятивных приемов, включая самые жесткие формы дезинформации, не помог изменить мнения жителей ЛДНР и заставить их вернуться в состав Украины.

После оглашения результатов референдума представители ДНР выдвинули ультиматум всем силовым структурам и воинским формированиям Украины с требованием перейти на сторону народа или покинуть регион. Требования не были выполнены и боевые действия продолжились с новой силой. В освещении противоборства в СМИ также происходили изменения, наметился полный уход от стандартов объективной журналистики в сторону манипулирования общественным мнением. Так, в выпуске новостей от 14.05.2014 г. на телеканале «Донбасс» было два сюжета, посвященных военным действиям. В обоих применялись различные приемы речевого воздействия. Наиболее заметным и частотным из них было «навешивание ярлыков». В частности, в текстах сюжета встречаются следующие номинации: *«В Славянске ночью вновь стреляли — украинские военные атаковали блокпост **боевиков** в районе комбикормового комбината», «Наиболее активное участие в борьбе с **вооруженными террористами** принимают спецподразделения нацгвардии — «Ягуар», «Омега» и «Вега», в первых рядах. Их задействовали, потому что силам антитеррора противостоят не простые ополченцы из народа»*. Как видно из приведенных примеров, журналисты постоянно используют оценочную лексику с негативной семантикой «*боевики*», однако в данном выпуске впервые в тексте журналиста использована лексема «*террористы*» по отношению к ополченцам Донбасса. До

этого данное определение звучало только в синхронах представителей Киева. Следует отметить, что на тот момент не было ни одного документа, фиксирующего статус ДНР и ЛНР как «террористических организаций», поэтому использование оценочной лексики «террористы» по отношению к ополчению Донбасса является применением следующих манипулятивных приемов: «навешивания ярлыков», «дезинформации», «отождествления кого-либо с негативно оцениваемой социальной группой». В текстовых материалах постоянно противопоставляются лексемы и словосочетания с положительной и отрицательной коннотацией: «военные», «спецподразделения нацгвардии», «силы антитеррора» против «боевиков» и «вооруженных террористов». Данная языковая игра используется для формирования идеологемы «СВОЙ — ЧУЖОЙ» с внедрением в сознание зрителя позитивного отношения к «СВОИМ» и негативного — к «ЧУЖИМ».

В ходе анализа сюжетов также выявлено активное использование эвфемизмов и дисфемизмов военного конфликта. Так, в закадровом тексте утверждалось: «*Раненых, заявляют в Минобороны, добивали снайперы. Когда на подмогу украинским военным прилетели вертолеты, нападавшие сбегали с поля боя на двух микроавтобусах*». В данном случае речь идет о вооруженном столкновении двух противоборствующих сторон, причем с одной стороны были украинские военные с бронетехникой и вертолетами, а с другой — ополченцы со стрелковым оружием. Однако для создания необходимого имплицитного воздействия и формирования определенного отношения к сторонам конфликта, в тексте используются дисфемистические и эвфемистические замены. В частности, применение эмоционально окрашенных дисфемизмов — глаголов «добивали» и «сбегали», должно было сформировать негативное отношение у адресата к ополченцам. При этом использование боевой авиации в войне со своим народом было описано с помощью эвфемизма «*на подмогу прилетели вертолеты*».

Еще одним выявленным приемом речевого воздействия является тактика угроз. В одном из сюжетов говорится: «*Десантники пообещали отомстить за убитых под Краматорском друзей*». Использование данного приема лежит в

основе военной информационной стратегии «напугать врага». Помимо этого, на тот момент для ВСУ было важно приостановить запись добровольцев в ряды ополчения и именно в интересах военных Украины действовали журналисты.

Также в сюжете выявлено использование одной из разновидностей манипулятивного приема «интерпретация», а именно — «вмонтажное в текст высоких и низких мотивов». В частности, в синхроне представителя ВСУ говорилось: *«Район, в якому почався бій, це населений район, ніхто навіть не розраховував, там і бій вести не можна, тому що там живуть люди / Район, в котором начался бой, это населенный район, никто даже не ожидал, там и бой вести нельзя, потому что там живут люди»*. Пресс-секретарь начальника генштаба ВСУ утверждает, что украинские военные не ждали нападения в районе жилой застройки, так как сами не ведут боевых действий в городах и селах, заботясь о местных жителях. Это ложный тезис, поскольку начиная с 05.05.2014 г. Славянск регулярно попадал под артиллерийский обстрел со стороны ВСУ, причем огонь зачастую велся по жилым кварталам. При этом на тот момент об обстрелах украинских военных практически ничего не сообщалось в СМИ. Использование всех выявленных имплицитных приемов речевого воздействия должно было сформировать у аудитории образ врага в лице ополченцев, а также служило дегуманизации и расчеловечиванию сторонников ДНР. Следует отметить, что в одном из сюжетов выпуска была представлена точка зрения ополченцев, вставлен синхрон защитника Славянска. Таким образом журналистами «Донбасса» была предпринята попытка сделать сюжет отчасти удовлетворяющим критериям редакционной нейтральности. Однако использование этого малоинформативного синхрона практически ничего не меняло в общей тональности всех материалов выпуска — представления ВСУ как положительных героев и формирования негативного отношения к ополчению Донбасса.

В этот период освещения противостояния в деятельности журналистов телеканала «Донбасс» и других украинских СМИ появляются новые приемы имплицитного воздействия на зрителя. Связано это было с тем, что начиная с мая

2014 года и на протяжении всего конфликта, ВСУ постоянно вели артиллерийские обстрелы жилых кварталов городов и поселков Донбасса. Украинские СМИ, информационно поддерживавшие армию, спецподразделения и нацбаты, не могли в своих сообщениях напрямую сообщать о совершении ВСУ военных преступлений и убийстве мирных граждан. Однако полностью игнорировать артобстрелы тоже было достаточно сложно. В результате, применялись различные тактики и стратегии речевого воздействия, чтобы сформировать необходимое общественное мнение по данному вопросу. Подходы к использованию манипулятивных приемов постоянно менялись на протяжении конфликта. Так, периодически использовалась тактика умолчания — в случаях, когда обстрелы были не очень сильными, о них вообще не сообщалось. В случаях, когда обойти вниманием обстрелы не получалось, использовалась тактика селекции — выдавалась только та информация, которая была выгодна автору материала.

В выпуске от 19.05.2014 г. в эфир вышел сюжет о боестолкновениях в Краматорске. В материале сообщалось, что в ходе артиллерийского обстрела пострадали предприятия города, жилые дома, инфраструктура. Однако тут же утверждалось, что информация о виновниках преступления отсутствует: *«Кто бомбил город достоверно неизвестно. Минобороны сообщает лишь о спецоперации против ополченцев, которые планировали ракетный обстрел военного аэродрома»*. В данном случае использованы приемы: «передергивание», «дезинформация» и «ложная логическая увязка». В частности, на тот момент было известно, что Краматорск находился под контролем ополчения, которых атаковали и обстреливали ВСУ, поэтому утверждая, что *«достоверно неизвестно»*, кто наносил удары, журналист дезинформирует зрителя. При этом сразу после ложного сообщения об отсутствии данных об обстрелах, автор перескакивает на другую тему — задержании ополченцев, якобы планировавших *«ракетный обстрел»*. В данной связке использованы приемы передергивания и ложной увязки: поскольку речь идет о некоем *«обстреле»*, у адресата может сложиться ощущение, что предыдущие артобстрелы тоже осуществляли

ополченцы. Подробно рассказывая о задержании группы сторонников ДНР, журналист пытается перенести смысловой акцент именно на эту часть сюжета и увести внимание аудитории от преступлений украинской армии.

В материале об обстреле Славянска от 23.05.2014 г. сообщается об артобстрелах и их последствиях, но не говорится, кто их проводит: *«Снаряды в Славянске **рвутся** все ближе к центру, сегодня днем жители района «Варшава» сняли артобстрел частного сектора», «Бои в Славянске длились всю ночь, **стрельба велась** также в поселках Карповка и Семеновка, где под артобстрел также **попали жилые дома**»*. В данном случае применен манипулятивный прием «варьирование на синтаксическом уровне». Использование страдательного и возвратного залогов позволяет автору исключить из синтаксической конструкции Агенса (инициатора действия) и оставить Пациенса (объект, подвергающийся действию): *«снаряды рвутся», «стрельба велась», «жилые дома попали под обстрел»*. Манипуляции на уровне ролевой структуры новостного текста с использованием пассивных синтаксических конструкций позволяют полностью исключить упоминания о непосредственных виновниках данных событий. В частности, в этом материале сообщается о последствиях обстрелов, но не говорится, что разрушения жилых домов и предприятий Славянска осуществила артиллерия Вооруженных сил Украины.

В выпуске от 27.05.2014 г. используются другие манипулятивные подходы к освещению обстрелов Славянска, а именно — «переворачивание» (замена «чёрного» на «белое»). Уже в подводке к сюжету утверждается: *«Из-за артобстрелов, которые в самом Славянске **ведут ополченцы**, гибнут мирные жители, осколком ребенку оторвало руку — об этом рассказывают сами горожане. Под **артобстрел ополченцев** вчера попал микрорайон "Артема"»*. Исходя из услышанного, у зрителя должно было сложиться впечатление, что ополченцы обстреливали сами себя, поскольку на тот момент именно они контролировали Славянск, а украинские военные хотели его захватить. Далее в закадровом тексте уже ничего не говорится о том, кто обстрелял город: *«**Взрывы** в районе жилого массива "Лесной" **прогремели** вчера в районе восьми часов вечера.*

Осколками снарядов убило двух человек. Еще восемь ранены. Среди пострадавших есть ребенок». Как видно, в закадровом тексте применяется описанный ранее манипулятивный прием варьирования на синтаксическом уровне. Используются только пассивные конструкции: *«взрывы прогремели», «осколками убило»*. Это вновь позволяет уйти от обозначения в тексте Агенса — истинного виновника смерти гражданских людей, артиллерии ВСУ. Использование этих двух приемов позволило ложно обвинить ополченцев в убийстве людей. Помимо этого, в сюжете применен манипулятивный прием «дезинформация со ссылкой на авторитетный источник». В закадровом тексте утверждается: *«В свою очередь, руководитель пресс-центра АТО на своей странице в соцсети сообщил, что украинские военные никогда не ведут огонь по жилым кварталам, даже если в этих районах расположены огневые позиции боевиков»*. Включая в сюжет явную ложь, журналисты сами становились соучастниками дезинформирования населения. Подобные приемы эксплицитного отрицания очевидного более свойственны военной пропаганде, нежели объективной журналистике.

Помимо указанных выше тактик и стратегий речевого воздействия, практически во всех сюжетах об обстрелах городов Донбасса украинской армией использовался еще один манипулятивный прием — «переинтерпретация» цитат. Применительно к данной теме, эта технология представляла собой следующее: в сюжет вставлялся реальный, достоверный синхрон очевидца события — местного жителя, пострадавшего от обстрела (или же ставшего свидетелем артобстрела). Однако в готовый сюжет вставлялась лишь та часть синхрона, где не говорилось о виновниках трагедии. Можно привести примеры подобных синхронов: *«Люди сидели на улице, на балконах стояли и в этот момент вот эти взрывы. От стола девочка побежала, уже руки нет. Это было страшно», «Только хотела взять воды себе, и вот этот взрыв, какая-то оглушенность у меня, шум в голове, уши заложило», «У меня уже сил нету. Теперь мне что делать? Куда идти, к кому идти? Я бы и выехала, да куда выехать»*. Как видно из приведенных синхронов, люди возмущаются действиями артиллеристов, нанеших удар по жилому

массиву. Однако при этом выбраны те фрагменты, где нет никаких данных, кто же именно обстрелял город. С учетом описанных ранее имплицитных методов воздействия, после просмотра данных синхронов у зрителя должно было остаться убеждение, что город был обстрелян именно ополченцами. В дальнейшем все эти приемы имплицитного воздействия применялись неоднократно.

В этом же выпуске обращает на себя внимание еще один материал. Уже в конце выпуска дается информация о том, что руководство ДНР покинуло Донецк, а руководитель ЛНР пообещал их расстрелять за это: *«Около 10 вечера понедельника, по словам очевидцев, так называемый председатель ДНР Денис Пушилин бежал из захваченного здания облгосадминистрации. Баррикады глава правительства псевдореспублики покидает в сопровождении лиц кавказской внешности», «Спустя час председатель непризнанной Луганской республики Валерий Болотов объявил лидеров ДНР позорными трусами и предателями»*. В данном материале применяются уже описанные ранее технологии речевого воздействия: «дисфемистическая замена», «отождествление кого-либо с негативно оцениваемой социальной группой». Однако впервые в данном ВМЗ применен манипулятивный прием «полная дезинформация» в таком объеме, что уместнее говорить о «конструировании» (придумывании несуществующих в реальности данных). Вся информация в данном материале является полной ложью, что позволяет отнести его к разряду так называемых фейковых новостей. Это первый случай, когда подобный пропагандистский, выдуманный материал вышел в эфире телеканала «Донбасс».

В дальнейшем тенденции однобокого и тенденциозного освещения конфликта в восточной части Украины сохранились. Более того, в материалах ТК «Донбасс» появились новые механизмы речевого воздействия. Так, в выпуске от 28.05.2014 г. активно использовались эвфемистические замены. В закадровом тексте сюжета о боестолкновениях в Донецке говорится: *«Силы АТО в Донецке нейтрализовали ряд огневых точек ополченцев ДНР», «Украинские силовики намерены вести спецоперацию до полного уничтожения атакующих их боевиков»*. Применение распространенных военных эвфемизмов «силы АТО»,

«нейтрализовали», «спецоперация», «уничтожение» направлено на создание положительного впечатления от боевой деятельности ВСУ. Использование подобных военных эвфемизмов становится постоянным на телеканале. Также в выпуске был применен манипулятивный прием — использование метафор. В частности, в подводке к сюжету говорится: *«В понедельник из-за боевых столкновений в Донецке поврежден частный дом, и чудом этой участи избежал детский садик. Там в этот момент находились дети, у них был сонный час. Между «молотом» антитеррористической операции и «наковальней» ДНР оказался целый микрорайон»*. Помимо уже описанных приемов «апелляции к высшим ценностям» (жизнь ребенка) и «драматизации», в тексте применен новый стилистический прием. Метафоричная адаптация фразеологизма «между молотом и наковальней» применительно к АТО и ДНР должна была сгладить у адресата впечатление от обстрела авиацией Украины детского сада в Донецке. Сам факт обстрела в сюжете не отрицался.

В материале о событиях в Славянске вновь применен прием варьирования на синтаксическом уровне, а именно — использование страдательного залога: *«Первые минометные **взрывы** в Славянске **прогремели** в первой половине дня. В полдень **снаряды полетели** в квартиры мирных жителей микрорайона «Артема». Взрывной волной **повыбивало** стекла, пробита газовая труба, **есть погибшие**. Осколками были **ранены двое мужчин**, одному из них оторвало ногу»*.

Как видно из приведенной цитаты, применение пассивных синтаксических конструкций («взрывы прогремели», «снаряды полетели», «есть погибшие», «ранены мужчины») позволяет уйти от указания Агенса, которым являются ВСУ. На это же направлен манипулятивный прием «переинтерпретация» цитат (синхронов): *«За что убивают мирных людей? Вышла на улицу — тут дивчине руку оторвало, тут покойник лежит, там покойник лежит»*. Вновь использован синхрон, в котором отсутствуют данные о том, кто именно обстреливает Славянск. Помимо этого, в выпуске применен манипулятивный прием «конструирование» в части оправдания украинских военных, обстреливающих мирных жителей. Ополченцев опять обвинили в обстреле территории, которую

они же контролировали: *«Вооруженные **ополченцы** самопровозглашенной Луганской Народной Республики **начали обстреливать** город Рубежное. Минувшей ночью снаряды летели не только в украинских солдат, но и в жилые дома местных жителей. В штабе АТО настойчиво заявляют, что украинские военные не стреляют в безоружных и жилые кварталы».*

Помимо постоянно используемого тезиса о том, что ВСУ не обстреливают мирных жителей, в материале вновь применена полная дезинформация (явная ложь). Луганские ополченцы, которые в тот момент занимали город Рубежное, по утверждению авторов сюжета стреляли по своим позициям. Текстовый материал журналиста должен был подтверждаться синхронном представителем АТО: *«Бойовики обстріляли позиції українських силовиків ... а також житлові квартали міста Рубіжне, таким чином намагаючись переконати місцевих жителів, що обстріли житлових кварталів виконують українські силовики / Боевики обстреляли позиции украинских силовиков ... а также жилые кварталы города Рубежное, таким образом стараясь убедить местных жителей, что обстрелы жилых кварталов производят украинские силовики».* Как видно из приведенных цитат, украинские специалисты по пропаганде разработали новую схему манипулятивного воздействия. Поскольку к этому времени росло число жертв среди мирного населения, попавших под артиллерийские и авиационные обстрелы, была «сконструирована» идеологема о том, что ополченцы провокационно обстреливают жилые кварталы городов, которые сами же и занимают, чтобы потом обвинить в этом ВСУ. Абсурдность данного тезиса не смутила украинских журналистов, которые стали активно использовать его в своих материалах. Исключением не стал и телеканал «Донбасс».

Тенденция к увеличению объема полностью лживых репортажей сохранилась и усилилась на телеканале в этот период. Характерный материал вышел на телеканале «Донбасс» 02.06.2014 г. Резонансный авиаобстрел Луганской ОГА, где в этот момент не было воинских соединений, а лишь гражданские люди, был освещен с использованием тезисов, придуманных украинской пропагандой: *«Взрыв прогремел и в здании Луганской*

облгосадминистрации. По данным милиции, выстрел из зенитного комплекса был сделан из захваченного боевиками здания СБУ. Ополченцы ЛНР якобы целились в украинский истребитель, однако ракета с тепловым наведением полетела не в сторону самолета, а в окно оккупированной ОГА, где работал кондиционер».

Стремясь переложить ответственность за обстрел гражданского объекта с авиации ВСУ на ополченцев, «Донбасс» выдал фактически фейковый материал, в котором были использованы различные манипулятивные технологии («дезинформация», «именование», «переворачивание», «ссылка на авторитетный источник»). Длительность данной видеомонтажной заметки составила лишь 25 сек. В материале нет синхронов (которые могли бы повысить или понизить уровень достоверности информации), видеоряд крайне малоинформативен (в основном демонстрируется общий план). Даже на этом общем плане облгосадминистрации видно, что взрыв был не один, и произошли они не только в самом здании, но и рядом с ним, что говорит о ложности тезиса «взрыва кондиционера» и вероятном использовании авиационных ракет. Надо отметить, что на этот раз ложь украинской стороны была настолько явной, неудачной и нелепой, что в дальнейшем упоминание «взорвавшегося кондиционера» стало устойчивой фразеологической метафорой или так называемым «мемом» в интернет-пространстве. На протяжении всего конфликта, когда речь заходит о потерях украинских военных, в неофициальных текстах используется данная фразеологическая метафора, например: «целый день на позициях украинских националистов взрываются кондиционеры».

Говоря об использовании фейковой, то есть полностью ложной, «сконструированной» информации, следует упомянуть еще один манипулятивный прием, который использовался украинскими СМИ во время военного конфликта. Поскольку телевизионный дискурс является мультисемиотическим, информация, которая озвучивается в тексте, должна подтверждаться соответствующими видеоматериалами. Таким образом удастся достичь большей достоверности репортажа и вызвать доверие у зрителя. Однако в случае распространения дезинформации, подобных достоверных и

верифицированных видеоматериалов быть не может и создателям манипулятивного репортажа приходится использовать постановочное видео. В частности, в выпуске от 02.07.2014 г. в закадровом тексте журналиста говорилось: *«Ополченцы продолжают сдаваться в плен. Украинские силовики сняли момент капитуляции под Славянском — трое боевиков сами пришли к военным с белым флагом»*. Текст написан с использованием приемов речевого воздействия — используя словосочетание *«продолжают сдаваться»*, адресату дают понять, что ополченцы постоянно сдаются в плен. Данный текст сопровождается коротким видеофрагментом, на котором видно, как три человека в камуфляже, без оружия и с белым флагом, подходят к украинским силовикам с явным намерением сдаться. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все трое хорошо экипированы, а на голове у каждого одета плотная балаклава, не позволяющая рассмотреть лицо. Происходит «переход на сторону врага» посреди поля, никаких боевых действий вокруг не ведется. Все эти факты позволяют говорить об использовании постановочного видео для придания репортажу большей достоверности и оказания манипулятивного воздействия на зрителя. Скорее всего, украинские военные сняли в роли ополченцев своих коллег, исключив возможность опознания их по каким-то признакам. Налицо попытка сформировать идеологему об испуганных и не желающих воевать дальше ополченцах. При этом следует отметить, что в рассматриваемом периоде подобные манипулятивные приемы (постановки), сочетавшие в себе ложные вербальную и невербальную (визуальную) составляющие, применялись нечасто.

Также в телевизионном новостном дискурсе начальной стадии конфликта достаточно редко использовались эмоционально-оценочные прилагательные. Тем не менее, такие случаи были выявлены в ходе анализа. Так, в выпуске от 14.06.2014 г. были использованы уже описанные ранее манипулятивные приемы: «именование», эвфемистические и дисфемистические замены и др. Однако обращает на себя внимание то, что в материале о подбитом ополченцами самолете применяются эмоционально-оценочные прилагательные: *«огромная потеря»*, *«циничный теракт»*. В выпуске от 01.07.2014 г., когда речь идет о действиях

ополченцев, также используются эпитеты *«нагло»*, *«цинично»*. Несмотря на то, что в обоих случаях данные слова даются в виде цитаты, они позволяют говорить о более активном внедрении в журналистские материалы адъективной оценочной лексики. Использование эмоциональных эпитетов является одним из серьезных языковых инструментов информационной борьбы. Адъективную лексику используют для оценочной квалификации предметов и явлений, воздействия на сознание массового зрителя и последующей манипуляции аудиторией. При этом надо отметить, что подобные приемы, также как и предыдущий, в 2014 г. встречались в деятельности журналистов ТК «Донбасс» нечасто.

В период со 2 по 10 июня 2014 года выпусков новостей на телеканале «Донбасс» не было. Видимо, это связано с переездом канала из Донецка в Днепр. После возвращения в эфир заметно поменялось оформление студии программы «Время новостей Донбасса», произошли изменения в структуре выпуска. В частности, из информационной программы практически полностью исчезли сюжеты, не связанные каким-то образом с конфликтом на востоке Украины. Подобные репортажи вставлялись в выпуск только при наличии очень существенного инфоповода (авария на шахте и т. п.). При этом значительно увеличилась доля материалов из Киева и других украинских городов — эти репортажи снимались журналистами телеканала «Украина» и предоставлялись в распоряжение «Донбасса». Полностью исчезли шпигели и анонсы — каждая программа начиналась сразу с подводки ведущего или ВМЗ. Практически в каждом выпуске новостей использовалась такая форма подачи материала как интервью с гостем. Данная тенденция появилась еще в апреле–мае и упрочилась в июне. Если говорить о структуре самих информационных материалов, то из них практически полностью исчезли синхроны сторонников ДНР и стендапы журналистов. Причины данных изменений — расположение телеканала вдали от освещаемых событий, а также необходимость идеологической «обработки» аудитории. Значительно изменился и видеоряд, сопровождающий сюжеты и ВМЗ. Участились случаи использования чужих видеосъемок, архивных материалов и видео с Youtube. В связи с явным дефицитом собственных съемок, ухудшилось

качество монтажа. Анализ показал, что одни и те же кадры (например, из Славянска) можно много раз встретить в выпусках новостей на протяжении двух-трех месяцев, причем речь в репортажах шла об актуальных событиях. Соответственно, нельзя говорить о соблюдении норм, стандартов и правил современной тележурналистики — как по техническим, так и по идеологическим причинам. Впрочем, как отмечалось ранее, отход от норм объективной журналистики с равным представлением различных точек зрения начался намного раньше, задолго до переезда, и был связан скорее с изменившейся политической позицией собственника телеканала. Следует отметить, что Ринат Ахметов неоднократно использовал свою медиа-группу для того, чтобы озвучить политическую позицию и отношение к конфликту. Главный акционер компании «СКМ» и, по сути, собственник телеканала «Донбасс», всегда выступал за единую Украину, об этом говорят его периодические появления в выпусках новостей канала. В связи с этим нацеленность телеканала «Донбасс» на поддержку ВСУ в конфликте на востоке страны после переезда только возросла. Концепция редакционной нейтральности перестала быть одним из основополагающих принципов работы журналистов телеканала.

Что касается средств речевого воздействия, которые использовали журналисты в своих репортажах, то надо отметить, что исследование новостных материалов весны 2014 г. позволило выявить, проанализировать и описать практически все манипулятивные приемы, которые использовались авторами для формирования определенного общественного мнения. В дальнейшем журналисты пользовались уже наработанными механизмами, иногда лишь меняя конкретное содержание (лексические или синтаксические конструкции).

Обобщающий анализ стратегий и тактик речевого воздействия в новостном дискурсе телеканала «Донбасс» в начальный период активных военных действий (с 07.04.2014 г. по 15.02.2015 г.) позволил выявить использование значительной части приемов манипулятивного воздействия, рассмотренных в разделе 1.3 данной работы. Однако частотность применения разного рода воздействия неодинакова. Так, наиболее часто в своей деятельности журналисты «Донбасса»

использовали дисфемистические и эвфемистические замены. В частности, чаще всего применялся манипулятивный прием «именование» (навешивание ярлыков) по отношению к сторонникам ДНР. На начальном этапе конфликта использовались следующие частотные лексемы с негативной семантикой: «захватчики», «штурмовики», «налетчики в масках», «люди с оружием». По мере усиления конфликта формулировки ужесточались, в обиход корреспондентов вошли слова «боевики», «сепаратисты», «террористы», «диверсанты», «наемники», что является типичным примером дисфемистической замены номината для создания отрицательной эмоционально-оценочной реакции и формирования образа врага. Начиная с 24.04.2014 г. наиболее частотным стало использование лексемы «боевики». В каждом выпуске новостей это слово употреблялось в среднем 7–15 раз.

Как было выявлено в ходе исследования, журналисты ежедневно использовали манипулятивный прием «апелляция к авторитетам при подаче ложного или сомнительного тезиса». В своих репортажах авторы смягчали формулировки в закадровом текстовом материале и переносили «жесткую» смысловую нагрузку на синхрон представителя власти, таким образом отчасти снимая с себя ответственность за воздействие на общественное мнение.

Не менее частотным является и применение эвфемистических замен. Так, в начальной фазе конфликта по отношению к ВСУ использовались лексемы с нейтральной или положительной семантикой: «спецподразделения», «силовики», «силы антитеррора». Само название «антитеррористическая операция» является классическим примером военного эвфемизма, поскольку смягчает впечатление от проведения военных действий вооруженными силами на территории своей страны.

Помимо существительных, также часто дисфемистическим и эвфемистическим заменам подвергались и глаголы. Если речь шла о ВСУ, то использовались нейтрально-положительные лексемы: «уничтожили», «нейтрализовали», «отбили», «взяли», «отошли». В случаях с ополченцами применялись лексемы с негативной семантикой: «убили», «захватили», «напали»,

«сбежали», «добивали». Значительно реже в новостных медиатекстах телеканала «Донбасс» использовались эмоционально-оценочные прилагательные. Применение адъективной лексики было выявлено лишь эпизодически и только в синхронах респондентов. В 2014 г. в этом вопросе журналисты «Донбасса» занимали «половинчатую» позицию, с одной стороны используя подобные языковые средства воздействия (в синхронах), а с другой — не вставляя их в свои закадровые тексты.

При этом практически в каждом новостном материале за счет использования эвфемизмов и дисфемизмов всех видов происходило сталкивание диаметрально противоположных концептов в рамках одного текста, что является одним из инструментов манипулирования общественным мнением. Благодаря использованию номинаций осуществлялось формирование оппозиции «СВОИ — ЧУЖИЕ», где в роли «СВОИХ» выступали ВСУ, представители новой киевской власти и поддерживающие их националистические силы востока Украины, а роль «ЧУЖИХ» отводилась представителям вооруженных формирований ДНР и их сторонникам. Основной задачей для журналистов стало формирование негативного отношения к «ЧУЖИМ» у адресата. Именно для этого использовались оценочные языковые единицы с негативной семантикой — с их помощью журналисты пытались добиться эффекта демонизации объекта, в данном случае — ополчения Донбасса.

В ходе исследования также выявлен комплекс частотных манипулятивных приемов, который использовался практически каждый день на протяжении изучаемого периода и был связан с обстрелами украинской армией жилых кварталов Донбасса. На начальном этапе конфликта использовались различные тактики речевого воздействия, но постепенно журналистами «Донбасса» был выработан определенный набор манипулятивных приемов, который применялся каждый раз, когда надо было сгладить у зрителя негативное впечатление от военных преступлений украинской армии. Основными элементами данного комплекса были следующие приемы: «умолчание», «варьирование на синтаксическом уровне» (использование пассивных конструкций),

«переворачивание» и «переинтерпретация» цитат. «Умолчание» заключалось в том, что ни в одном из новостных материалов военные Украины не назывались виновниками обстрелов жилых кварталов и гибели мирных граждан. Избежать упоминания ответственных за военные преступления удавалось с помощью использования пассивных синтаксических конструкций. Для повышения достоверности материала использовалась «переинтерпретация» цитат: из синхронов очевидцев и пострадавших отбирались только те фрагменты, в которых не упоминались основные виновники. Также, применительно к синхронам, использовались манипулятивные приемы: «представление частного как общего, исключения — как правила» и «перенос мнения нескольких людей на представительную группу». Плюс к этому периодически применялся прием «переворачивания»: журналисты, либо ссылаясь на спикеров АТО, либо вставляя в материал их синхроны, утверждали, что это ополченцы обстреливают жилые кварталы, которые они же и защищают. Версия «самообстрелов» для прикрытия военных преступлений украинской армии активно использовалась на протяжении всего конфликта. С помощью имплицитного воздействия всех четырех приемов спикеры АТО, а впоследствии и журналисты, формировали определенное общественное мнение для поддержки украинских военных.

Начиная с момента создания ДНР и ЛНР, в политическом дискурсе Украины применялись манипулятивные приемы, направленные на дискредитацию республик и запугивание их сторонников. Тезисы политиков и чиновников ретранслировали украинские СМИ. В частности, в деятельности ТК «Донбасс» были выявлены два частотных приема речевого воздействия, направленных на решение данных задач: тактика угроз и интерпретация с помощью иронии. Практически в каждом выпуске новостей звучали тезисы спикеров АТО с угрозами в адрес ополченцев и руководства ЛДНР. Периодически журналисты самостоятельно применяли данную тактику.

На протяжении всего конфликта в текстах журналистов телеканала активно использовались приемы имплицитного речевого воздействия: «апелляция к высшим ценностям» (вмонтирования в текст высоких и низких мотивов), «поиск

поводов к драматизации» и «ссылка на несуществующие основания и ложная увязка». В частности, постоянно использовались тезисы о «защите мирного населения», «заботе о детях» и др. Подобные тезисы служили основанием для тех или иных действий украинской армии (наступления, отступления и т. п.).

Начиная с мая 2014 года в новостных материалах ТК «Донбасс» активно применяются следующие манипулятивные приемы: «умолчание», «селекция», «передергивание», «использование бездоказательных утверждений», «преувеличение или преуменьшение с целью дезинформации», «конструирование» (полная дезинформация). Все эти приемы информационной войны использовались в комплексе с еще одним — «апелляция к авторитетам при подаче сомнительного тезиса как доказанного». Речь идет о частично или полностью ложных заявлениях представителей киевской власти и спикеров АТО, которые в неизменном виде ретранслировались СМИ. С использованием данных приемов создавались так называемые фейковые новости военного периода. Данные приемы применялись, чтобы создать впечатление у адресата о постоянной успешности действий украинской армии и неудачах ополченцев. Также подобные «сконструированные» новости использовались для оправдания военных преступлений или же неудачных действий украинских военных. Еще одно направление применения указанных манипулятивных приемов — создание с помощью ложных тезисов негативного образа ополченцев Донбасса, расчеловечивание и дегуманизация вооруженных сил ЛДНР и всех участников сопротивления на востоке Украины.

Манипулятивные технологии при освещении военного конфликта в 2015–2022 гг.

Несмотря на снижение активности боестолкновений в период 2015–2022 гг. (до начала СВО), все вышеуказанные приемы продолжали использоваться журналистами «Донбасса» в информационных сообщениях, касающихся военных действий. В 2019 г. произошел полный переход информационного вещания телеканала на украинский язык. Исследования показали, что после начала Специальной военной операции спектр применяемых манипулятивных

технологий мало изменился, однако произошли качественные изменения в практике применения стратегий и тактик речевого воздействия. Так, по-прежнему наиболее распространенным приемом имплицитного воздействия осталось «навешивание ярлыков». Изменились формулировки: если в 2014 г. чаще всего использовались лексемы негативной семантики «*боевики*» и «*террористы*», то в 2022 г. в новостном дискурсе чаще стали применять лексемы «*агрессоры*» и «*оккупанты*». Отдельно следует отметить активное использование в украинском теледискурсе неологизма «*рашизм*» и его производных. Термин, используемый для демонизации России, применялся и в 2014 г., однако тогда он чаще встречался в разговорной речи и блогосфере. Закрепление данной номинации в дискурсе официальных традиционных СМИ свидетельствует о попытках украинской пропаганды внедрить в сознание аудитории идеологему сходства действий России с фашизмом. Главной задачей украинских журналистов в 2022 г. становится расчеловечивание россиян, причем не только военных, но и всех, кто поддерживает идеи «Русского мира».

При этом в дискурсе украинского телеканала появляются ранее не используемые экспрессивные этнонимы («*москали*», «*кацапы*»). Так, информационный материал от 05.07.2022 г. вышел под названием «*HIMARS працюють та їх стає більше, а москалів менше / ХАЙМАРС працюють і їх стає більше, а москалей менше*». Современные исследователи отмечают, что подобные наименования представителей другого этноса скорее распространены в жаргонах, арго, просторечии, разговорной речи и служат одной из примет языка вражды. Применение подобных высказываний в дискурсе официальных традиционных СМИ является нарушением этических норм журналистики. Соответственно, свободное использование подобных экспрессивных этнонимов в дискурсе телеканала может свидетельствовать не только о применении методик имплицитного убеждения, но и об определенной деградации украинских СМИ.

После начала СВО резко увеличилось использование эмоционально-оценочных прилагательных («*подлое нападение*», «*циничные обстрелы*»). Если в

2014 г. применение адъективной лексики было выявлено лишь эпизодически и только в комментариях респондентов, то в 2022 г. журналисты уже использовали оценочные эпитеты на постоянной основе. Активное применение эмоционально окрашенной лексики является одним из эффективных способов ведения информационной войны, однако наглядно демонстрирует отход от норм современной журналистики в сторону военной пропаганды.

Еще одним характерным примером использования имплицитных технологий убеждения становится использование ироничных метафор с оценочным подтекстом. Так, в материале ТК «Донбасс» от 06.06.2022 г. журналист утверждает: *«ЗСУ успішно перетворюють на добрива росіян / ВСУ успішно превращают россиян в удобрения»*. Помимо того, что само утверждение об «успехах» украинской армии является ложным, автор прибегает к еще одному манипулятивному приему: использует иронично-оценочную метафору, при этом отходя от общепринятых стандартов нравственности и журналистской этики, которые должны соблюдаться даже в условиях военного конфликта. Использование в дискурсе украинских СМИ оценочных метафор, эпитетов и экспрессивных этнонимов позволяет сделать вывод об активном применении тактики оскорбления и тактики угрозы.

В 2022 г. значительно изменились подходы к освещению обстрелов украинской армией гражданских объектов и мирного населения. Из дискурса украинского канала практически исчезли попытки выдать преступления ВСУ за самообстрелы. Вместо этого применялся прием «умолчание»: обо всех многочисленных атаках гражданской инфраструктуры Донецкой агломерации и гибели мирных жителей в украинских СМИ практически ничего не сообщалось.

Еще одной отличительной чертой телевизионного новостного дискурса телеканала «Донбасс» стало более активное использование полностью «сконструированных» материалов, которые можно отнести к разряду фейковых новостей. Как отмечалось выше, применение приема «полная дезинформация» было выявлено уже на начальной стадии конфликта в 2014 г. Однако тогда подобные материалы появлялись достаточно редко. В 2022 г. уже можно говорить

о постоянном дезинформировании аудитории украинскими СМИ. Тематически охват касался любых направлений жизнедеятельности: от положения на линии соприкосновения до состояния экономики. Можно привести несколько названий подобных фейковых информационных материалов: *«Окупанти крадуть зерно / Оккупанты крадут зерно»*, *«Чи бути дефолту в росії? / Будет ли дефолт в России?»*, *«Чи є холера у Маріуполі / Есть ли холера в Мариуполе»* *«російську економіку штормить / Российскую экономику штормит»*. Изучение данных материалов показывает, что часть из них была создана на основе сообщений различных органов власти Украины, а другая часть придумана журналистами самостоятельно. Следует отметить, что все слова, однокоренные слову «Россия», в названиях сюжетов написаны с маленькой буквы, хотя это противоречит нормам правописания. Подобное отклонение от нормы также широко распространилось в украинских СМИ в 2022 г., однако на данный момент сложно судить об эффективности этого приема в информационной войне.

Таким образом, можно сделать вывод, что после начала СВО в 2022 г. произошла значительная интенсификация использования имплицитных технологий воздействия, также качественные изменения коснулись практики применения манипулятивных приемов. Следует отметить, что применение в новостном дискурсе адъективной лексики, оценочных метафор и экспрессивных этнонимов, а также появление значительного количества фейковых материалов позволяет сделать вывод не только о переходе к «жесткой» военной пропаганде, но и об определенной деградации украинских СМИ.

Как показал анализ, журналисты телеканала «Донбасс» в период военного конфликта 2014–2022 гг. использовали практически весь арсенал стратегий и тактик речевого воздействия на адресата. При этом для достижения поставленных целей, а именно — имплицитного формирования определенного общественного мнения, им пришлось отойти от стандартов и норм современной объективной тележурналистики.

Выводы по третьей главе

Анализ телевизионного новостного дискурса телеканала «Донбасс» в мирное, предвоенное и военное время позволил выявить ряд закономерностей, свойственных каждому периоду. Прежде всего, следуя методике дискурс-анализа, разработанной и описанной во второй главе данного диссертационного проекта, была изучена функциональная специфика деятельности телеканала «Донбасс» и условия создания и интерпретации новостного медиадискурса. Исследование показало, что «Донбасс» являлся одним из ведущих региональных СМИ Украины данного периода. Изучение новостных выпусков 2012–2013 гг. позволило сделать вывод, что в это время телеканал работал с соблюдением практически всех норм и принципов современной тележурналистики. Структура выпусков новостей строилась на основании принципов «классической» верстки, то есть вначале ставились самые «горячие» новости. Их анонсы выносились в шпигель. На уровне структурно-композиционной организации выпуска новостей не выявлено манипулятивных технологий воздействия на зрителя. Новостные материалы, которые входили в выпуски, также создавались с соблюдением основных требований: в каждом сюжете присутствовало несколько синхронов, были представлены различные точки зрения. В репортажах активно использовались лайфы. В тех случаях, когда это было необходимо, зрителю представлялся герой сюжета. Единственным выявленным недостатком было редкое использование стендапов. Имплицитное воздействие на зрителя встречалось редко и в основном было направлено на достижение положительных социальных изменений после интерпретации дискурса.

В ходе исследования выпусков новостей периода гражданского противостояния на Украине были выявлены следующие закономерности: в указанный период политические установки и приоритеты в освещении различных событий у канала несколько раз менялись. До 22.02.2014 г. в новостных материалах телеканала «Донбасс» наблюдался заметный приоритет в показе

акций пропрезидентских сил, однако все значимые события, которые проводили представители оппозиционного движения, также подробно освещались. В определенной мере журналисты канала пытались следовать концепции редакционной нейтральности. Основные нарушения стандартов и норм современной тележурналистики касались неравномерного представления различных точек зрения. При этом можно сделать вывод, что оценивать соблюдение паритета мнений в условиях политического кризиса возможно только в рамках макроструктуры — выпуска новостей. Анализ отдельных новостных материалов по этому вопросу не является релевантным.

После победы Евромайдана и активизации протестного движения на юго-востоке Украины установки телеканала изменились. С помощью различных приемов манипулятивного воздействия началось формирование оппозиции «СВОИ — ЧУЖИЕ» с акцентированием деструктивного начала у «ЧУЖИХ». В роли «СВОИХ» выступали представители националистических сил Украины, в роли «ЧУЖИХ» — активисты протестного движения на юго-востоке страны. Используя оценочные языковые единицы с негативной семантикой, журналисты канала начали формирование негативного отношения к пророссийским силам.

Исследование телевизионного новостного дискурса в начальный период военного конфликта (2014 г.) позволяет сделать ряд выводов. В частности, по мере усиления противостояния изменялось отношение журналистов к основополагающим принципам и стандартам работы, а именно — уже на постоянной основе нарушались нормы современной тележурналистики. Из новостных материалов телеканала «Донбасс» полностью пропало представление альтернативной точки зрения, мнения экспертов и стендапы. При этом участилось использование манипулятивных технологий. Анализ теледискурса военного времени позволил выявить наиболее часто встречающиеся приемы манипулятивного воздействия. Чаще всего в указанный период применялся прием «навешивание ярлыков». Постоянно использовались дисфемистические и эвфемистические замены существительных и глаголов. Значительно реже журналисты использовали эмоционально-оценочные прилагательные.

Практически ежедневно на протяжении указанного периода применялся комплекс манипулятивных приемов, позволяющий не указывать виновников постоянных обстрелов жилых кварталов Донбасса — украинскую армию. В состав комплекса входили следующие приемы: «умолчание», «варьирование на синтаксическом уровне», «переворачивание» и «переинтерпретация» цитат. Использование данных приемов позволяло с помощью лингвистических средств не упоминать ВСУ в материалах об обстрелах и перекладывать вину за эти военные преступления на ополченцев.

В случаях, когда речь шла о мирных жителях или детях, использовались приемы имплицитного воздействия: «апелляция к высшим ценностям», «поиск поводов к драматизации», «ссылка на несуществующие основания и ложная увязка». Все эти приемы информационной войны использовались в комплексе с еще одним — «апелляция к авторитетам при подаче сомнительного тезиса как доказанного». В качестве «авторитетов» выступали представители киевской власти или спикеры АТО. В 2014 г. в новостном дискурсе ТК «Донбасс» впервые появились полностью ложные сообщения («фейкньюс») и постановочное видео, активно использовалась тактика угроз с целью не допустить проведения референдумов о независимости ЛДНР и сорвать запись добровольцев в ополчение. Поскольку данные цели не были достигнуты, можно сделать вывод об ограниченности возможностей манипулятивного воздействия на сознание адресата, а также о значительном влиянии внешних факторов (этнической принадлежности, особенностей мировоззрения большей части аудитории) на восприятие вносимых идеологем.

После начала СВО произошла резкая интенсификация использования приемов речевого воздействия. Исследования выявили значительное увеличение применения адъективной лексики, оценочных метафор, экспрессивных этнонимов и фейковых материалов. В работе украинских журналистов четко обозначился отход не только от норм современной журналистики, но и от общепринятых стандартов нравственности и этики.

Все выявленные приемы манипулятивного воздействия использовались для формирования оппозиции «СВОИ — ЧУЖИЕ». Конечным итогом работы украинских журналистов должно было стать расчеловечивание и дегуманизация россиян и российских военных, а также формирование положительного имиджа Вооруженных сил Украины.

ГЛАВА 4. СПЕЦИФИКА МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕЛЕКАНАЛОВ

4.1 Особенности манипулятивных приемов новостного дискурса телеканалов Би-би-си (Великобритания) и Эй-би-си (США) в период 2012–2022 гг.

Для анализа телевизионного новостного дискурса англоязычных СМИ были выбраны телеканалы Би-би-си (Великобритания) и Эй-би-си (США). Оба телеканала являются ведущими в сфере новостного вещания своих стран и принимали активное участие в освещении событий на Украине и в России в исследуемый период.

Телеканал Би-би-си (BBC) начал регулярное вещание в Великобритании в 1936 г. До 1955 г. являлся единственным телеканалом в Англии. В настоящее время внутри страны компания имеет более 20 телеканалов, в число которых входит круглосуточный канал новостей BBC News. Помимо этого, в состав медиакорпорации входят 14 национальных цифровых радиостанций, два интернет-сайта и 40 журналов. Следует отметить, что сайт bbc.com заблокирован на территории России с 04.03.2022 г. по решению Роскомнадзора за целенаправленное размещение на систематической основе информационных материалов, содержащих лживую информацию относительно сущности специальной военной операции на территории Украины.

Эй-би-си (American Broadcasting Company, ABC) — американская коммерческая телесеть, была основана в 1943 г. Телевизионное вещание было начато в 1948 г. До начала 70-х годов новостные программы Эй-би-си стабильно занимали третье место по охвату зрительской аудитории после новостных программ Си-би-эс (CBS) и Эн-би-си (NBC). В настоящее время Эй-би-си входит в тройку ведущих телеканалов США. В телекомпании работает отдельное специализированное подразделение ABC News, которое занимается выпуском

новостных программ. Главной телепередачей подразделения является вечерняя программа «Мировые новости». Согласно данным соцопроса, который проводился в США в 2018 году, ABC News заняла второе место среди новостных организаций, которым американцы доверяют.

Следует отметить различные источники и схемы финансирования британского и американского телеканалов. Так, основная часть финансирования Би-би-си (более 70%) приходится на лицензионный сбор («налог на телевизор»), который платят все домохозяйства страны, пользующиеся телевидением (налог был введен 01.06.1946 г.). По данным опубликованной финансовой отчетности доходы телеканала от лицензионного сбора в 2023 г. составили порядка 3,74 млрд. фунтов стерлингов. Помимо этого, Би-би-си получает доходы от коммерческой деятельности (производство и продажа контента) и непосредственно из бюджета Великобритании (только подразделения, ведущие вещание на иностранных языках и за пределами страны). По данным из открытых источников, Би-би-си является общественной организацией, которая управляется советом из 12 попечителей, назначаемых королем.

В отличие от британской медиакорпорации американская телесеть Эй-би-си является частной коммерческой организацией, которой владеет всемирно известная компания Уолта Диснея (The Walt Disney Company). Основным источником доходов телекомпании является реклама. В сентябре 2023 г. в американской прессе появилась информация о том, что руководство Уолт Дисней ведет переговоры о продаже телесети Эй-би-си из-за потрясений на рынке телерекламы, возникших во время пандемии коронавируса в США. Сумма сделки могла составить более 4 млрд. долларов.

Для дальнейших исследований телевизионного новостного дискурса телеканалов Би-би-си и Эй-би-си использовались видеоматериалы их новостных подразделений (BBC News, ABC News), находящиеся в открытом доступе на платформе YouTube [196; 197]. Для анализа были отобраны сюжеты, касающиеся гражданского и военного противостояния на Украине в 2013–2022 гг., проведения

Специальной военной операции в 2022 г. и взаимоотношений РФ и коллективного Запада в 2012–2022 гг.

Анализ новостного дискурса телеканала Би-би-си (Великобритания)

Анализ активности в освещении событий на Украине и в России (количества информационных материалов, вышедших за месяц/неделю/день) на телеканале Би-би-си в течение изучаемого периода позволил выявить ряд закономерностей. В частности, до начала гражданского противостояния на Украине (ноябрь 2013 г.) эта страна практически не фигурировала в новостном дискурсе британского телеканала. Активизация противостояния в Киеве привела к резкому увеличению количества упоминаний украинских событий в новостях Би-би-си. При этом следует отметить, что определенные «всплески» активности в освещении событий на Майдане наблюдались только во время резкого обострения противостояния. В такие моменты сюжеты из Киева выходили на телеканале каждый день, а иногда и несколько раз за день. На Рисунке 4.1 отмечена частота выхода новостных материалов, связанных с украинскими событиями.

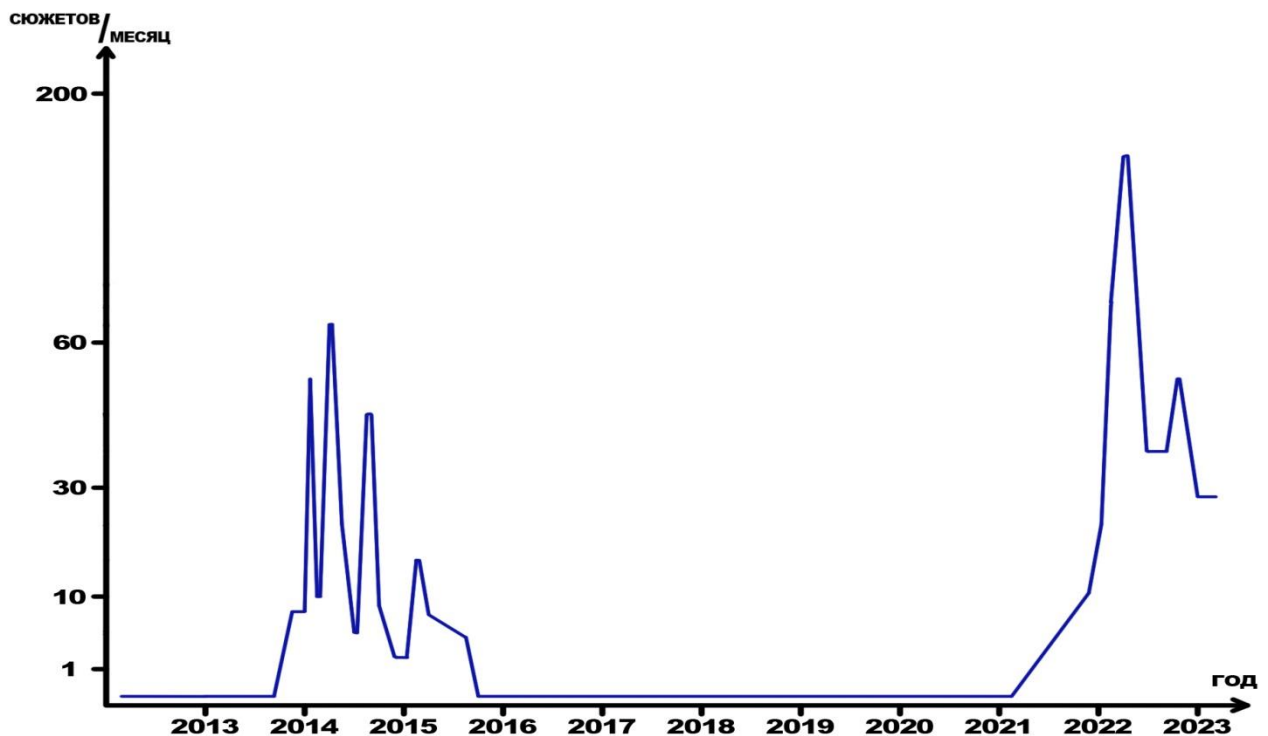

Рисунок 4.1 – Интенсивность освещения событий на Украине на телеканале Би-би-си

Как видно из графика, «пиковые» значения приходятся на периоды с 27.01.2014 г. по 30.01.2014 г. (принятие непопулярных законов, обострение ситуации на Майдане), с 18.02.2014 г. по 23.02.2014 г. (обострение противостояния, «небесная сотня», победа Майдана), июль 2014 г. (падение малазийского «Боинга») и март 2022 г. (начало СВО). В эти периоды на Би-би-си за сутки выходило несколько материалов о событиях на Украине. Повышенное количество новостных материалов заявленной тематики вышло в эфир в марте 2014 г. в связи с воссоединением Крыма с Россией. Также значительный интерес у журналистов телеканала вызвали события на востоке Украины в апреле–мае 2014 г. (начало и активизация вооруженного противостояния ополчения ЛДНР и украинской армии). После этого отмечается серьезный спад интереса к событиям на Украине, который прерывается только в середине июля. Новый «пик» интереса связан с падением малазийского «Боинга» и гибелью пассажиров в зоне боевых действий. После этого было зафиксировано резкое снижение количества новостных материалов по украинской тематике. В конце 2014 г. на Би-би-си выходило от одного до трех сюжетов о событиях на Украине в месяц. Еще один всплеск активности был отмечен в середине февраля 2015 г. (во время подписания Минских соглашений), после чего вплоть до начала СВО частота выхода материалов на украинскую тематику только падала. При этом в 2015–2022 гг. резко выросло количество сюжетов, касающихся положения дел внутри России, а также взаимоотношений коллективного Запада и РФ. В рамках данного исследования подобные материалы будут рассматриваться как часть информационной войны Запада против России, связанная с процессами воссоединения с РФ различных бывших регионов Украины.

Значительное увеличение количества материалов о военном конфликте отмечается после начала Специальной военной операции на Украине. Так, в марте 2022 г. на Би-би-си вышло 167 сюжетов, касающихся проведения операции. Фактически, более 90% эфирного времени новостных программ журналисты Би-би-си посвящали событиям на Украине. Однако уже к концу 2022 г. на телеканале

резко снизился интерес к украинским событиям, в этот период выходило в среднем около 30 сюжетов в месяц.

Изучение телевизионного новостного дискурса телеканала Би-би-си в 2013 г. позволило определить, что сюжеты, связанные с событиями в России, отличались нейтральным тоном подачи информации и отсутствием манипуляций. Так, в октябре и ноябре на Би-би-си вышел цикл сюжетов об Эдварде Сноудене (Edward Snowden), сотруднике американских спецслужб, получившем убежище в РФ. Практически в каждом материале озвучивалась позиция Сноудена, освещались причины его побега из США. При этом освещалась и позиция американского правительства, которое обвиняло Сноудена в шпионаже. Таким образом, можно говорить об объективной подаче информации и представлении различных точек зрения в данных сюжетах. Еще один характерный пример нейтральной подачи материала — сюжет от 08.11.2013 г. под названием *«How to get a free ride on the Moscow metro? Do some squats / Как бесплатно проехать в московском метро? Сделайте несколько приседаний»*. В репортаже использован журналистский прием «стендап с погружением». Британский журналист, российский редактор телеканала Би-би-си Стивен Розенберг (Steven Rosenberg) на собственном примере показывает, как с помощью приседаний перед специальным аппаратом получить билет для проезда в метро. Аппарат был установлен в московском метро в преддверии Олимпиады в Сочи. В сюжете высоко оцениваются усилия Олимпийского комитета России по *«encourage of the sports lifestyle of Russians / поощрению спортивного образа жизни россиян»*. В целом, материал позитивно представляет Россию, россиян и государственные органы власти страны.

После начала гражданского противостояния в Киеве на Би-би-си выходит сюжет, показывающий разницу во взглядах на западе и востоке Украины. Журналист телеканала побывал во Львове и Донецке и выяснил отношение населения к возможной интеграции с ЕС в регионах Украины. В материале от 27.11.2013 г. корреспондент утверждает, что взгляды на этот процесс диаметрально противоположны. Так, по его словам, во Львове *«they look towards*

*Europe they feel European and they **want closer integration** with the European Union / они смотрят в сторону Европы, они чувствуют себя европейцами и **хотят более тесной интеграции** с Европейским союзом». При этом в Донецке «people speak Russian here and a lot of the factories and enterprises are heavily reliant on the Russian market so the one thing people **don't want** to happen here is for integration with Europe / люди здесь говорят по-русски и многие фабрики и предприятия сильно зависят от российского рынка, поэтому единственное, чего люди здесь **не хотят** — это интеграции с Европой». В сюжете в равной степени представлены противоположные точки зрения, четко объясняются причины конфликта и отсутствуют попытки каким-то образом склонить симпатии аудитории на чью-либо сторону. Можно сделать вывод, что на начальном этапе гражданского противостояния в Украине журналисты Би-би-си придерживались принципов объективной подачи материала и избегали применения манипулятивных технологий.*

Активизация противоборства на Майдане привела к увеличению количества новостных материалов с Украины в эфире Би-би-си. Анализ позволил выявить наиболее часто применяемый манипулятивный прием этого периода: разницу в объеме представления различных точек зрения. Результаты исследования представлены в Таблице 4.1.

Таблица 4.1. Представление различных точек зрения (сторонников и противников Майдана) во время гражданского противостояния на Украине в 2013–2014 гг.

Дата	Название новостного материала	Представление различных точек зрения (%)	
		Сторонники Майдана	Противники Майдана
02.12.13	UKRAINE PROTESTS: UP CLOSE & PERSONAL / Протесты на Украине: крупным планом и детально	100	0
03.12.13	UKRAINE RIOT POLICE SURROUND PARLIAMENT / Украинский спецназ окружил парламент	70	30
09.12.13	UKRAINE: WHY WAS LENIN'S STATUE PULLED DOWN? / Украина: почему снесли статую Ленина?	95	5
11.12.13	UKRAINE POLICE CLASH WITH PROTESTERS AFTER TRYING TO CLEAR THE SQUARE / Украинская полиция столкнулась с протестующими после попытки очистить площадь	100	0

12.12.13	MAIDAN: ON THE FRONTLINE OF UKRAINE'S PROTESTS / Майдан: на переднем крае украинских протестов	100	0
16.12.13	LUGANSK — MEET THE ANTI EU UKRAINIANS /Луганск — встреча с украинцами, настроенными против ЕС	0	100
30.12.13	THOUSANDS OF UKRAINIANS PROTEST ON KIEV STREETS / Тысячи украинцев протестуют на улицах Киева	100	0
21.01.14	UKRAINE CLASHES: AFTERMATH FROM KIEV /Столкновения на Украине: последствия из Киева	30	70
22.01.14	BBC JOURNALIST WITNESSES UKRAINE POLICE 'DRAGGING LIFELESS BODY' / Журналист Би-би-си стал свидетелем того, как украинская полиция тащила «безжизненное тело»	100	0
23.01.14	PM MYKOLA AZAROV 'PROVOCATEURS RESPONSIBLE NOT POLICE' FOR 2 DEATHS IN KIEV CLASHES / Премьер-министр Николай Азаров: «провокаторы, а не полиция» ответственны за гибель двух человек в столкновениях в Киеве	0	100
27.01.14	AN UNEASY TRUCE IN KIEV AS PROTESTS SPREAD EAST IN UKRAINE / Непростое перемирие в Киеве на фоне распространения протестов на восток Украины	50	50
28.01.14	THE FIGHT GOES ON' SAYS EUGENIA TYMOSHENKO / «Борьба продолжается» — говорит Евгения Тимошенко	100	0
29.01.14	HOW RATTLED IS THE UKRAINIAN GOVERNMENT? / Насколько встревожено украинское правительство	100	0
29.01.14	Inside Ukraine's 'Protest Town' / Внутри украинского «протестного городка»	100	0
30.01.14	Giant catapult on the front line of protests Kiev / Гигантская катапульта на передовой протестов в Киеве	100	0
18.02.14	Kiev demonstrators face "a wall of riot police" in Ukraine protests / Киевские демонстранты столкнулись со «стеной спецназа» на протестах в Украине	100	0
18.02.14	Ukraine crisis: "Apocalyptic" night-time clashes in Kiev / Украинский кризис: "апокалиптические" ночные столкновения в Киеве	100	0
18.02.14	Ukraine crisis: "The deadly situation continues" / Украинский кризис: "Смертельная ситуация продолжается"	100	0
19.02.14	Ukraine Clashes: Morning after the night before / Столкновения на Украине: утро после предыдущей ночи	50	50
19.02.14	'It's war between Ukrainian people & Yanukovich regime' says protest leader / "Это война между украинским народом и режимом Януковича", — говорит лидер протеста	100	0
19.02.14	President Yanukovich blames 'radical elements for	0	100

	Ukraine clashes / Президент Янукович обвиняет радикальные элементы в столкновениях на Украине		
19.02.14	Ukraine Protests: Footage shows soldiers 'surrender' / Протесты на Украине: на кадрах видно, как солдаты "сдаются"	100	0
20.02.14	Ukraine protets: Kiev lobby used as makeshift clinic / Протесты на Украине: киевские вестибюли используются как походные госпитали	100	0
20.02.14	Ukraine Protest: Kiev 'once again a battle-zone' / Протест на Украине: Киев "снова стал зоной боевых действий"	100	0
21.02.14	Ukraine Protests: 'Sniper' fires from Ukraine media hotel / Протесты на Украине: "снайпер" стреляет из отеля Украина	100	0
21.02.14	Ukraine protest: How long will the truce last? / Протесты на Украине: как долго продлится перемирие?	100	0
23.02.14	Ukraine Crisis: Klitschko 'President Yanukovich has disappeared' / Украинский кризис: Кличко: "Президент Янукович исчез"	100	0
23.02.14	Revealed: Yanukovich's luxurious country estate - Ukraine Crisis / Раскрыто: роскошное загородное поместье Януковича - кризис в Украине	100	0
26.02.14	Ytimoshenko "backed by Ukrainians" / Тимошенко "поддерживают украинцы"	100	0
28.02.14	Under sniper fire in Ukraine uprising / Восстание на Украине под снайперским огнем	100	0

Опираясь на результаты исследования, можно сделать вывод: в начальной фазе гражданского противостояния (декабрь 2013 г., январь 2014 г.) в новостных материалах Би-би-си была представлена не только точка зрения активистов Майдана, но и их противников. Ярким примером может служить материал из Луганска от 16.12.2013 г. В данном репортаже в полном объеме представлено негативное отношение жителей востока Украины к ассоциации с ЕС и их опасения по поводу возможного разрыва экономических связей с Россией. В объемном материале от 23.01.2014 г. Николай Азаров (на тот момент премьер-министр Украины) представляет позицию правительства по отношению к «мирным» протестам в Киеве. В материале от 27.01.2014 г. журналист дает небольшой синхрон представителя киевского Антимайдана. Однако следует отметить, что это единственное и крайне незначительное упоминание сил, противостоящих Майдану на Украине. В январе–феврале 2014 г. на юго-востоке Украины постоянно проводились многотысячные митинги и демонстрации

противников Майдана. Ни в одном из новостных материалов Би-би-си нет упоминания данных событий, что позволяет говорить о постоянном применении манипулятивного приема «умолчание», или «сокрытие существенной информации».

Еще один прием имплицитного воздействия, применяемый в этот период — «апелляция к авторитетам при подаче ложного или сомнительного тезиса как доказанного». Так, в материале от 11.12.2013 г. журналист рассказывает о посещении Майдана верховным представителем ЕС по вопросам внешней политики и безопасности Кэтрин Эштон (Catherine Ashton) и вставляет в сюжет фрагмент интервью с нею. В ходе беседы, как отмечает корреспондент, представитель Евросоюза «*condemned the crackdown / осудила репрессии*» по отношению к протестующим, то есть явно выступила на стороне активистов Майдана. В материале от 12.12.2013 г. журналист приводит цитату из обращения министра обороны США Чака Хейгела (Charles Hagel) к своему украинскому коллеге, в котором американский чиновник «*implored him not to use Ministry of Defense troops against the protesters / умолял его не использовать войска Министерства обороны против протестующих*». Использование подобных цитат должно было создать у западного зрителя впечатление, что против майдановцев используются войска и проводятся репрессии. Оба тезиса были ложными. Обращает на себя внимание тот факт, что изначальными «авторами» манипулятивного воздействия в данном случае выступали не журналисты, а чиновники ЕС и США. В правовом обществе подобное участие в противозаконных мероприятиях, направленных на свержение законно избранной власти в другой стране, должно было быть расценено как вмешательство во внутренние дела независимого государства. Однако подобная правовая оценка не была дана этим фактам ни в одном из государств так называемого «коллективного Запада».

Начиная с 28.01.2014 г. журналисты британского телеканала полностью отказались от представления в своих репортажах точки зрения противников киевского Майдана. Исключением является материал от 19.02.2014 г., в котором

была частично представлена позиция Виктора Януковича (на тот момент президента Украины). Во всех остальных сюжетах до аудитории доносились аргументы активистов протестного движения. На основании изучения всего корпуса новостных материалов, вышедших в эфир на телеканале в период гражданского противостояния на Украине, можно сделать вывод о подавляющем преобладании количества сюжетов, в которых была представлена только одна точка зрения — сторонников Евромайдана. Результаты приведены в Таблице 4.2.

Таблица 4.2. Процентное соотношение количества сюжетов Би-би-си, в которых представлены различные точки зрения на события в период гражданского противостояния на Украине

Преобладающая точка зрения в новостном материале	Процентное соотношение
Материалы, в которых представлена точка зрения сторонников Майдана	80%
Материалы, в которых представлена точка зрения противников Майдана	13%
Материалы, в которых в равной степени представлены аргументы сторонников и противников Майдана	7%

Следует отметить, что освещение некоторых событий на киевском Майдане отличалось определенной объективностью и непредвзятостью. Так, в материале от 21.01.2014 г. протесты оцениваются журналистом как *«it's now an **anarchic mess** with no obvious solution / теперь это **анархический беспорядок** без очевидного решения»*. В материале от 20.02.2014 г. британские журналисты показали, как один из активистов Майдана применяет огнестрельное оружие (винтовку) против правоохранителей. Однако благодаря подавляющему преобладанию материалов с односторонним и положительным оцениванием позиции сторонников Евромайдана, а также применению манипулятивного приема «умолчание», телеканалу Би-би-си удалось сформировать для западной аудитории идеологему, в рамках которой у киевского Майдана была всенародная поддержка населения Украины. Более того — активисты протестного движения были представлены как борцы за свободу и демократию, что вызывало положительный отклик у западного зрителя. В итоге, использование всех

вышеперечисленных приемов позволило британским журналистам реализовать манипулятивную стратегию «представление частного как общего» и выдать государственный переворот, в котором непосредственно участвовала лишь небольшая часть украинцев, за всенародно поддерживаемую «Революцию Достоинства».

После победы националистических сил в Киеве фокус внимания британских журналистов переместился на события в Крыму. Последний материал из украинской столицы вышел 28.02.2014 г. После этого на протяжении месяца на Би-би-си выходили сюжеты, связанные с воссоединением Крыма с Россией. В начале марта в новостных материалах телеканала представлялась только одна точка зрения — украинских военных, блокированных на их базах в Крыму, а также поддерживающих их западных политиков. Названия сюжетов отражают содержание основных идеологем, которые пытались сформировать в тот момент британские журналисты: «*Crimea Crisis: 'Putin is overreaching'* / Крымский кризис: *"Путин перегибает палку"*», «*BBC visits 'besieged' naval base* / Би-би-си посетила *"осажденную"* военно-морскую базу», «*Russian troops quit Crimea base* / *Российские войска покинули базу в Крыму*». При этом ни в одном из материалов не назывались истинные причины событий в Крыму. Ситуация несколько изменилась в середине марта 2014 г. В материалах Би-би-си появляется альтернативная точка зрения. Так, в сюжете от 07.03.2014 г. дается синхрон севастопольца, выступающего за воссоединение Крыма с Россией: «*this is a legal referendum we've been waiting for it for a long time nobody ever gave Crimea away it was stolen* / *это законный референдум, мы его долго ждали, Крым никто никогда не отдавал, он был украден*». Также на Би-би-си выходят объемные интервью актрисы Евгении Гусевой и пресс-секретаря президента РФ Дмитрия Пескова, в которых они доносят до аудитории аргументы российской стороны. В новостных материалах телеканала вновь представлены различные точки зрения, однако параллельно с этим журналисты начали использовать другие манипулятивные приемы. Так, в материалах от 07.03.2014 г. и 10.03.2014 г. значимую часть сюжета занимают интервью с семьями крымчан, которые выступали против

воссоединения с РФ и планировали переезд в Киев. Таким образом, вновь используется манипулятивная стратегия «представление частного как общего». Мнение двух семей подается как общее настроение жителей Крымского полуострова.

В этот период часто используются манипулятивные приемы: «поиск поводов к драматизации, обострению ситуации» и «использование бездоказательных утверждений». Так, в материале от 10.03.2014 г. в закадровом тексте журналиста звучат фразы: «*law and order **has broken** / закон и порядок разрушены*», «*a patch of Europe in the hands of militias / часть Европы в руках ополченцев*», «*many others say there are **serious security threat** and need to be reined / многие говорят, что существует **серьезная угроза безопасности** и ее необходимо обуздать*», «*this is a family that feels forced to escape Crimea's descent into **chaos** / это семья, которая чувствует себя вынужденной спастись от погружения Крыма в хаос*». Вставляя в свой текст фразу «*many others say / многие говорят*» журналист также использует манипулятивный прием «ссылка на размытый источник», поскольку кто эти люди и насколько их много — неизвестно.

В материале от 07.03.2014 г. используется явная провокация — к митингующим сторонникам воссоединения Крыма с Россией подходит молодая женщина с грудным ребенком на руках и пытается их переубедить. По кадрам сюжета видно, что женщина прибыла на митинг вместе со съемочной группой Би-би-си (оператор все время находится рядом с ней). Можно сделать вывод, что данная сцена была подготовлена представителями телеканала, чтобы вызвать ответную негативную реакцию митингующих и снять ее, показав аудитории «кроважность» пророссийски ориентированных крымчан.

Таким образом можно сделать вывод, что при освещении событий на Крымском полуострове весной 2014 г. журналистами Би-би-си применялся комплекс манипулятивных технологий, который должен был сформировать у западного зрителя впечатление о незаконности референдума, а также отсутствия должной поддержки действий России со стороны местных жителей. При этом

нужно отметить, что в новостных материалах телеканала все же была представлена альтернативная западной точка зрения (крымчан, россиян, представителей госорганов власти РФ), что позволяет говорить об определенной (но не стопроцентной) объективности британских журналистов. Также следует отметить, что после проведения референдума в Крыму (16.03.2014 г.) «накал» манипулятивного воздействия в репортажах Би-би-си резко снижается, появляются условно нейтральные сюжеты. После 03.04.2014 г. тема Крыма полностью уходит из новостной повестки телеканала.

В период с апреля 2014 г. по июль 2015 г. превалирующей темой сообщений по «украинской» тематике становится конфликт на востоке страны. Из 78 информационных сообщений, вышедших за этот период и касающихся событий на Украине и в России, 75 сюжетов (96%) освещали проблемы вооруженного противоборства в Донбассе. Исследования позволили определить, что на протяжении всего этого периода у журналистов Би-би-си не наблюдалось единого идеологического подхода к освещению ситуации. Анализ представления различных точек зрения в информационных материалах телеканала показал, что в большей части сюжетов были представлены мнения и аргументы представителей различных сторон конфликта. При этом встречались и материалы, где была представлена только одна точка зрения. Результаты исследования приведены в таблице 4.3.

Таблица 4.3 Процентное соотношение количества сюжетов Би-би-си, в которых представлены различные точки зрения на события в начальный период вооруженного противостояния на востоке Украины (2014–2015 гг.)

Преобладающая точка зрения в новостном материале	Процентное соотношение
Материалы, в которых представлены аргументы представителей Украины (западных стран) и ЛДНР (России)	54%
Материалы, в которых представлена точка зрения представителей Украины (западных стран)	32%
Материалы, в которых представлена точка зрения представителей ЛДНР (России)	14%

В начальной стадии конфликта (апрель 2014 г.) в репортажах Би-би-си превалировал нейтральный стиль подачи информации. Показательным может служить материал от 15.04.2014 г. о событиях в Славянске. Несмотря на явно провокационное название «*Pro-Russian mob targets journalists in Ukraine / Пророссийская толпа нападает на журналистов в Украине*», в сюжете относительно объективно описываются события во время захвата милицейского участка в Славянске. В материале присутствует синхрон проукраинского активиста, который отмечает негативное отношение к нему жителей города. При этом герой сюжета — плотник из Славянска по имени Николай, который стал ополченцем. В сюжете есть и его синхрон, а также представлена позиция и аргументы жителей города, захвативших отделение. При этом журналист, побывав на месте событий, делает вывод, что участники штурма «*local guys wearing military fatigues / местные парни в военной форме*», хотя и не исключает присутствия неких «приезжих военных». На протяжении всего репортажа журналист называет участников событий «*pro-russian protesters / пророссийскими протестующими*». Интересен вывод, который делает автор материала в конце сюжета: «*If this place is stormed if these barricades are broken down and there are mass casualties then the ramifications of that will be **felt hard** and for a **long time** / Если это место будет взято штурмом, если эти баррикады будут разрушены и будут массовые жертвы, то последствия этого будут ощущаться **тяжело и надолго***». Поскольку дальнейшее развитие событий полностью подтвердило точку зрения автора сюжета, журналиста Би-би-си Габриэля Гейтхауза (Gabriel Gatehouse), можно сделать вывод, что корреспондент объективно осветил и оценил происходящее в своем репортаже, в основном избежав использования манипулятивных технологий.

По мере развития конфликта, в материалах журналистов Би-би-си начинает появляться все больше манипулятивных приемов. В первую очередь используются номинации (манипулятивный прием «навешивание ярлыков»). Так, в материале от 02.05.2014 г. «*Sloviansk **rebels** down army helicopters / Повстанцы Славянска сбили армейские вертолеты*» вместо «местных жителей» и

«протестующих» используются более жесткие формулировки: «*pro-russian separatists / пророссийские сепаратисты*» и «*heavily armed Russian backed militants / хорошо вооруженные боевики, поддерживаемые Россией*». В этом же материале в дискурсе британской телекомпании появляется определение «*rebels / повстанцы*», которое в дальнейшем станет доминирующим при представлении ополченцев ЛДНР. Следует отметить, что семантика данной лексики заметно отличается в английском и русском языках. Если в русском языке у слова «повстанцы» скорее положительная семантика, то в английском у слова «rebels» явно выраженная негативная коннотация. Соответственно, использование всех вышеперечисленных определений можно отнести к попытке манипулятивного воздействия на аудиторию путем создания отрицательного отношения как к ополченцам, так и ко всем жителям ЛДНР.

В мае 2014 г. в новостных материалах Би-би-си появляются и более «жесткие» методы манипулятивного воздействия. Обращает на себя внимание материал телекомпании от 02.05.2014 г. под названием «*Clashes break out in Odessa / В Одессе вспыхивают столкновения*». Уже в названии сюжета можно выделить применение описанного ранее манипулятивного приема «варьирование на синтаксическом уровне», а именно — использование пассивных конструкций. Впрочем, в самом сюжете автор уже четко называет виновников столкновений: «*Hundreds of **pro-russian militants** who swinging battens and wearing helmets have attacked a rally of 1500 people / Сотни **пророссийских боевиков**, размахивающих дубинками и одетых в каски, напали на митинг из 1500 человек*». По словам авторов сюжета, столкновения закончились тем, что «*at least one person has been killed and two people injured by gunfire **someone was burnt** / по меньшей мере один человек был убит и два человека получили ранения в результате перестрелки, кто-то получил ожоги*». Таким образом, были применены манипулятивные приемы «умолчание» и «преуменьшение с целью дезинформации», поскольку британские журналисты ничего не сообщили о трагедии в Доме Профсоюзов и о более чем 40 сожженных украинскими нацистами протестующих, политических противниках киевской власти. Именно активное применение приема «умолчание»

позволяло Би-би-си обходить различные «неудобные» темы и в дальнейшем. Наиболее ярким примером может служить полное отсутствие каких-либо упоминаний в дискурсе телеканала референдумов о независимости ДНР и ЛНР, которые прошли 11.05.2014 г. Игнорирование подобных значимых информационных поводов позволяет сделать вывод, что в профессиональной деятельности Би-би-си идеологическая функция начала преобладать над основной информационной.

При этом 13.05.2014 г. на телеканале Би-би-си вышел материал под названием «*'Russia is trying to build a new Berlin Wall' PM Yatsenyuk tells BBC News / "Россия пытается построить новую Берлинскую стену", — заявил премьер-министр Арсений Яценюк в интервью BBC News*». Сюжет представляет собой нарезку видеофрагментов интервью Арсения Яценюка (на тот момент премьер-министра Украины). В материале применяется комплекс манипулятивных технологий. В частности, постоянно используются приемы «установление желательных причинно-следственных связей» и «бездоказательные утверждения»: «*this is not only the threat for Ukraine this is the **threat for the entire Europe** / это угроза не только для Украины, это угроза для всей Европы*», «*Russia undermined the international law the security / Россия подорвала международное право, безопасность*», «*tries to build up a new **Berlin wall** / пытается построить новую Берлинскую стену*». Указанные приемы составляют основу для тактики обвинения. Помимо этого, в сюжете встречается и тактика угроз: «*it's high time to have a **tougher sanctions** on Russia / давно пора ввести более жесткие санкции в отношении России*».

Использование цитат и синхронов украинских и западных политиков, совместно продвигающих различные пропагандистские тезисы, прочно вошло в практику Би-би-си еще на этапе гражданского противостояния на Украине и усилилось, когда противоборство перешло в военную фазу. Так, в материале от 26.08.2014 г. приводится цитата из твита советника президента США по национальной безопасности Сьюзан Райс (Susan Rice): «*Repeated **Russian incursions** into Ukraine unacceptable dangerous and inflammatory they represent*

significant escalation / Повторяющиеся российские вторжения в Украину неприемлемо опасны и подстрекательны, они представляют собой значительную эскалацию». Наборы бездоказательных обвинений и угроз, высказанных в адрес России официальными представителями западных стран и Украины в 2014 г., все чаще встречались в дискурсе телеканала Би-би-си и могли рассматриваться как манипулятивные тактика обвинений и тактика угроз. Тезисы, которые высказывают политики, в дальнейшем становились базой для сообщений СМИ, поэтому можно говорить об использовании приема информационной войны «апелляция к авторитетам при подаче ложного или сомнительного тезиса как доказанного». Также можно констатировать, что в данных материалах уже реализуется стратегия речевого воздействия, которую О. Л. Михалева определяла как «стратегию на понижение».

Несмотря на обилие указанных выше манипулятивных приемов в новостном дискурсе Би-би-си, нельзя утверждать о подавляющем превосходстве идеологемы поддержки только одной стороны конфликта — Украины. В первые месяцы вооруженного противостояния на британском телеканале выходит ряд материалов противоположной идеологической направленности. Так, в сюжете от 16.04.2014 г. под названием *«Moment villagers took on Ukrainian army / Момент, когда сельские жители вступили в бой с украинской армией»* подробно показано, как жители Донбасса без оружия останавливали технику украинской армии, незаконно отправленную подавлять протесты в Донецкой и Луганской областях. Эта же информация, а также данные о переходе на сторону ополченцев некоторых частей ВСУ, сообщается в материале от 17.04.2014 г. Во многих материалах встречаются синхроны ополченцев. Примером может служить сюжет от 06.05.2014 г. под названием *«Ukraine Crisis: 'I know what I am fighting for' / Украинский кризис: "Я знаю, за что борюсь"»*, где слова представителя ополчения Донбасса вынесены в заголовок. В самом сюжете представлены различные точки зрения, однако вставлен только один синхрон — ополченца ЛДНР: *«Мы будем стоять до последнего. У меня двое детей, я знаю, за что борюсь»*.

Как отмечалось выше, в информационных материалах Би-би-си постоянно использовались цитаты и синхроны украинских и западных политиков и военных. Однако, помимо этого, в дискурсе британского канала в 2014 г. неоднократно встречаются интервью с представителями ЛДНР, что является редкостью для западных СМИ. В частности, в материале от 19.05.2014 г. под названием «*Secret training base for Ukraine's militias / Секретная тренировочная база украинских ополченцев*» дается несколько синхронизированных луганских ополченцев и их командира Алексея Мозгового. Можно отметить, что настроение, позиция и аргументы ополчения достаточно точно переданы западной аудитории с помощью синхронизированных: «*Украина уже находится в состоянии гражданской войны. Гражданская война началась с первых выстрелов в Славянске*», «*Они бандиты. Они называют нас сепаратистами и террористами, угрожают нам пожизненным заключением. Но это они военные преступники и им грозит смертный приговор*», «*Моя семья гордится мной, так как они знают — я здесь, чтобы защитить их*». Еще более жесткие формулировки встречаются в материале от 05.06.2014 г. под многоговорящим названием «*State of Ukraine doesn't exist anymore' / "Государства Украина больше не существует"*». Сюжет представляет собой нарезку видеофрагментов интервью Дениса Пушилина (на тот момент председателя Верховного Совета ДНР) журналисту Би-би-си Стивену Розенбергу. В интервью один из руководителей ДНР четко объясняет западному зрителю видение конфликта из Донецка. Таким образом, можно констатировать, что в первые месяцы противостояния на востоке Украины в новостном дискурсе Би-би-си была в значительных объемах представлена позиция руководства и ополчения ЛДНР.

После незначительного спада интереса к украинским событиям в начале лета 2014 г. интенсивность освещения данной темы на телеканале вновь резко выросла после падения малазийского «Боинга» на территории, где шли военные действия. Несмотря на общий нейтральный стиль новостных материалов Би-би-си при освещении поисково-спасательных работ, в некоторых из сюжетов было выявлено использование приемов информационной войны. В своих текстах

британские журналисты не давали оценок качеству работ, которые проводили ополченцы, а также воздерживались от предположений относительно виновников трагедии. Однако при этом в сюжеты вставлялись оценочные комментарии, в которых ситуация представлялась крайне однобоко. Так, 22.07.2014 г. вышел материал под названием «*MH17 plane debris 'may have been **changed**' / Обломки самолета MH17 "возможно, были **изменены**"*», в котором со ссылкой на представителей ОБСЕ утверждалось, что обломки лайнера перемещались: «*OSCE believes that parts of the wreckage has have been **changed** from when they first saw them / ОБСЕ считает, что части обломков были **изменены** с того момента, когда они впервые увидели их*». В материал от 21.07.2014 г. вставлен синхрон Арсения Яценюка (на тот момент премьер-министра Украины), в котором тот косвенно обвиняет Россию: «*with the entire international community we will bring to justice everyone responsible it including **the country which is behind this theme** / вместе со всем международным сообществом мы привлечем к ответственности всех, кто несет за это ответственность, включая **страну, которая стоит за этим***».

Помимо этого, в дискурсе используется комплекс манипулятивных приемов, который должен воздействовать на эмоции зрителя. В состав комплекса входят следующие приемы: «поиск поводов к драматизации, обострению ситуации», «апелляция к высшим ценностям», «апелляция к эмоциям». В частности, в материале от 18.07.2014 г. представлено мнение родственника одной из жертв. Помимо хороших слов о своем погибшем сыне, его отец (герой сюжета) высказывает несколько оценочных заключений, использование которых в репортаже может рассматриваться как применение манипулятивной тактики обвинения: «*I've watched the thing with Crimea and the **russians started to take a little bit more Ukraine and Donetsk** / Я наблюдал за ситуацией с Крымом и **русские начали захватывать** немного больше Украины и Донецка», «*i want to go and **kill somebody** / я хочу пойти и **убить** кого-нибудь*».*

При этом следует отметить, что указанное выше интервью бралось в Великобритании. Сюжеты журналистов, работающих на месте трагедии,

отличались большей объективностью, чем подготовленные лондонской редакцией. Однако ни в одном из материалов Би-би-си по поводу крушения малазийского самолета не задается вопрос, который «лежит на поверхности»: каким образом пассажирский самолет мог оказаться в зоне боевых действий, где уже на протяжении нескольких месяцев активно применялась авиация и работали системы ПВО? Упорный обход данной нежелательной темы говорит о применении манипулятивного приема, который Г. Вирен обозначал как «информационное табу». Несмотря на видимость объективной подачи информации, британские журналисты, прямо никого не обвиняя, с помощью методов имплицитного воздействия пытались внедрить в сознание зрителей идеологему виновности в трагедии ополченцев ЛДНР и военных РФ.

Тем не менее, на протяжении 2014–2015 гг. в новостных материалах Би-би-си сохранялось представление точек зрения представителей различных сторон конфликта. Показательным может служить сюжет Стивена Розенберга от 24.10.2014 г. Объемный материал (более 16 мин.) снят в нескольких локациях: Луганске, Донецке, Славянске, Запорожье, Киеве. В репортаже представлены аргументы руководства и жителей ЛНР и ДНР, а также альтернативные мнения жителей Украины и руководителей националистическими батальонами. Представление позиций неравномерно: на рассказ о событиях в Луганске и Донецке выделено менее 5 мин. (1/3), для украинской стороны выделено более 11 мин. (2/3). Журналист использует эмоциональные оценочные синхроны украинцев, которые обвиняют во всем Россию и ЛДНР, что должно создать у западного зрителя определенное впечатление. Однако при этом в эфире британского канала показывается символика украинских нацбатов и акцентируется внимание на ее схожести с нацистской символикой Германии времен ВОВ. Также Стивен Розенберг обращает внимание на жестикуляцию украинских националистов — они явно «зигуют» в кадре, потом оправдываясь и называя этот жест *«від серця до сонця / от сердца к солнцу»*. Таким образом, в целом, данный материал можно считать условно нейтральным. Также следует отметить, что нескольким британским журналистам Би-би-си (в том числе

Стивену Розенбергу) в сентябре 2014 г. был запрещен въезд на территорию Украины из-за «угрозы национальным интересам» и способствованию «террористической деятельности». После бурной реакции мировой общественности запрет был снят.

Осенью 2014 г. и зимой 2015 г. на телеканале Би-би-си выходит ряд сюжетов об обстрелах украинской армией мирных городов ЛДНР. Данная тема поднимается в материалах от 05.09.2014 г., 02.12.2014 г., 04.02.2015 г., 12.02.2015 г. Во всех сюжетах показаны жители Донецка, Ясиноватой и других городов, которым приходится не просто прятаться, а жить в подземных убежищах. При этом в большинстве подобных материалов виновник обстрелов — украинская армия — никак не обозначается. В материале от 04.02.2015 г. журналист, показывая разрушенные дома в Донецке, говорит о том, что *«both sides accuse each other of indiscriminate shelling of residential areas / обе стороны обвиняют друг друга в неизбирательных обстрелах жилых районов»*, применяя манипулятивный прием «переворачивание». Только в одном из сюжетов, а именно в материале от 12.02.2015 г. под названием *«Living in fear in eastern Ukraine / Живущие в страхе на востоке Украины»* журналист называет вещи своими именами. В начале сюжета он отмечает, что *«Ukraine's at war with itself / Украина воюет сама с собой»*, а затем рассказывает о жизни донецких пенсионеров в бомбоубежище: *«the government shelled their homes and cut off their pensions they're trying to recreate a little bit of Life above ground / правительство обстреливает их дома и лишает пенсий, они пытаются воссоздать подобие нормальной жизни»*. Несмотря на ограниченное применение манипулятивных приемов, следует отметить, что основу подобных материалов составляла правдивая информация о военных преступлениях украинской армии в 2014–2015 гг., которая редко появлялась в новостях западных телеканалов. Хотя и в ограниченном объеме, но телеканал Би-би-си все же доносил эту информацию до своей аудитории.

Практика представления различных точек зрения сохранилась на телеканале Би-би-си на протяжении всего 2015 г. Так, в материале от 09.02.2015 г.

британский журналист присутствует при освобождении ополченцами города Углегорска от украинской армии. В сюжете есть синхроны представителей ЛДНР, озвучиваются их аргументы. В материале от 10.03.2015 г. журналист показывает позиции обеих сторон конфликта, вставляет в сюжет синхроны представителей украинской армии и ополчения Донбасса. В синхроне командира отряда ополчения Людмилы звучит следующее: *«Я сражаюсь за свои убеждения, за мой город, чтобы люди не приходили сюда и не рассказывали нам, как нам жить, на каком языке говорить, как воспитывать наших детей»*. Таким образом, позиция ополчения была представлена в материалах Би-би-си, но в этот же период (23.05.2015 г.) на телеканале выходит материал с объемным интервью Петра Порошенко (на тот момент президента Украины). В этом материале уже используются различные манипулятивные приемы: «навешивание ярлыков», «поиск поводов к драматизации, обострению ситуации», «апелляция к высшим ценностям». Отвечая на провокационные вопросы британского журналиста, Порошенко говорит о *«terrorist troops / террористических войсках»*, *«protection of freedom, democracy and European values / защите свободы, демократии и европейских ценностей»*. Процентное соотношение представления различных точек зрения, определенное в Таблице 4.3 сохранялось на протяжении почти всего 2015 г. — в новостном дискурсе телеканала Би-би-си встречались как нейтральные материалы, так и сюжеты с ярко выраженной позицией одной из сторон конфликта.

В конце 2015 г. фокус внимания британских журналистов смещается на события в Сирии. Из эфира полностью пропали материалы, посвященные конфликту на Украине. В последующие годы сюжеты о противостоянии на востоке Украины появлялись на телеканале лишь эпизодически: от одного до трех в 2016–2018 гг., ни одного в 2019–2020 гг. Тема конфликта на Украине вновь возвратилась в новостную повестку Би-би-си в 2021 г. перед началом СВО.

При этом в период 2016–2021 гг. на телеканале постоянно выходили сюжеты, связанные с внешней и внутренней политикой России. После снижения интереса к украинской тематике журналисты Би-би-си активно освещали боевые

действия российской армии в Сирии, причем вначале исключительно в позитивном ключе, объективно представляя действия сирийцев и россиян как борьбу с терроризмом. Ситуация резко меняется в конце 2015 г., когда на телеканале выходит материал под названием «*Syria conflict: Russia air strikes 'killed 200 civilians' / Конфликт в Сирии: авиаудары России "унесли жизни 200 мирных жителей"*». В данном материале британские журналисты обвиняют российских военных в гибели гражданского населения: «*six attacks in Syria with dozens of civilian casualties, in each case there was no obvious military target nearby / шесть нападений в Сирии с десятками жертв среди гражданского населения, в каждом случае поблизости не было очевидной военной цели*». В сюжете приводятся аргументы представителей Министерства обороны РФ об использовании только высокоточного оружия в Сирии, однако они тут же опровергаются: «*latest investigation which includes analysis of video material from strike sites also highlights the **unlawful use** of unguided bombs and cluster munitions in built-up areas / последнее расследование, включающее анализ видеоматериалов с мест нанесения ударов, также указывает на **незаконное применение** неуправляемых бомб и кассетных боеприпасов в населенных пунктах*». Следует обратить внимание, что представителей ИГИЛ (запрещенной в РФ террористической организации) в сюжете называют «*so-called Islamic state militants / так называемые боевики "Исламского государства"*». При этом никаких доказательств, подтверждающих предъявленные обвинения, в сюжете не приводится. Все данные даются со ссылкой на одну из западных правозащитных организаций. Можно констатировать, что в материале применяются манипулятивные приемы «ссылка на несуществующие основания и ложная увязка» и «поиск поводов к драматизации, обострению ситуации», которые являются основой тактики обвинений. Следует отметить, что в дальнейшем именно эта тактика использовалась британскими журналистами постоянно, во всех сюжетах о России, Украине и ЛДНР.

В 2016 г. из новостных материалов Би-би-си, связанных с конфликтом на востоке Украины, полностью исчезает представление точки зрения ополчения

ЛДНР. Все материалы подаются крайне однобоко, во всех синхронах звучат обвинения в адрес ополчения ЛДНР и руководства России. Используется комплекс манипулятивных приемов, описанных выше, однако без представления альтернативной точки зрения. Аналогичная ситуация наблюдалась и в любых других новостных материалах, освещающих внутреннюю и внешнюю политику РФ.

Приемы информационной войны, которые должны были сформировать у адресата идеологему негативного отношения к России, постоянно использовались британскими журналистами в период 2016–2022 гг., причем вне зависимости от тематики информационных материалов. На протяжении этого периода были выявлены лишь два временных отрезка, в течение которых отношение к России смягчалось. В конце 2017 г. Министерство обороны РФ провело пресс-тур в Сирии, в ходе которого журналисты из разных стран были ознакомлены с различными аспектами военной и миротворческой деятельности российских военных. В этот период на Би-би-си выходит ряд объективных репортажей, в которых Россия и ее вооруженные силы представлены в положительном свете. Такая же ситуация сложилась и во время проведения чемпионата по футболу в РФ в 2018 г. Перед началом чемпионата, во время его проведения и некоторое время после окончания на телеканале выходят либо нейтральные, либо положительные сюжеты о подготовке соревнований и о россиянах, принимавших гостей со всего мира. Однако в обоих случаях критическая повестка негативного отношения к РФ очень быстро возвращалась в новостной дискурс британского телеканала.

Анализ новостного дискурса телеканала Эй-би-си (США)

Анализ активности в освещении событий на Украине и в России (количества информационных материалов, вышедших за месяц/неделю/день) на телеканале Эй-би-си в течение изучаемого периода позволил определить ряд совпадений с аналогичными показателями активности на телеканале Би-би-си. В частности, основные пики активности совпадают с обострениями противостояния на Майдане в периоды 27–30 января 2014 г. и 18–23 февраля 2014 г. После этого

значительный интерес к событиям на Украине сохранялся в марте и апреле 2014 г. (воссоединение Крыма с РФ и начало вооруженного противостояния в Донбассе). После некоторого спада интереса в начале лета отмечен еще один резкий «всплеск» активности в освещении украинских событий в июле 2014 г., связанный с катастрофой малазийского «Боинга». После этого тема Украины практически полностью исчезает из новостного дискурса американского телеканала и возникает вновь только в 2021 г. перед началом СВО. Следует отметить, что начальная фаза проведения Специальной военной операции на Украине освещалась на телеканале Эй-би-си максимально активно. Так, в марте 2022 г. в различных информационных программах американского телеканала вышел 421 сюжет, касающийся конфликта. Для сравнения можно отметить, что уже в ноябре 2022 г. количество таких материалов снизилось до 24, то есть более чем в 17 раз. На Рисунке 4.2 отмечена частота выхода материалов, связанных с украинскими событиями, в различные периоды времени.

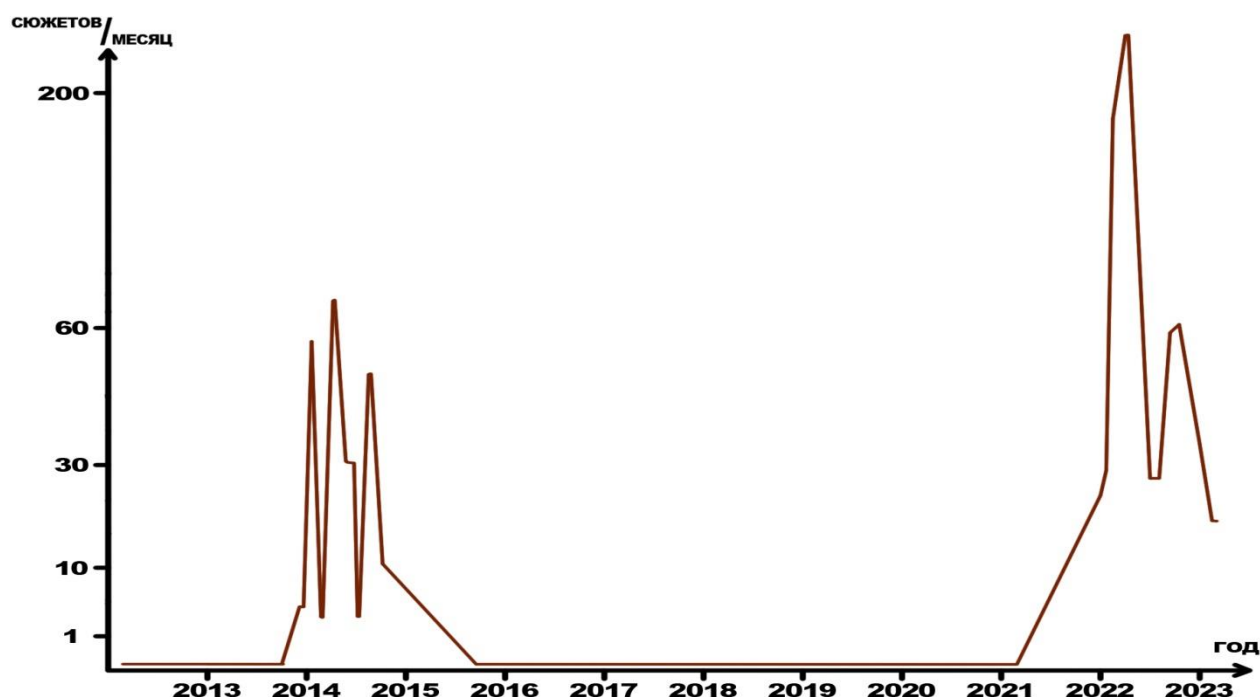

Рисунок 4.2 – Интенсивность освещения событий на Украине на телеканале Эй-би-си

Что касается освещения событий в России (или с участием России), то в этом вопросе журналисты Эй-би-си проявляли интерес ко всем инфоповодам, которые могли быть использованы в ходе информационной войны против РФ.

Анализ телевизионного новостного дискурса телеканала Эй-би-си в 2012–2013 гг. показал, что в этот период на канале практически не освещались события на Украине. При этом в новостной ленте периодически появлялись материалы о событиях в России. Все новостные материалы данной тематики содержали признаки использования манипулятивных технологий. В качестве яркого примера можно привести сюжет от 17.08.2012 г. под названием «*Punk Band Sentencing in Russia: Obama Weighs In / Вынесение приговора панк-группе в России: мнение Обамы*». Уже в подводке к сюжету можно определить использование целого спектра манипулятивных приемов информационной войны. Ведущая начинает с того, что заявляет: «*an international incident may be brewing / возможно, назревает международный инцидент*». Используется манипулятивный прием «поиск поводов к драматизации, обострению ситуации», поскольку приговор российским гражданам, вынесенный в российском суде, никакого отношения к международным делам иметь не может. Далее в подводке говорится о том, что «*Russian strongman Vladimir Putin finally go too far / российский авторитарный лидер Владимир Путин наконец зашел слишком далеко*» и «*Putin has long disregarded human rights / Путин долгое время игнорировал права человека*». В тексте используются приемы речевого воздействия «использование бездоказательных утверждений», «навешивание ярлыков», «апелляция к высшим ценностям», применяется тактика обвинения (приписывание конкретному лицу какой-либо вины). В сюжете также используется тактика оскорблений. Говоря о российском президенте журналист утверждает, что «*in Russia Putin rules not the people, his macho antics from bare-chested horseback riding to dives for ancient treasure to judo fighting all staged for the cameras / в России Путин не правит народом, его мачо-выходки — от верховой езды с обнаженной грудью до ныряний за древними сокровищами и боев по дзюдо — все это инсценировано перед камерами*». Еще один выявленный прием — «апелляция к эмоциям», поскольку в тексте ведущей говорится о том, что «*Russian judge sent three young women to prison / российский судья отправил в тюрьму трех молодых женщин*».

Следует отметить, что данный манипулятивный прием встречается практически во всех новостных сюжетах о событиях в России. Так, в материале от 27.12.2012 г. рассказывается о запрете для иностранцев усыновления российских детей. Весь сюжет построен на освещении эмоциональной реакции американской пары, которая планировала усыновить российского ребенка. В частности, в закадровом тексте журналиста говорится: «*with the love only a **mother** can feel she worries what will happen to **her daughter*** / с любовью, которую может чувствовать только **мать**, она переживает, что будет с **ее дочерью**». При этом речь в сюжете идет лишь о намерениях усыновить российского ребенка, однако в материале ситуация освещается под таким углом, что у зрителя должно сложиться ощущение, что у матери отбирают ее ребенка. Характерно и название материала: «***Putin** to End Russian Adoptions for American Families / **Путин** положит конец усыновлению российских детей для американских семей*». Авторы стараются максимально акцентировать внимание аудитории на том, кто (по их мнению) виноват в «страданиях» американской бездетной пары.

Таким образом, можно сделать вывод, что уже в 2012 г. в новостном дискурсе телеканала Эй-би-си применялся комплекс манипулятивных технологий, направленный на реализацию «стратегии на понижение». В материалах телеканала четко прослеживается использование основных тактик, направленных на реализацию данной стратегии: тактика анализ-«минус» (основанный на фактах разбор ситуаций, предполагающий имплицитное выражение отрицательного отношения к описываемому), тактика обвинения (приписывание конкретному лицу какой-либо вины) и тактика оскорбления. При этом акцент делался на действиях российского президента Владимира Путина. Журналисты Эй-би-си пытались создать у аудитории негативное восприятие образа главы российского государства.

На протяжении 2013 г. в новостных материалах Эй-би-си постоянно озвучивались различные претензии администрации США к России. В частности, речь шла о предоставлении убежища в РФ сотруднику ЦРУ и АНБ Эдварду Сноудену; поддержке Россией руководителя Сирийской Арабской Республики

Башара Асада в ходе гражданской войны в САР; принятии в РФ закона о запрете пропаганды ЛГБТ. Во всех случаях использовалась описанная выше тактика анализа-«минус», которая должна была привести к созданию у адресата искаженного и негативного впечатления о деятельности российских органов власти.

В начале 2014 г. журналисты Эй-би-си активно участвовали в освещении противостояния на Майдане. Однако новостные материалы телеканала сложно назвать информационными, поскольку практически во всех рассмотренных сюжетах в той или иной мере применялись манипулятивные технологии воздействия на сознание зрителя. В частности, во всех материалах была представлена только одна точка зрения — протестующих. Ни разу не упоминается протестное движение на юго-востоке Украины и Антимайдан в Киеве. Отсутствуют синхроны президента Украины и представителей правительства страны. Таким образом, на протяжении всей фазы гражданского противостояния на Украине журналистами Эй-би-си применялись манипулятивные приемы «умолчание» и «представление частного как общего, исключения — как правила», позволяющие донести до адресата искаженное отображение реальности. Поскольку американская аудитория фактически не получала объективной информации о противниках киевского Майдана, у нее легко могло сложиться впечатление о его «всенародной» поддержке.

Еще одной характерной особенностью новостных материалов Эй-би-си в этот период стало постоянное упоминание в сюжетах о противостоянии на Майдане президента РФ Владимира Путина. Путин, в отличие от украинских лидеров правительства и оппозиции, упоминается практически во всех материалах из Киева. Так, в сюжете от 24.01.2014 г. не называется ни одной фамилии украинских деятелей, зато дважды упоминается президент РФ: *«fighting for stronger ties with Europe it's a **direct challenge to Putin** as the eyes of the world are on him and his Olympics / борются за более прочные связи с Европой, это **прямой вызов Путину**, поскольку взгляды всего мира прикованы к нему и его Олимпийским играм»*. В материале от 26.01.2014 г. журналист Эй-би-си,

начитывая стендап на баррикадах Майдана, вновь говорит о главе России: «*Vladimir Putin is in the spotlight right now / Владимир Путин в центре внимания прямо сейчас*». Постоянные упоминания президента России использовались для реализации манипулятивных приемов «ссылка на несуществующие основания и ложная увязка», «переворачивание», а в целом — для создания ощущения, что Россия непосредственно задействована в событиях на Майдане. Так, в материале от 19.02.2014 г. говорится о том, что «*Russian president that is Vladimir Putin hopes to project this power in Kiev / президент России, то есть Владимир Путин, надеется спроецировать эту власть на Киев*».

Практически во всех новостных материалах используются манипулятивные приемы «поиск поводов к драматизации, обострению ситуации», «апелляция к высшим ценностям», «апелляция к эмоциям». Так, за период с 19.02.2014 г. по 23.02.2014 г. на телеканале Эй-би-си вышло более 10-ти новостных материалов, посвященных событиям на Майдане. Цитаты из закадрового текста и стендапов американских журналистов позволяют выявить применение имплицитных технологий речевого воздействия. В частности, как только речь заходила о требованиях протестующих, использовались лексемы «свобода» и «права человека»: «*the people telling us they're willing to die for their rights the freedom they crave / люди говорят нам, что они готовы умереть за свои права, за свободу, которой они жаждут*» (20.02.2014 г.), «*these people willing to die for the freedoms that America enjoys / эти люди готовы умереть за свободы, которыми пользуется Америка*» (21.02.2014 г.), «*the country of 46 million torn between protesters who want Western freedom and the police enfor enforcing Ukraine's link to Russia / страна с населением в 46 миллионов человек разрывается между протестующими, которые хотят западной свободы, и полицией, усиливающей связь Украины с Россией*» (21.02.2014 г.), «*demonstrators want the freedoms of the West their president accused of corruption and abuses wants the protection of Putin / демонстранты хотят свобод Запада, их президент, обвиняемый в коррупции и злоупотреблениях, хочет защиты Путина*» (21.02.2014 г.). Как видно из приведенных примеров, журналисты Эй-би-си практически открыто

поддерживали протестующих на Майдане, пытаясь прикрыть их преступные действия поисками некой «западной свободы». Помимо создания положительного образа «майдановцев», параллельно проводилась работа по дискредитации проправительственных сил на Украине. В материалах Эй-би-си постоянно фигурировали упоминания коррупции и дружеских отношений с Россией президента страны Виктора Януковича, а также незаконность действий полиции Украины: «**bloodiest day in weeks of protests of brave troops as government security forces fired on protesters** / **самый кровавый день за последние недели протестов храбрых войск, когда правительственные силы безопасности открыли огонь по протестующим**», «**government cracking down on pro-western protesters more than two dozen people now are dead** / **правительство расправляется с прозападными протестующими, в настоящее время погибло более двух десятков человек**», «**a government turns on its own people with lethal Force** / **правительство применяет против собственного народа смертоносную силу**» (21.02.2014 г.). Как видно из приведенных примеров, для драматизации ситуации и апелляции к эмоциям зрителя постоянно использовались эпитеты, например: «**days of bloody battles on the streets of Kiev** / **дни кровопролитных боев на улицах Киева**», «**the deadliest day of protests** / **самый смертоносный день протестов**», «**from the carnage scene yesterday and bloodiest day in weeks of protests** / **с места вчерашней бойни и самого кровавого дня за последние недели протестов**» (21.02.2014 г.).

Также журналисты Эй-би-си постоянно использовали тактику угроз, сообщая о поддержке протестующих со стороны президента и правительства США. В моменты максимального обострения в материалах телеканала обязательно упоминались санкции, которые планируют ввести американские чиновники против руководства Украины: «**President Obama considering strong sanctions against the Ukrainian regime** / **Президент Обама рассматривает возможность введения жестких санкций против украинского режима**» (21.02.2014 г.). Следует отметить, что помимо тактики угроз, в данном случае используется и другой манипулятивный прием: «навешивание ярлыков». В конце

февраля 2014 г. американские СМИ уже начали называть законно избранного президента Украины и его администрацию «украинским режимом».

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что в период гражданского противостояния на Украине в 2013–2014 гг. в новостных материалах телеканала Эй-би-си применялся широкий спектр манипулятивных технологий для создания так называемой «медиареальности», значительно отличающейся от действительного положения дел. Благодаря использованию имплицитных средств речевого воздействия журналисты канала пытались сформировать у аудитории оппозицию «СВОИ — ЧУЖИЕ», в которой роль «СВОИХ» отводилась организаторам и исполнителям государственного переворота в Киеве. Именно они были представлены американскому зрителю как борцы за свободу, права человека и некое «европейское будущее Украины». Роль «ЧУЖИХ» предназначалась законно избранным президенту и правительству Украины, а также РФ и ее президенту (которые на тот момент не имели никакого отношения к происходящим событиям). Следует отметить, что американские СМИ постарались максимально использовать события на Майдане для формирования идеологемы русофобии.

Последний сюжет о событиях на Майдане вышел на Эй-би-си 23.02.2014 г. После этого тема революционных преобразований в Киеве полностью уходит из новостной повестки телеканала. Начиная с 28.02.2014 г. внимание журналистов Эй-би-си переключается на события в Крыму. За период с 28.02.2014 г. по 13.04.2014 г. на телеканале выходит 24 новостных материала о развитии ситуации в Крыму. Следует отметить, что на начальной стадии противостояния на полуострове журналисты Эй-би-си выпустили несколько сюжетов, которые можно назвать условно объективными. Так, в материале от 01.03.2014 г. московский корреспондент Александр Марквардт (Alexander Marquardt) начитывает стендап на фоне массового пророссийского митинга в Симферополе. В тексте сюжета правдивая информация о происходящем: *«Crimea may technically be a part of Ukraine, but culturally and ethnically it is **mostly Russian** Crimea did not support the uprising in the capital Kiev and many here would like to see it become part*

of Russia / Технически Крым может быть частью Украины, но культурно и этнически он в основном русский Крым, не поддержал восстание в столице страны Киеве, и многие здесь хотели бы, чтобы он стал частью России». Впрочем, подобные реалистичные тезисы звучали на телеканале крайне недолго. Руководство США быстро сформировало негативную позицию относительно событий в Крыму, а американские СМИ стали эту позицию активно распространять. Уже 02.03.2014 г. в сюжете Эй-би-си практически ничего не говорится о пророссийских настроениях в Крыму, зато приводятся слова американского чиновника: «*Russia's actions are a **brazen act of aggression** / Действия России являются наглým актом агрессии*». Именно идеологемы «русской агрессии» и ее осуждения в западных странах стали основой смысловой нагрузки большинства новостных материалов телеканала: «*growing international chorus **slamming Russia's actions** the British prime minister saying there is no excuse; Canada withdrawing its ambassador from Moscow / растущий международный хор осуждает действия России: премьер-министр Великобритании заявляет, что этому нет оправдания; Канада отзывает своего посла из Москвы*», «*now it's time to **respond with strength** i think it's important to talk about economic sanctions / теперь пришло время ответить силой, я думаю, важно поговорить об экономических санкциях*», «*we're going to make it clear that Russia is a **pariah state** and not just for the next year but for the next decade or two going forward / мы собираемся дать понять, что Россия является государством-изгоем, и не только на следующий год, но и на следующее десятилетие или два в перспективе*». Таким образом, уже в первые дни обострения в американской политической среде и СМИ активно применялась тактика угроз. При этом крайне редко звучало мнение жителей Крыма, их аргументы в поддержку воссоединения с Россией. По отношению к любым «неудобным» темам журналисты Эй-би-си использовали манипулятивный прием «умолчание».

Одновременно с событиями в Крыму набирало силу протестное движение на востоке Украины. В своих репортажах журналисты Эй-би-си зачастую объединяли эти события, понимая идентичность движущих сил данных

процессов. Практически при каждом упоминании протестов в Крыму и на юго-востоке Украины использовались различные манипулятивные приемы. Так, в материале от 02.03.2014 г. утверждалось, что «*in one city pro-russia demonstrators **rampage** through City Hall and brutally beat those who oppose them / в одном городе пророссийские демонстранты **бесчинствуют** в здании мэрии и жестоко избивают тех, кто выступает против них*». Хотя в сюжете город не называется, очевидно, что речь шла о Харькове, в котором жители города освободили здание областной администрации от захвативших его представителей националистических сил. Журналист использует манипулятивный прием «передергивание», поскольку никак не обозначает события, предшествующие описанным.

В это же время в новостном дискурсе Эй-би-си появляются новые приемы речевого воздействия. Так, в материале от 04.03.2014 г. репортер и обозреватель телеканала Марта Раддац (Martha Raddatz) заявила: «*Vladimir Putin — **the bully** Vladimir Putin, may already have gotten what he wants Crimea ... **he is a bully he is hammer handed** / Владимир Путин — **хулиган** Владимир Путин, возможно, уже получил то, что хотел, Крым ... он **хулиган, хулиган с молотком в руках***». В данном случае используется манипулятивный прием «тактика оскорблений». Надо отметить, что до этого момента журналисты Эй-би-си не допускали подобных некорректных высказываний в адрес президента России. В этом же материале задается вопрос «*Can the United States **let** Russia keep Crimea this way? / Могут ли Соединенные Штаты **позволить** России сохранить Крым таким образом?*». Ведущая телеканала использует приемы речевого воздействия: тактику угрозы и тактику презентации (представления кого-либо в привлекательном виде). Журналистка пытается сформировать идеологему экономического и военного превосходства США, которые позволяют этому государству диктовать условия взаимодействия другим странам.

На протяжении всего марта 2014 г. практически в каждом новостном материале Эй-би-си звучали словосочетания с явной негативной коннотацией: «*Russian aggression / агрессия России*», «*military invasion by Russia / военное*

вторжение России». При этом альтернативная позиция была представлена крайне редко. Это позволяет говорить о том, что журналисты телеканала применяли манипулятивную тактику анализ-«минус» (основанный на фактах разбор ситуаций, предполагающий имплицитное выражение отрицательного отношения к описываемому). Использование выявленных технологий (тактика анализ-«минус», тактика обвинения, тактика оскорбления, тактика угрозы) позволяет говорить о том, что в новостном дискурсе Эй-би-си вновь активно применялась стратегия на понижение. Данная стратегия была направлена на имплицитное формирование у адресата крайне негативного отношения к России и ее президенту.

Обострение противостояния на юго-востоке Украины привело к тому, что в апреле–мае 2014 г. эта тема становится преобладающей в новостном дискурсе телеканала Эй-би-си по отношению к другим событиям на Украине и в России. В ходе освещения событий в Донбассе журналисты американского телеканала постоянно использовали широкий спектр манипулятивных технологий. Так, с первых дней обострения ситуации применялся прием «навешивание ярлыков». Для описания жителей юго-востока Украины, выступивших против государственного переворота в Киеве, использовались словосочетания с явной негативной семантикой: «*two government buildings including the police headquarters were seized by **well-armed pro-russian gunmen*** / *два правительственных здания, включая штаб-квартиру полиции, были захвачены **хорошо вооруженными проросийскими боевиками***» (13.04.2014 г.), «*pro-russian militants occupying buildings in eastern Ukraine / **проросийские боевики** занимают здания на востоке Украины*» (19.04.2014 г.), «*heavily armed **Russian separatists*** / *хорошо вооруженные **российские сепаратисты***» (27.04.2014 г.).

При освещении вооруженного конфликта на востоке Украины корреспонденты Эй-би-си уже в начальной стадии обострения полностью отошли от стандартов объективной журналистики, заняв позицию поддержки только одной из сторон противостояния. В частности, ни в одном из информационных материалов не была представлена позиция и аргументы жителей восточных

регионов Украины, не согласных с политикой киевского режима, пришедшего к власти после победы Майдана. При этом позиция Киева озвучивалась постоянно. Благодаря использованию различных лингвистических средств украинская армия в материалах Эй-би-си представлялась защитницей правопорядка: «*Ukraine's military today launching an offensive to stomp out **pro-russian violence** / украинские военные сегодня начинают наступление, чтобы подавить **пророссийское насилие***» (16.04.2014 г.), «*the **militants** must Retreat from those Ukrainian government buildings seized in **violent protests** / боевики должны отступить из этих украинских правительственных зданий, захваченных в ходе **жесточких протестов***» (19.04.2014 г.), «*the troops were **attacked** by pro-russian insurgents / войска подверглись **нападению** пророссийских повстанцев*» (22.05.2014 г.). Таким образом, после просмотра подобных новостей у американского зрителя должно было сложиться крайне негативное впечатление о жителях Донбасса, выступивших против киевского режима.

Еще одним манипулятивным приемом, используемым американскими журналистами при освещении событий на Украине, стало «искажение». Так, конфликт между жителями востока Украины и «новой» киевской властью изначально представлялся как противостояние США и России. В новостном дискурсе Эй-би-си постоянно акцентировалось внимание именно на этом обстоятельстве: «*a new cold war **America and Russia** now squaring off over Ukraine / новая холодная война, в которой **Америка и Россия** сейчас враждуют из-за Украины*» (15.04.2014 г.), «***two giant world powers** are staring at each other across the divide / **две гигантские мировые державы** пристально смотрят друг на друга через пропасть*» (15.04.2014 г.), «*Moscow will use bloodshed as an excuse to invade **drawing America** deeper into this dangerous standoff / Москва будет использовать кровопролитие как предлог для вторжения, **втягивая Америку** еще глубже в это опасное противостояние*» (16.04.2014 г.). При этом в новостных материалах отсутствуют объяснения, почему США оказались «втянутыми» в данный конфликт. Применение данной имплицитной технологии должно было создать у американской аудитории чувство сопричастности и вовлеченности их страны в

процесс. Более того, в материале от 28.04.2014 г. журналист, рассказывая о демонстрации сторонников единой Украины, говорит, что они отстаивают интересы США: *«these demonstrators **sided with the United States**, demanding the country stay united / эти демонстранты **встали на сторону Соединенных Штатов**, требуя, чтобы страна оставалась единой».*

По мере развития ситуации и увеличения накала противостояния на Украине в новостном дискурсе Эй-би-си все активнее применялись тактика обвинения и тактика угрозы. В каждом новостном материале, в закадровом тексте или в синхронах встречались тезисы с обвинениями России и ее руководства: *«the United States has **accused Russia** of being behind the unrest / Соединенные Штаты **обвинили Россию** в том, что она стоит за беспорядками» (13.04.2014 г.), «we are obviously **very concerned** about Russian actions in Ukraine attempts to destabilize Ukraine / очевидно, что мы **очень обеспокоены** действиями России на Украине, попытками дестабилизировать Украину» (15.04.2014 г.), «the U.S. is threatening more **sanctions against Russia** for meddling in Ukraine / США угрожают новыми **санкциями против России** за вмешательство в дела Украины» (16.04.2014 г.).*

В апреле 2014 г. в дискурсе американского канала начинают появляться сообщения, которые можно назвать непроверенными или недостоверными и которые очень близки к «сконструированным» фейковым новостям. Так, в материале от 19.04.2014 г. говорится о распространении антисемитских листовок в Донецке: *«disturbing reports of **anti-Semitic leaflets** calling on Jewish citizens to register or face deportation / тревожные сообщения об **антисемитских листовках**, призывающих граждан еврейского происхождения зарегистрироваться или подвергнуться депортации».* Вне зависимости от того, кто был организатором данной провокации, несколько листовок, которые не оказали никакого влияния на развитие ситуации, вряд ли могли послужить достаточным информационным поводом для телеканала мировых новостей. В данном случае можно говорить о попытках отработки технологии распространения фейковой информации, гарантирующей определенное воздействие на аудиторию. Понятно, что для американского зрителя,

чувствительного к теме антисемитизма, любая связь протестного движения на востоке Украины с подобного рода нетерпимостью по отношению к евреям должна была вызвать крайне негативную реакцию. Именно на это рассчитывали организаторы провокации и СМИ, активно занявшиеся распространением информации о ней. Появление подобных сюжетов на Эй-би-си говорит о том, что уже на начальных стадиях конфликта американские СМИ пытались скомпрометировать протестное движение на юго-востоке Украины, сформировать у аудитории негативное отношение к жителям Донбасса, выступившим против киевского режима и поддерживающих его западных стран.

В конце мая 2014 г. тема конфликта на Украине исчезает из новостной ленты Эй-би-си. Интерес к украинским событиям вновь возникает в середине июля после катастрофы малазийского «Боинга» над Донбассом. В период с 18.07.2014 г. по 22.07.2014 г. на телеканале вышло шесть сюжетов, посвященных катастрофе. Во всех новостных материалах активно применялись манипулятивные технологии. Одной из основных стало использование номинаций. Так, уже в одном из первых материалов о трагедии от 18.07.2014 г. по отношению к ополчению Донбасса использовались не просто негативные, а скорее оскорбительные определения: *«separatist militia fighting in Ukraine has become known as a ruthless gang of thugs well-armed and trained by the Russians / ополченцы-сепаратисты, воюющие на Украине, стали известны как безжалостная банда головорезов, хорошо вооруженных и обученных русскими»*. В дальнейшем эти определения постоянно повторялись в эфире Эй-би-си, иногда с какими-либо дополнениями: *«a ruthless gang of egotistical thugs well-armed and trained by the Russians / безжалостная банда эгоистичных головорезов, хорошо вооруженных и обученных русскими» (19.07.2014 г.)*. При этом используемая тактика обвинений касалась не только ополчения Донбасса, но и России, поскольку во всех материалах акцентировалось внимание на связях жителей востока Украины и Российской Федерации. Так, в материале от 19.07.2014 г. американские журналисты применили манипулятивный прием «полная дезинформация» и записали всех ополченцев Донбасса в наемники, которых

финансирует Россия: «*the Ukrainian separatists movement are people who are not Ukrainians they are Russians they're **soldiers of fortune** Rambo types they like to fight they **like to kill** and they are usually rewarded for that very well by the **Russian government*** / движение украинских сепаратистов — это люди, которые не являются украинцами, они русские, они **солдаты удачи** типа Рэмбо, им нравится сражаться, им **нравится убивать**, и обычно **российское правительство** очень хорошо вознаграждает их за это». Помимо навешивания ярлыков, в данных цитатах просматривается применение тактики анализ-«минус», поскольку любые действия ополчения подвергаются разбору, предполагающему имплицитное выражение отрицательного отношения к описываемому. В материале от 20.07.2014 г. используется еще один манипулятивный прием: «отождествление кого-либо с негативно оцениваемой социальной группой». В подводке ведущего говорится: «*field in eastern Ukraine is being guarded by pro-russian rebels some of them **allegedly drunk*** / поле на востоке Украины охраняют пророссийские повстанцы, некоторые из них **якобы пьяны**». Из дальнейшего сюжета становится ясно, что сами журналисты, побывавшие на месте события, ничего подобного не видели («*we did not see that / мы этого не видели*»), однако кто-то им об этом сказал. Не вызывает сомнений желание сотрудников американского канала представить в крайне негативном свете как ополченцев Донбасса, так и поддерживающих их россиян.

Негативные номинации стали одним из элементов тактики обвинения, применяемой а новостном теледискурсе Эй-би-си. Основой данной тактики были постоянные обвинения ополчения Донбасса и России в запуске ракеты, сбившей самолет. Следует отметить, что все эти обвинения появились задолго до каких-либо официальных результатов расследования — практически сразу после катастрофы. Для этого в первом материале от 18.07.2014 г. журналист использовал ссылку на представителя Украины: «*Ukrainian President Poroshenko unequivocally **placed the blame on Russia*** / Президент Украины Порошенко недвусмысленно **возложил вину на Россию**». В следующем материале от того же числа к обвинениям присоединился президент США: «*President Obama tonight*

saying he is confident this plane was brought down by a surface-to-air missile fired by separatists supported by Russia / Президент Обама сегодня вечером заявил, что он уверен, что этот самолет был сбит **ракетой** класса "земля-воздух", **выпущенной сепаратистами, поддерживаемыми Россией**». Таким образом, в текстах американских журналистов усматривается использование сразу нескольких манипулятивных приемов, которые Г. А. Копнина относил к группе паралогических: «установление желательных причинно-следственных связей» и «использование бездоказательных утверждений».

Практически во всех материалах использовались манипулятивные приемы: «поиск поводов к драматизации, обострению ситуации», «апелляция к эмоциям». В каждом сюжете по несколько раз повторялось количество жертв, акцентировалось внимание на том, сколько погибло детей и младенцев. В текстах американских журналистов использовались эмоционально окрашенные словосочетания: «*apocalyptic scene* / апокалиптическая сцена», «*eerie premonition* / жуткое предчувствие», «*fiery crash* / огненная катастрофа», «*unspeakable outrage* / невыразимое возмущение», «*very outrageous crime* / очень возмутительное преступление», «*horrific crash scene* / ужасающая сцена крушения». В одном из сюжетов используется мрачная нагнетающая фоновая музыка. Все это абсолютно несвойственно для новостных материалов и позволяет говорить о применении имплицитных методов воздействия на зрителя.

По результатам анализа можно сделать вывод, что в середине 2014 г. перед американскими СМИ уже стояли задачи: создание негативного образа ополчения Донбасса, России и российского президента; расчеловечивание и дегуманизация жителей востока Украины, не поддержавших госпереворот в Киеве и сочувствующих им россияне. Данные задачи выполнялись благодаря полному отходу от стандартов объективной журналистики и применению широкого спектра манипулятивных технологий, перечисленных выше.

После окончания освещения катастрофы малазийского Боинга тема Украины практически полностью исчезает из новостной ленты Эй-би-си и возвращается только в 2021 г. перед началом СВО. События в РФ и с ее участием

освещались эпизодически. Так, в 2015 г. внимание американских журналистов привлекли две темы: убийство Бориса Немцова в феврале и события в Сирии с участием российской армии в октябре–ноябре. Во втором случае надо отметить значительное количество манипулятивных приемов, используемых американскими СМИ при освещении борьбы российской армии с террористами. Журналисты Эй-би-си вслед за американскими политиками заняли открытую антироссийскую позицию при освещении событий в Сирии. Причина такого отношения была озвучена в первом же материале на эту тему от 01.10.2015 г.: *«the Russians more likely going after opposition forces some **backed by the US** / русские, скорее всего, охотятся за оппозиционными силами, некоторые из которых **поддерживаются США**»*. Сирийские оппозиционеры выступали против президента Сирии Башара Асада, их цели совпадали с целями руководства США: *«who are fighting against Syria's **brutal dictator** and **America's enemy** Bashar al-Assad / которые сражаются против жестокого диктатора Сирии и врага Америки Башара аль-Асада»*. Как видно из приведенной цитаты, в дискурсе американского телеканала вновь применяется манипулятивный прием «навешивание ярлыков». Законно избранного президента Сирии журналисты называют *«brutal dictator / жестокий диктатор»*. В этом же материале активно используются эмоциональные определения с явной негативной коннотацией: *«the deadly roar of Russian airpower / смертоносный рев российской авиации»*, *«the sudden dramatic escalation fear / внезапная резкая эскалация страха»*. Указанные манипулятивные приемы использовались с целью создать впечатление у адресата, что российская авиация наносит удары по мирным жителям, а не по террористам. Так, в материале от 02.10.2014 г. журналист утверждает: *«they're using so-called dumb bombs that are missing the targets that can of course cause **greater civilian casualties** / они используют так называемые тупые бомбы, которые не попадают в цели, что, конечно, может привести к большим жертвам среди гражданского населения»*. Применяя манипулятивные приемы «использование бездоказательных утверждений» и «программирующая номинация» (предвосхищение событий), журналисты пытались реализовать тактику

обвинений в отношении России. В материале от 08.10.2014 г. журналист уже говорит о якобы пострадавших детях: *«troubling it is coming in appearing to show **children in Syria** being rushed from the scene after those strikes here's / вызывает беспокойство то, что появляется видео, показывающее, как **детей в Сирии** поспешно увозят с места происшествия после этих ударов»*. При этом зрителю показывают лишь один непонятный кадр, на котором женщина несет куда-то ребенка. Налицо использование манипулятивных приемов «апелляция к высшим ценностям» и «апелляция к эмоциям». В ноябре, после терактов в Париже, к ударам по террористам в Сирии присоединилась Франция, однако антироссийская риторика не исчезла из дискурса американских СМИ. Так, в материале от 18.11.2014 г. утверждается, что *«Russian bombers dropping the kind of ordnance that flattens buildings with **little thought of civilians** who may get in the way / Российские бомбардировщики сбрасывают такие боеприпасы, которые ровняют с землей здания, почти **не думая о гражданских лицах**, которые могут оказаться на пути»*.

В 2016 г. Россия практически не фигурировала в новостных материалах Эй-би-си. Политическую новостную повестку американских СМИ в 2017 г. определили президентские выборы в стране. Уже в ходе предвыборной кампании журналисты телеканала Эй-би-си заняли четкую позицию, далекую от нейтральности — против кандидата в президенты Дональда Трампа. Кампания продолжилась и после выборов. При этом основу обвинений составили некие никем не доказанные связи Трампа с представителями Российской Федерации и сообщения о том, что Россия якобы вмешивалась в американские выборы. Так, в материале от 01.01.2017 г. утверждалось: *«**intelligence agencies concluded Russia** was behind the **hacking** / **разведывательные службы** пришли к выводу, что за **взломом стояла Россия**»*. Во всех материалах на данную тематику Дональда Трампа пытались связать с этим «взломом» и Российскими спецслужбами. Так, в материале от 03.08.2017 г. говорится, что *«about 58% of Americans think the **president** tried to derail or obstruct the **Russian investigation** / около 58%*

*американцев считают, что **президент** пытался сорвать или воспрепятствовать расследованию в отношении России».*

В мае 2017 г. по американским СМИ, контролируемым демократами, прокатилась волна публикаций о разглашении президентом США секретной информации. Так, в сюжете Эй-би-си говорилось: «*President Trump revealed highly classified info to the **Russian** foreign minister / Президент Трамп раскрыл совершенно секретную информацию **российскому** министру иностранных дел*». Поскольку к этому моменту Россия и ее президент представлялись в американских СМИ только в образе врагов, через подобные заявления реализовывалась тактика обвинения и действующего президента США, и представителей РФ.

Помимо агрессивной пропагандистской кампании против президента США Дональда Трампа, Россия упоминалась в новостном дискурсе Эй-би-си в 2017 г. в связи с протестами в Российской Федерации. В материалах на эту тему журналисты телеканала занимали однозначную позицию поддержки протестующих и дискредитации действующих на тот момент органов власти РФ и президента России. Так, в материале от 21.12.2017 г. журналист Дэн Харрис (Dan Harris), который специально прилетел в Москву освещать протесты, утверждает: «*student named Alexander is taking on **one of the most feared men on the planet** / студент по имени Александр бросает вызов **одному из самых страшных людей на планете***». С помощью приема «навешивание ярлыков» и использования эмоционально окрашенных эпитетов корреспондент Эй-би-си уже в начале 10-ти минутного репортажа пытается оказать определенное воздействие на зрителя — заставить его воспринимать президента России как «одного из самых страшных людей на планете». Владимир Путин упоминается в сюжете более 10 раз и всегда в негативном свете. Так, журналист вспоминает о так ничем и не подтвержденных обвинениях американской «разведки»: «*power, that he has projected all over the world including by **meddling in America's election or hacking attempt** / власть, которую он проецирует по всему миру, в том числе **путем вмешательства в американские выборы или хакерских атак***». Применяя прием «использование

бездокладательных утверждений» корреспондент Эй-би-си пытается создать крайне негативный образ президента РФ в глазах американской аудитории. Для этого в сюжете используются и другие манипулятивные приемы — тактика оскорблений, ирония: «*he rose from a **mid-level spy** to Russia's unquestioned ruler / он прошел путь от **шпиона среднего звена** до неоспоримого правителя России*», «*now has a nearly 90 percent approval rating fueled by flamboyant photo ops and the **brutal crushing** of his opponents / сейчас у него почти 90-процентный рейтинг одобрения, подпитываемый яркими фотосессиями и **жестоким подавлением** его оппонентов*». Негативный образ президента РФ дополняется столь же негативными образами других представителей власти: «*at which point the government **crackdown** quickly begins / в этот момент правительство начинает применять **репрессии***». На протяжении всего сюжета отрицательным образом руководства России противопоставляются положительные образы протестующих. Американские СМИ пытались оказать имплицитное воздействие на аудиторию, создав у нее положительное впечатление от попыток проведения очередной «цветной революции», на этот раз в России.

В 2018 г. Россия упоминалась в новостном дискурсе Эй-би-си крайне редко и всегда с использованием тактики обвинений и тактики анализ-«минус». В частности, на телеканале вышло несколько сюжетов об отравлении Скрипалей в Великобритании, к которому якобы была причастна Россия. В каждом материале РФ упоминалась только в роли виновницы происшествия: «*White House **blames Moscow** for poisoning former spy / Белый дом **обвиняет Москву** в отравлении бывшего шпиона*» (15.03.2018 г.), «*authorities identified these two men as **Russian assassins** responsible ... for the attempted murder of ex Russian spy Sergei Skripal / власти идентифицировали этих двух мужчин как **российских наемных убийц**, ответственных, ... за покушение на убийство бывшего российского шпиона Сергея Скрипаля*» (06.09.2018 г.), «*operation **sanctioned by the Russian government** / операция, **санкционированная российским правительством***» (06.09.2018 г.). Используя бездоказательные утверждения, журналисты Эй-би-си продолжали создавать негативный образ России в глазах американской аудитории.

Еще одной темой в 2018 г. стала провокация ВМС Украины в Керченском проливе. Как и ранее, журналисты американского телеканала бóльшую часть сюжета представляли только одну точку зрения — администрации США. Так, в материале от 26.11.2018 г. утверждалось: «*the Ukrainian Navy says Russia **attacked and seized** three of the ships near the Black Sea / Военно-морские силы Украины заявляют, что Россия **атаковала и захватила** три корабля вблизи Черного моря*», «*tensions between Russia and Ukraine a **critical US strategic partner** / напряженность в отношениях между Россией и Украиной — **важнейшим стратегическим партнером США***». Помимо традиционных обвинений в адрес России, в сюжете акцентируется тесная партнерская связь США и Украины, которая должна была оправдать в глазах американского зрителя чрезмерную вовлеченность руководства Америки в дела Украины. Манипулятивный прием «ссылка на несуществующие основания и ложная увязка» многократно применялся американскими журналистами на протяжении всего конфликта на востоке Украины.

В 2019–2020 гг. упоминания Украины и России в новостном дискурсе Эй-би-си были лишь эпизодическими. Тема военного конфликта на Украине вернулась в новостную повестку американского телеканала в 2021 г. незадолго до начала СВО.

4.2 Специфика манипулирования сознанием адресата англоязычными каналами в начальной стадии проведения СВО на Украине (2022 г.)

Перспектива неприемлемого для России расширения НАТО на восток привела к тому, что в 2021 г. руководство РФ потребовало от западных стран гарантий безопасности для страны. Требования были проигнорированы, что привело к началу Специальной военной операции на Украине 24.02.2022 г. Как уже отмечалось в предыдущем разделе данной работы, западные СМИ проявили беспрецедентную активность в освещении начальной стадии СВО. Применение

манипулятивных приемов англоязычными телеканалами во время Специальной военной операции требует детального изучения. Подобные исследования могут быть проведены только после окончания СВО. В данном разделе предлагается анализ двух тематических кейсов начального периода военной операции, в которых активно применялись разнообразные манипулятивные технологии. Оба кейса имеют отношение к «ядерной» тематике. Материалом исследования послужили новостные материалы телеканалов Би-би-си и Эй-би-си. Временные рамки исследования — с 24.02.2022 г. по 01.12.2022 г.

Манипулятивные технологии при освещении угрозы применения оружия массового поражения (ОМП)

Первые материалы на тему возможного применения ОМП в ходе боевых действий появились уже на начальной стадии спецоперации. Заслуживает внимания сюжет телеканала Би-би-си «*Putin puts Russia's nuclear weapons on high alert / Путин приводит ядерное оружие России в состояние повышенной готовности*», вышедший в эфир 27.02.2022 г. Объемный материал (5 мин. 35 сек.) подготовлен в форме телемоста из трех городов: Лондона, Москвы и Нью-Йорка. Анализ позволил выявить нестандартный подход к тематическому структурированию этого новостного сюжета: вначале рассматривается угроза применения ядерного оружия в ходе конфликта, потом журналист из Москвы резко переходит к обвинениям России по вопросам свободы слова и цензуры, затем снова вспоминаются силы ядерного сдерживания, после чего обсуждаются обычные вооружения. Можно сделать вывод, что манипулирование применяется уже на уровне структуры новостного материала, поскольку освещаемые подтемы никак не связаны между собой логически, зато позволяют в каждом аспекте выдвинуть обвинения против России.

Еще одной отличительной чертой структуры рассматриваемого сюжета является целенаправленное использование комментариев представителей российской оппозиции. В материале представлены два подобных комментария в виде синхронов активистов-оппозиционеров. Противоположное (или хотя бы нейтральное) мнение представлено не было. В результате у адресата должно было

возникнуть ощущение, что решения российской власти не поддерживаются населением страны. Налицо использование манипулятивного приема «представление частного как общего, исключения — как правила».

В обоих комментариях используются крайне жесткие формулировки, например: «*This is yet another military adventure, military crime by an unelected, unaccountable, authoritarian and frankly increasingly deranged dictator in the Kremlin* / Это очередная военная авантюра, военное преступление со стороны неизбранного, безответственного, авторитарного и откровенно все более невменяемого диктатора в Кремле». Журналист использует манипулятивный прием «перенос ответственности», поскольку исключает явно некорректные и бездоказательные высказывания из своего авторского текста, но при этом оставляет их в готовом сюжете в виде синхрона респондента. Это позволяет ему донести до адресата заданные смыслы и попытаться сформировать определенное общественное мнение, не выходя за рамки журналистской этики и уходя от ответственности за предвзятые и голословные обвинения. Подобный прием постоянно использовался корреспондентами западных телеканалов во время освещения данного военного конфликта. В сюжет вставлялись эмоциональные синхроны представителей одной из противоборствующих сторон (поддерживаемой данным телеканалом), после чего ответственность за сказанное как бы перекладывалась на респондента, а необходимые тезисы доносились аудитории. Так, в ходе освещения СВО представители западных СМИ чаще всего использовали «прямую речь» президента Украины В. А. Зеленского, что позволяло доносить до англоязычного зрителя украинскую пропаганду.

При этом мультисемиотический характер теледискурса требует учета всех вербальных и невербальных форм донесения информации. В данном случае резкие негативные высказывания об СВО и президенте России были вставлены в материал автором-журналистом и допущены в эфир выпускающим редактором. Соответственно, данный синхрон должен рассматриваться как составная часть телевизионного медиатекста. Анализ позволил выявить сразу несколько манипулятивных технологий в рассматриваемом фрагменте текста: это прием

«навешивание ярлыков» («*deranged dictator* / *невменяемый диктатор*»), использование дисфемистических замен («*military adventure* / *военная авантюра*», «*military crime* / *военное преступление*»). Также можно выделить применение других лексических приемов информационного противоборства — использование эпитетов с ярко выраженной негативной семантикой («*unaccountable* / *безответственный*», «*authoritarian* / *авторитарный*») и наличие приема «полная дезинформация» (под сомнение ставится легитимность президента РФ и вносится ложный тезис об «*очередной военной авантюре*»). Когда речь в сюжете доходит до оружия массового поражения, авторы вновь прибегают к использованию манипулятивных технологий. Так, в закадровом тексте журналистки из Нью-Йорка говорится: «*Inside the White House they're describing this as **unprovoked escalation** that is positively dangerous. I have to say this announcement came as a complete shock to the United States* / *Внутри Белого дома они описывают это как **неспровоцированную эскалацию**, которая определенно опасна. Я должна сказать, что это объявление явилось полным шоком для Соединенных Штатов*». Используя словосочетание «*unprovoked escalation* / *неспровоцированная эскалация*» по отношению к приведению в боевую готовность ядерных сил сдерживания России, автор применяет манипулятивный прием «сокрытие существенной информации». В материале Би-би-си ни разу не упоминаются агрессивные высказывания лидеров западных государств, которые привели к необходимости принятия данного решения российского президента. Используя этот прием, адресанты пытаются навязать аудитории образ агрессивной и опасной России. Этому способствует применение еще одного манипулятивного приема — «драматизация, обострение ситуации». Упоминания об «*dangerous* / *опасной*» ситуации, которая к тому же вызвала «*complete shock* / *полный шок*» у администрации США, должны были спровоцировать страх у западного зрителя.

В конце сюжета авторы внезапно переходят к ситуации в зоне проведения СВО, где на тот момент российские войска приближались к Киеву. Журналист утверждает: «*Russia will attempt to isolate and lay siege to the capital Kiev and that will, of course, vastly increase the **risks of civilian deaths and casualties*** / *Россия*

попытается изолировать и взять в осаду столицу Киев, и это, конечно, значительно увеличит риск гибели и жертв среди мирного населения». В данном случае применяются приемы информационного противоборства: «ложная увязка», «апелляция к эмоциям» и «апелляция к высшим ценностям». Автор бездоказательно связывает продвижение российских войск с возможными жертвами среди гражданского населения, причем делает это в безапелляционной форме. Поскольку данная информация следует сразу за упоминанием опасности применения ядерного оружия, у зрителя может сложиться впечатление, что речь идет о двух аспектах одной проблемы. Можно сделать вывод, что журналисты Би-би-си, используя разнообразные манипулятивные приемы, уже в первые дни проведения СВО пытались создать негативный образ Российской Федерации у аудитории.

Тема возможного использования оружия массового поражения несколько раз поднималась западными СМИ на начальной стадии проведения СВО, в феврале–мае 2022 г. При этом журналисты рассматриваемых телеканалов постоянно применяли манипулятивный прием «ссылка на несуществующие основания и ложная увязка», утверждая, что их беспокойство вызвано угрозами России, связанными с ядерным оружием. Так, сюжет телеканала Эй-би-си от 06.03.2022 г. называется *«Russia warns that a WWII 'would involve nuclear weapons' / Россия предупреждает, что Третья мировая война "будет связана с ядерным оружием"»*. С помощью языковой игры уже в названии Российскую Федерацию пытаются связать с возможностью использования ОМП. В дальнейшем, в материале акцентируется внимание на том, что *«Putin's nuclear threats are absolutely unacceptable / Путинские ядерные угрозы абсолютно неприемлемы»*, однако не уточняется, о каких именно угрозах идет речь. В своих публичных выступлениях президент России неоднократно отмечал, что оружие массового поражения может быть применено только в рамках, определенных ядерной доктриной РФ. Пытаясь выдать эти заявления В. В. Путина за угрозы Западу, журналисты изыскивают те самые «несуществующие основания» для того, чтобы представить Россию в негативном свете. Для усиления эффекта

применяются лексические приемы информационной войны, в частности метафоризация текста. В этом же новостном сюжете зритель может услышать, что «*this is not the first time **Putin has rattled his nuclear saber** / это не первый раз, когда **Путин бряцает своей ядерной саблей***». Подобные манипуляции на лексическом уровне можно встретить и в сюжете Би-би-си от 28.02.2022 г. «*What's the **risk of nuclear war** from the Russia-Ukraine conflict? / Каков **риск ядерной войны** из-за российско-украинского конфликта?*». В этом материале журналист утверждает, что «*Putin feels the need to **flex his military muscles** / Путин чувствует необходимость **поиграть своими военными мускулами***». В данном случае можно говорить о применении сразу двух манипулятивных технологий. Использование метафор («*rattled nuclear saber / бряцает ядерной саблей*», «*flex military muscles / поиграть военными мускулами*») современные исследователи относят к одному из эффективных приемов речевого воздействия с помощью имплицитных оценок. Помимо этого, авторы сюжетов явно используют в своих текстах иронию, которую можно отнести к числу стилистических механизмов имплицитного убеждения. Интерпретация действительности с помощью иронических метафор (языковой игры) позволяет создать подтекст, который строится на ассоциативных связях и воздействует на суггестивном уровне. В конечном итоге это помогает реализовать функцию убеждения, используя яркие образы и оценочный подтекст.

Следует отметить, что в большей части материалов при использовании стратегий и тактик речевого воздействия авторы акцентируют внимание на роли президента России в происходящих событиях. В частности, в сюжете Би-би-си от 28.02.2022 г. журналист утверждает: «*We know **Putin's** shown scant regard for human lives and international rules / Мы знаем, что **Путин** проявлял мало внимания к человеческим жизням и международным правилам*». В тексте применяется манипулятивная тактика обвинения, при этом корреспондент не приводит никаких доказательств своих высказываний. В материале телекомпании Эй-би-си от 22.05.2022 г. под названием «*Nuclear weapons are '**part of Putin's arsenal**' / Ядерное оружие является "**частью арсенала Путина**"*» утверждается,

что президент России «*pretty well cornered and boxed in / находится в очень трудном положении и загнан в угол*». Помимо того, что данное высказывание не соответствует действительности и является дезинформацией (политическое и военное положение России на тот момент не позволяло делать таких выводов), для усиления персуазивного эффекта оно сделано в метафоричной форме. Упоминания о «загнанном в угол» и потому опасном руководителе РФ должны были оказать имплицитное воздействие на аудиторию и создать негативный образ президента России у западного зрителя.

Рассматривая тему средств массового поражения, западные СМИ не ограничивались манипуляциями на теме ядерного оружия. Весной 2022 г. в дискурсе телеканалов США и Великобритании неоднократно поднимался вопрос применения Россией химического и бактериологического оружия. Так, в сюжете Эй-би-си от 10.03.2022 г. под названием «*White House warns Russia may seek to use **chemical or biological weapons** in Ukraine / Белый дом предупреждает, что Россия может попытаться применить химическое или биологическое оружие в Украине*» применяются манипулятивные приемы: «апелляция к авторитетам при подаче ложного или сомнительного тезиса как доказанного», «использование бездоказательных утверждений» и «программирующая номинация» (предвосхищение событий). В сюжете ничего не говорится о том, кто именно из администрации президента США высказал подобное предположение, однако утверждение выдается как не требующее доказательств. Более того, в материале отмечается, что у России не может быть данных типов вооружений: «*In 2017 the organization that monitors that stated that **Russia had destroyed** its entire chemical weapons stockpile, but the United States believes that Russia may still uh possess some chemical weapons / В 2017 году организация, которая следит за этим, заявила, что **Россия уничтожила** весь свой запас химического оружия, но Соединенные Штаты считают, что Россия все еще может обладать некоторым химическим оружием*». Западные СМИ не подвергают сомнению высказывания представителей Белого Дома. Возможность наличия химоружия подается как «*very horrible threat / очень ужасная угроза*». Можно сделать вывод, что авторы

используют манипулятивный прием «поиск поводов к драматизации, обострению ситуации» на постоянной основе.

Представители английских медиа пошли дальше: в сюжете Би-би-си от 12.04.2022 г. под названием *«US and UK investigating reports of **chemical weapons** being used by Russia in Ukraine war / США и Великобритания расследуют сообщения о применении Россией **химического оружия** в войне на Украине»* дезинформация подается со ссылкой на представителей одной из сторон конфликта. В частности, в материале говорится: *«Azov regiment say Russian drones have **dropped chemicals** causing breathing problems and vertigo-like symptoms / Полк "Азов" заявляет, что российские беспилотники **сбросили химикаты**, вызывающие проблемы с дыханием и симптомы, похожие на головокружение»*. Никаких доказательств данных фактов в сюжете приведено не было, однако это не помешало вновь обвинить Россию: *«Putin would be held to account for any **callous escalation** of this conflict / Путин будет нести ответственность за любую **бездушную эскалацию** этого конфликта»*. Используя сомнительные тезисы как доказанные и применяя эмоционально окрашенные эпитеты негативной семантики (*«callous escalation / бездушная эскалация»*), авторы рассчитывают достичь желаемого персуазивного эффекта вне зависимости от истинности или ложности утверждений, прозвучавших в материале.

В июне 2022 г. тема применения оружия массового поражения синхронно исчезла из повестки дня исследуемых телеканалов. В конце сентября эта тема так же синхронно вернулась в новостные ленты западных СМИ. Формальной причиной активизации работы журналистов в этом направлении явилось очередное упоминание возможности использования ядерного оружия в случае агрессии против России, прозвучавшее в речи В. В. Путина. При этом в материалах обоих исследуемых телеканалов вновь использовались манипулятивные приемы. Так, уже в названии сюжета Би-би-си от 21.09.2022 г. *«Putin orders mass mobilization and issues **nuclear warning** / Путин отдает приказ о массовой мобилизации и объявляет **ядерное предупреждение**»* применена тактика ложных обвинений. Подобные высказывания встречаются и в сюжете

телеканала Эй-би-си от 24.09.2022 г. В частности, журналист говорит, что *«White House is of course watching all of these **escalations and threats from Russia** very closely / Белый дом, конечно, очень внимательно следит за всеми этими эскалациями и угрозами со стороны России»*. Голословные утверждения о «ядерном предупреждении», «эскалации» и «угрозах» со стороны России являются компонентами манипулятивной тактики обвинения. Вслед за этим западные СМИ перешли к тактике угроз. В частности, в большинстве сюжетов на данную тему, вышедших в сентябре–октябре 2022 года, упоминались некие «последствия» применения ядерного оружия Россией. Так, в сюжете Эй-би-си от 25.09.2022 г. эти последствия вынесены уже в заголовок: *«Russia faces 'catastrophic consequences' if it uses nuclear weapons / России грозят "катастрофические последствия", если она применит ядерное оружие»*. Именно манипулятивные тактики голословных обвинений и угроз стали основой «осенней» кампании западных СМИ, связанной с мнимой опасностью применения ядерного оружия.

Применение методологии контент-анализа позволило определить соотношение различных манипулятивных приемов, используемых западными телеканалами в ходе освещения темы опасности применения ОМП. Так, наиболее часто используемым приемом речевого воздействия, выявленным в ходе анализа, стало применение эмоционально окрашенной лексики с негативной семантикой по отношению к России и президенту РФ. Данный манипулятивный прием выявлен в 87% исследуемых новостных материалов. Также часто используются тактика обвинений (82%) и тактика угроз (52%). При этом следует отметить, что тактика угроз встречается практически во всех материалах, вышедших в эфир осенью 2022 г. Анализ выявил достаточно частое применение языковой игры в виде ироничных метафор (43%) и манипулятивного приема «ложная увязка» (34%). Помимо этого, выявлено эпизодическое (до 20%) применение иных манипулятивных приемов: «полной дезинформации», «манипулирования на уровне структуры сюжета», «переноса ответственности» и др.

Отдельного внимания заслуживают технологические особенности производства новостных сюжетов рассматриваемой тематики. В настоящее время можно выделить два подхода к композиционно-структурному наполнению телевизионных новостных материалов. В первом случае в сюжете используются синхроны респондентов, видеоряд с места события, стендап и закадровый текст журналиста — эти элементы и составляют основную часть готового телематериала. Такой подход можно назвать классическим. Во втором случае основу сюжета составляет диалог ведущего с неким экспертом (или несколькими экспертами), а остальные структурные элементы играют в сюжете незначительную роль. В новостных материалах телеканала Би-би-си, касающихся темы оружия массового поражения, 80% сюжетов можно отнести к первому, «классическому» варианту и лишь 20% — ко второму. В материалах американской телекомпании Эй-Би-Си обратная пропорция — 60% сюжетов «экспертного» типа и 40% с классическими элементами. При этом именно «экспертный» вариант дает возможность широкого применения манипулятивных технологий, поскольку достоверность передаваемой информации не подтверждается ни высказываниями очевидцев, ни видеосъемками с места события.

Манипулятивные технологии при освещении событий на ЗАЭС

Запорожская АЭС — крупнейшая в Европе атомная электростанция. В ходе проведения СВО на Украине станция была освобождена российскими войсками и перешла под полный контроль РФ 04.03.2022 г. После окончания боев за Энергодар события на атомной электростанции практически исчезли из международных новостных лент. Обострение ситуации вокруг ЗАЭС произошло в начале августа и было связано с участвовавшими обстрелами станции со стороны украинских военных. Практически синхронно к освещению проблематики Запорожской АЭС подключились все западные СМИ. Первые сюжеты на эту тему вышли 3–4 августа 2022 г. При этом основным инфоповодом для журналистов стали не обстрелы ядерного объекта со стороны ВС Украины, а опасения главы МАГАТЭ Рафаэля Гросси (Rafael Grossi) по поводу разрушений на станции. Так,

в сюжете телеканала Эй-би-си от 04.08.2022 г. дважды повторяются слова Гросси о серьезных проблемах на ЗАЭС: «*A nuclear plant the largest in Europe is quote completely out of control after **Russian troops seized it** / Крупнейшая в Европе атомная станция фактически полностью вышла из-под контроля после того, как ее захватили российские войска*». В тексте журналиста слова главы МАГАТЭ о «выходе из-под контроля ЗАЭС» были дополнены утверждением, что это произошло после «захвата» российской армией. В данном случае используется манипулятивный прием «ссылка на несуществующие основания и ложная увязка», поскольку проблемы на атомной станции начались только после обстрелов со стороны Украины. До этого, на протяжении пяти месяцев, ситуация была спокойной и контролируемой. О самих обстрелах, послуживших причиной обострения ситуации, в сюжете не упоминается, используется прием «умолчание». Это позволяет уйти от причин произошедшего и сконцентрировать внимание зрителя лишь на последствиях — разрушениях на станции, которые могут привести к ядерной катастрофе. В качестве виновника произошедшего рассматривается только одна сторона конфликта — Россия: «*U.S. now **accusing Russia** of using the nuclear plant as a human shield. Russia is now using the plant as a **military base** / США теперь обвиняют Россию в использовании атомной станции в качестве живого щита. Россия сейчас использует объект в качестве **военной базы***».

Следует отметить, что вопрос нахождения на станции российских военных поднимается практически в каждом сюжете о ЗАЭС обоих телеканалов. При этом текст обвинений почти дословно повторяется во всех новостных материалах. Так, в сюжете Би-би-си от 01.09.2022 г. используется аналогичный текст: «*Ukraine **accuses Russian forces** of turning this facility into a **military base** using it as a shield to launch attacks against Ukrainian targets / Украина обвиняет российские силы в превращении этого объекта в **военную базу**, используя его в качестве щита для нанесения ударов по украинским объектам*».

Также практически в каждом сюжете постоянно упоминаются возможные трагические последствия разрушения Запорожской атомной станции.

Используется манипулятивный прием «поиск поводов к драматизации, обострению ситуации»: «*A potential **nuclear disaster** in the making in Ukraine / Потенциальная **ядерная катастрофа** назревает в Украине*» (Эй-би-си, 04.08.2022 г.), «*Situation at the Russian occupied Zaporozhe nuclear power station is **approaching critical** / Ситуация на оккупированной Россией Запорожской атомной электростанции **приближается к критической***» (Би-би-си, 18.08.2022 г.).

Поскольку полностью игнорировать первопричину обострения ситуации — артобстрелы ЗАЭС, было достаточно сложно, западные СМИ использовали несколько различных манипулятивных приемов для формирования новой медиарельности, в которой ответственность за проблемы на станции полностью ложилась на Россию. Самым простым из этих приемов являлась полная дезинформация адресата. Так, уже в названии сюжета Би-би-си от 06.08.2022 г. содержится ложное обвинение России в самообстреле: «***Russia rockets damaged part of Zaporozhe nuclear plant says Ukraine / Российские ракеты повредили часть Запорожской атомной электростанции, сообщает Украина***». Структура данного предложения выстроена таким образом, что адресат вначале получает основную (при этом ложную) информацию о том, что российские ракеты повредили станцию, и лишь потом, в качестве дополнения, узнает, что это утверждение исходит от представителей Украины — страны, которая является одной из сторон конфликта. В данном случае манипулирование осуществляется на синтаксическом уровне. В начале обострения (август 2022 г.) американские и английские журналисты в своих текстах старались не использовать напрямую явную ложь о самообстрелах российских военных. Вместо этого применялся манипулятивный прием «апелляция к авторитетам при подаче ложного или сомнительного тезиса как доказанного». В частности, в рассматриваемом сюжете используется фрагмент интервью президента Украины В. А. Зеленского, в котором он утверждает, что «...оккупанты создали очень опасную ситуацию для всей Европы», и называет обстрел ЗАЭС террористическим актом (подразумевая, что этот акт совершили военные РФ).

В ходе развития ситуации и усиления обстрелов использование ложных обвинений в нанесении провокационных ударов по собственным позициям получило развитие в западных СМИ. Так, в сюжете Эй-би-си от 26.08.2022 г. вновь содержатся прямые обвинения РФ в обстрелах Запорожской атомной станции со ссылкой на украинские источники информации: *«These satellite images show smoke near the Zaporozhe nuclear power plant where **Ukrainian regulators say Russian shelling knocked all six of the plants reactors offline** / На этих спутниковых снимках виден дым возле Запорожской атомной электростанции, где, **по словам украинских чиновников**, российский обстрел вывел из строя все шесть реакторов станции»*. Используя словосочетания «сообщает Украина», «по словам украинских чиновников» журналисты применяют еще один манипулятивный прием — «ссылка на размытый источник информации». Благодаря этому приему представители СМИ могли, с одной стороны, выполнить задачу по имплицитному воздействию на зрителя, а с другой — избежать явной лжи в своем, авторском тексте. Можно предположить, что профессиональные телевизионные корреспонденты понимали абсурдность утверждения о том, что российские военные стреляют по атомной станции, которую сами же охраняют, и осознавали сложность внедрения данной идеологемы в сознание массовой аудитории.

Постепенно риторика западных СМИ ужесточалась и уже к сентябрю 2022 г. из текстов новостных сюжетов американских и английских телеканалов исчезают ссылки на «размытый источник», то есть представителей неких украинских органов власти. Журналисты начинают напрямую обвинять российских военных в самообстрелах. Так, в материале Би-би-си от 01.09.2022 г. утверждается: *«In the last few minutes one of two operational reactors at the plant has been shut down due to **Russian shelling** / В последние несколько минут один из двух действующих реакторов на станции был остановлен из-за **российского обстрела**»*.

Благодаря применению этих манипулятивных приемов, журналисты пытались внедрить в сознание адресата алогичный тезис о том, что именно Россия

обстреливает Запорожскую АЭС и собственные войска на ней, провоцируя возможную ядерную катастрофу. Поскольку данный манипулятивный прием срабатывал далеко не всегда, представители западных СМИ зачастую прибегали к другой тактике речевого воздействия — использованию пассивных синтаксических конструкций. В тех случаях, когда Россию не обвиняли в обстрелах Запорожской АЭС (напрямую или со ссылкой на источник информации), виновник вообще не назывался: «*There's recently **been heavy shelling** at and around the site / Недавно на этом объекте и вокруг него **был сильный обстрел***» (Би-би-си, 18.08.2022 г.), «*On Wednesday for the first time in its history the plant was cut off from Ukraine's energy grid **after fires triggered by the conflict** / В среду впервые в своей истории станция была отключена от энергосистемы Украины **после пожаров, вызванных конфликтом***» (Би-би-си, 26.08.2022 г.), «*Largest nuclear plant was **hit by shelling** / Крупнейшая атомная станция **пострадала от обстрела***» (Эй-би-си, 29.08.2022 г.), «*The shelling, intensifying around the nuclear plant potentially **putting the team's mission in jeopardy** / **Обстрелы**, усиливающиеся вокруг атомной станции, потенциально **ставят миссию группы под угрозу***» (Эй-би-си, 02.09.2022 г.). В данном случае западными средствами массовой коммуникации активно применялся манипулятивный прием «варьирование на синтаксическом уровне». Манипуляции на уровне ролевой структуры новостного текста с использованием пассивных синтаксических конструкций позволяют полностью исключить упоминания о непосредственных виновниках данных событий, концентрируя внимание адресата лишь на последствиях произошедшего.

Также анализ позволил выявить в текстах новостных материалов использование лексических приемов информационного противоборства. С их помощью реализуется манипулятивная тактика «смещение понятий». Так, говоря о ситуации на Запорожской АЭС, авторы сюжетов постоянно используют лексемы с негативной семантикой: «*Russian occupation / **российская оккупация***», «*held by Russian forces / **удерживаемая российскими войсками***», «*Russian occupied Zaporozhe nuclear plant / **оккупированная Россией Запорожская атомная***

электростанция». В случаях, когда речь заходит о требованиях российской стороны прекратить обстрелы ЗАЭС, в журналистском тексте говорится об «*open nuclear blackmail / открытом ядерном шантаже*» и «*nuclear terror threat / угрозе ядерного террора*». Когда же обсуждаются попытки коллективного Запада добиться вывода российских войск с территории станции, используется эвфемизм «*return to control of Ukraine / вернуть под контроль Украины*», а также возникает понятие «*demilitarized zone / демилитаризованной зоны*». Адресанты сообщений с помощью манипулятивных технологий пытались заставить российских военных выйти без боя с Запорожской АЭС, так как, по их же словам, «*Ukraine unable to force the Russians out / Украина не может вытеснить русских*». Поскольку попытки отеснить российские вооруженные силы с помощью призывов политиков и дискурса СМИ не увенчались успехом, в новостных материалах появились заявления о «*Russia's irresponsible behavior / безответственном поведении России*». Таким образом, с помощью манипулятивных приемов на лексическом уровне (использования словосочетаний с явной негативной коннотацией) западные СМИ решали вопрос создания образа врага в лице России и ее вооруженных сил.

Особого внимания заслуживают технологические особенности производства рассматриваемых новостных материалов. Современная теория телевизионной журналистики предполагает обязательное использование в новостных материалах комментариев очевидцев (синхронов). Только при наличии этих структурных элементов материал будет выглядеть достоверным и у автора появляется возможность добавить эмоции в подачу информации. Однако анализ показал крайне низкую степень использования «прямой речи» спикеров — очевидцев событий в сюжетах Эй-би-си и Би-би-си о Запорожской АЭС. В частности, около половины сюжетов вообще не содержали синхронов, в остальных подавляющее большинство представляли собой комментарии экспертов. При этом в сюжетах активно использовался другой структурный элемент новостного телевидения — стендап. Телеканал Эй-би-си в основном использовал «классические» стендапы с мест событий (на территории

подконтрольной Украине). Новостная служба телеканала Би-би-си пошла дальше — создала свою студию в Киеве. В результате практически все прямые включения «с мест» осуществлялись в виде диалога ведущего новостного выпуска с журналистом из Киева. В практике освещения событий на ЗАЭС встречаются материалы, которые на 90% состоят из подобных диалогов. Такая композиционно-структурная организация новостного материала, безусловно, может оправдываться работой в условиях военных действий. Однако полное отсутствие комментариев и видеоряда ставит под сомнение достоверность озвученных в сюжетах тезисов. Также возникает вопрос о возможной дезинформации адресата.

Тема «кризиса» на Запорожской АЭС продержалась в топе новостных лент около месяца. За это время каждый из рассматриваемых телеканалов выпустил более 10-ти сюжетов, касающихся данного вопроса. В начале сентября атомную электростанцию посетила делегация МАГАТЭ. Визит подробно освещался обоими телеканалами, однако после этого тема исчезла с повестки дня информационных служб телевизионных компаний. Следует отметить, что в выпусках новостей Эй-би-си и Би-би-си также полностью отсутствовали какие-либо упоминания об отчете делегации МАГАТЭ, который вышел 07.09.2022 г. Несмотря на обтекаемость формулировок отчета (в нем говорится об обстрелах, но не указывается виновник), выводы комиссии так и не были озвучены ни на одном из рассматриваемых телеканалов.

Выводы по четвертой главе

Анализ новостного дискурса телеканалов Эй-би-си и Би-би-си в период 2012–2022 гг. позволяет сделать ряд выводов о технологических аспектах и смысловой нагрузке материалов, касающихся событий на Украине и в России, а также о применении манипулятивных технологий для воздействия на сознание адресата. В частности, если говорить о частоте выхода материалов об украинских

событиях, то можно отметить, что освещение этой темы велось методом «информационных кампаний», при котором частота выхода подобных сюжетов резко возрастала в моменты обострения конфликтов. После 2–3 дней активного освещения какой-либо темы количество материалов резко уменьшалось. Исключение составляет начальный период СВО, когда в течение нескольких месяцев британский и американский телеканалы практически все эфирное время новостных выпусков посвящали событиям на Украине.

Изучение новостного дискурса исследуемых телеканалов в 2012–2013 гг. показало, что политические события на Украине практически не фигурировали в информационном вещании вплоть до начала гражданского противостояния в ноябре 2013 г. При этом подходы к освещению событий в России значительно отличались. На телеканале Би-би-си практически не прибегали к использованию манипулятивных приемов, большая часть материалов была выдержана в нейтральной, а иногда и положительной тональности. Журналисты телеканала старались следовать принципам нейтральности редакции и подавать информацию объективно. Представители телеканала Эй-би-си в этот период фактически вели полноценную информационную войну против руководства Российской Федерации. Исследование выявило применение широкого спектра манипулятивных технологий, направленных на дискредитацию российской власти уже в течение 2012 г. Среди выявленных приемов речевого воздействия: «использование бездоказательных утверждений», «навешивание ярлыков», «апелляция к высшим ценностям», тактика обвинений и тактика оскорблений. Особое внимание при программировании негативного отношения к России уделялось действиям российского президента Владимира Путина.

Период гражданского противостояния на Украине (с ноября 2013 г. по март 2014 г.) также по-разному освещался британским и американским телеканалами. Основным манипулятивным приемом в новостных материалах Би-би-си в этот период становятся диспропорции в представлении различных точек зрения (сторонников и противников киевского Майдана). В новостном дискурсе Эй-би-си озвучивается только одна точка зрения — активистов Майдана и

поддерживающих их украинских и западных политиков. Практически в каждом сюжете американского телеканала звучали упоминания РФ и президента России, причем исключительно в негативном контексте.

Воссоединение Крыма с РФ и начало вооруженного противостояния на востоке Украины сблизило подходы представителей Великобритании и США к подаче информации об этих событиях. В новостном дискурсе Би-би-си появилось значительно больше манипулятивных приемов, включая использование номинаций, умолчание, апелляции к эмоциям и высшим ценностям, поиск путей драматизации ситуации. Однако при этом на канале сохранялись тенденции объективной журналистики, в частности, постоянно выходили материалы, где была представлена точка зрения жителей Донбасса. Одна из особенностей данного периода — разница в подходах к освещению событий на Украине у различных журналистов британского телеканала. Такая ситуация сохранялась вплоть до конца 2015 г. В последующие годы объективная подача информации встречалась на Би-би-си только дважды и на непродолжительные периоды. Основная масса новостных материалов о событиях на Украине и в России содержала многочисленные признаки использования манипулятивных технологий. Что касается американского телеканала, то на нем ситуация практически не менялась в течение всего исследуемого периода, различные имплицитные приемы речевого воздействия применялись постоянно и в значительных объемах.

После начала СВО на Украине применение манипулятивных технологий усилилось и приняло формы тотальной информационной войны на обоих исследуемых каналах. Произошли определенные изменения в технологических подходах к созданию новостных материалов, позволяющие более активно применять приемы имплицитного воздействия (отсутствие синхронов очевидцев и видеоряда с места события, значительное увеличение роли экспертов). При этом анализ двух тематических кейсов начального периода СВО (2022 г.) позволил выявить полную смысловую и лингвистическую идентичность озвученных в сюжетах различных телеканалов тезисов. Это позволяет сделать вывод о некоей

вторичности дискурса СМИ по отношению к политическому дискурсу в Великобритании и США после значительного втягивания этих стран в конфликт на Украине.

Проведенный анализ позволил сделать вывод, что количественные показатели применения манипулятивных приемов не позволяют в полной мере оценить интенсивность имплицитного воздействия на адресата. Автор данного диссертационного проекта предлагает при дальнейших исследованиях использовать четырехступенчатую шкалу для качественной оценки уровня применения манипулятивных технологий в телевизионном новостном дискурсе:

I степень. Незначительный уровень использования манипулятивных технологий. Имплицитные приемы речевого воздействия встречаются в новостных материалах крайне редко (до 1% выборки) и не несут серьезных угроз.

II степень. Умеренный уровень. Применяются «легкие» формы манипулятивного воздействия (неравномерное представление различных точек зрения, умолчание), при этом соблюдаются основные нормы тележурналистики.

III степень. Значительный уровень манипулирования. Используется полный спектр стратегий и тактик имплицитного воздействия, сложившиеся стандарты и нормы подготовки журналистских материалов полностью игнорируются.

IV степень. Максимальный уровень. Используются самые «жесткие» формы манипулятивного воздействия (фейковые новости, постановочное видео и т. п.), при этом наблюдается отход не только от стандартов объективной журналистики, но и от этических, моральных и нравственных норм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования была изучена специфика развития телевизионного новостного дискурса с момента его появления на телевидении и до начала XXI века. Также были определены основные стандарты, нормы и подходы к созданию информационных телевизионных материалов. Проведен анализ новостного телевизионного дискурса в разных странах и в различные периоды: мирного времени и военного конфликта. Выявлены стратегии, тактики и приемы манипулятивного воздействия, используемые в теледискурсе. Результаты, полученные в ходе исследования, позволяют сделать определенные выводы.

В частности, в ходе изучения теории дискурса-анализа были выявлены факторы, которые влияют на процесс создания и интерпретации медиадискурса. С помощью методов теоретического анализа и синтеза был изучен генезис понятий «дискурс», «медиатекст» и «гипертекст». По результатам исследования теоретических источников были сформулированы определения терминов «дискурс» и «медиатекст», которые в дальнейшем использовались при разработке методики анализа телевизионного новостного дискурса. Эти исследования позволили сделать вывод, что теледискурс является сложной мультисемиотической категорией, в которой используются разнообразные формы донесения информации (текстовая, аудио, визуальная, графическая). Также было определено, что помимо анализа вербальных и невербальных составляющих медиатекста, в ходе исследований необходимо учитывать экстралингвистические аспекты процесса создания информационных материалов — условия коммуникации, интенции коммуникантов, способы коммуникации, пресуппозиции, контекст, условия интерпретации, социокультурные последствия. Исследования позволили уточнить, что анализ дискурса новостных телепрограмм подразумевает изучение всех структурных элементов телевизионного медиатекста. Помимо этого, анализ генезиса термина «гипертекст» позволил

сделать вывод, что данное определение нельзя использовать применительно к телевизионному дискурсу.

Изучение различных подходов к классификации стратегий и тактик речевого воздействия позволило определить, что дальнейшие исследования манипулирования в СМИ будут основываться на системах, предложенных Г. Виреном, Н. И. Клушиной, Г. А. Копниной и О. Л. Михалевой. Перспективным направлением дальнейших исследований следует признать разработку единой упрощенной классификации манипулятивных приемов, тактик и стратегий, учитывающей все особенности телевизионного новостного дискурса.

Особенности теледискурса потребовали разработки оригинальной методологии дискурс-анализа для проведения эффективных исследований. После изучения различных направлений и подходов было определено, что в качестве основы такой методики можно использовать теорию критического дискурс-анализа Нормана Фэркло. В частности, в его «трехпозиционную» систему входят: анализ текста, анализ дискурсивной практики (процессов производства, распространения и потребления текста) и анализ дискурсивных событий как примеров социокультурной практики. Теория Н. Фэркло может быть дополнена элементами дискурсивно-исторического метода Р. Водак, социокогнитивной методики Т. ван Дейка и теории комплексного анализа различных семиотических систем Г. Кресса.

Для исследования особенностей телевизионного новостного дискурса потребовалось изучение истории развития Донецкого телевидения и современных требований к процессу создания новостных материалов. Работа над этой подтемой диссертационного исследования позволила сделать вывод, что на этапе создания телевидение было нацелено на реализацию культурно-просветительской функции, акцент был сделан на художественное вещание. Смещение акцента в сторону общественно-политического вещания произошло в 60-х годах XX века, после чего значение информационного вещания только возрастало.

Анализ динамики развития телевизионного новостного дискурса на Донецком телевидении позволил сделать определенные выводы. В частности, в

период становления информационного вещания журналистам были доступны лишь самые простые семиотические формы донесения информации. Информационные материалы отличались краткостью и «протокольным» стилем изложения. Тексты сюжетов отличались лингвистическим аскетизмом, высокой степенью клишированности, использованием канцеляризов. Эмоциональную окраску текстам придавало использование «праздничного» субдискурса.

Развитие технических средств телевещания и изменение подходов к организации съемочного процесса привели к появлению новых обязательных структурных элементов информационных материалов (синхрон, стендап, лайф). Значительно изменились и требования к созданию новостных репортажей и верстке телевизионного выпуска новостей. Анализ выявленных стандартов и норм современной тележурналистики позволяет сделать вывод, что одним из основополагающих принципов новостной тележурналистики стал принцип редакционной нейтральности.

Объединив теоретические наработки по дискурс-анализу с данными о требованиях к процессу создания новостных телематериалов, была разработана оригинальная комплексная методология анализа телевизионного новостного дискурса. Предложенная методика позволяет рассмотреть и проанализировать специфические особенности новостного теледискурса. При помощи данной методики в практической части работы проведено исследование телевизионного новостного дискурса телеканалов «Донбасс» (Украина), Би-би-си (Великобритания) и Эй-би-си (США).

Анализ новостного дискурса телеканала «Донбасс» в различные периоды позволил сделать вывод, что в условиях мирного времени корреспонденты старались соблюдать основные нормы и стандарты телевизионной журналистики. В частности, исследования позволили выявить крайне незначительное использование эксплицитного и имплицитного воздействия на сознание адресата и соблюдение концепции редакционной нейтральности. По мере нарастания гражданского противостояния в работе тележурналистов стал наблюдаться отход от основных принципов объективной подачи материала. При этом критическая

направленность сюжетов во многом зависела от политической обстановки в стране и отношения к происходящему собственника телеканала. Переход конфликта в фазу военного противостояния полностью изменил подходы авторов к созданию телевизионных информационных материалов. Анализ позволил выявить постоянное и систематическое применение различных стратегий и тактик речевого воздействия в работе тележурналистов. Принципы редакционной нейтральности и паритета озвученных мнений перестали действовать. Необходимость поддержки одной из сторон конфликта привела к технологическим изменениям в работе телевизионной редакции — резко уменьшилось использование структурных элементов телерепортажа, повышающих его достоверность (комментариев очевидцев, стендапов, лайфов). Следует отметить, что применение широкого спектра манипулятивных технологий далеко не всегда приводило к желаемым результатам. Так, украинским СМИ не удалось сорвать проведение референдумов о независимости ЛДНР и запись жителей регионов в ополчение. Можно сделать вывод об ограниченности возможностей имплицитного воздействия на сознание адресата, а также о влиянии внешних факторов на восприятие вносимых идеологем.

Применение манипулятивных технологий еще более интенсифицировалось после начала СВО. В частности, возросло количество фейковых материалов, участилось применение адъективной лексики, оценочных метафор и экспрессивных этнонимов. Таким образом, в практике украинских тележурналистов появились новые приемы, нарушающие базовые принципы журналистской этики. Основной задачей для работников украинских СМИ в период военного конфликта становится формирование оппозиции «СВОИ — ЧУЖИЕ» и создание образа врага. С помощью манипулятивных технологий журналисты пытались проводить дегуманизацию и расчеловечивание российских военных, россиян и жителей ЛДНР.

Исследования теледискурса телеканалов Би-би-си и Эй-би-си в ходе освещения событий на Украине и в России позволили выявить сходства и различия при использовании манипулятивных технологий. Так, в период 2012–

2014 гг. значительная часть новостных материалов телеканала Би-би-си отвечала принципам редакционной нейтральности. Основным манипулятивным приемом этого времени можно считать неравномерность в представлении позиций противоборствующих сторон. После начала вооруженного конфликта на Украине количество манипулятивных технологий, применяемых журналистами телеканала, возросло (использовались номинации, умолчание, драматизация), однако часть материалов все же отвечала принципам объективной подачи информации. Полный отказ от соблюдения сложившихся норм журналистики и интенсификация применения речевого воздействия произошли на Би-би-си в конце 2015 г. Следует отметить, что на протяжении всего исследуемого периода в дискурсе американского телеканала Эй-би-си максимально использовался широкий спектр манипулятивных приемов для продвижения идеологии русофобии у аудитории.

Анализ показал, что после начала СВО подходы к освещению событий на Украине стали идентичными у британского и американского телеканалов. В основе этих подходов постоянное использование манипулятивных приемов, необходимых для реализации тактики анализ-«минус» (разбор ситуаций, предполагающий имплицитное выражение отрицательного отношения к описываемому), тактики обвинения, тактики оскорбления и тактики угрозы. В совокупности указанные тактики являются составными частями манипулятивной стратегии на понижение, реализация которой должна была сформировать устойчивое негативное отношение к России у западного зрителя.

По итогам исследования информационного вещания всех трех каналов можно сделать вывод, что такие факторы как форма собственности, источники финансирования, длительность работы компании и ее репутация у аудитории, практически не оказали влияния на уровень применения манипулятивных технологий в новостном дискурсе. Напротив, такие факторы как политические предпочтения собственника, степень вовлеченности государства, на территории которого работает СМИ, в тот или иной конфликт и степень «жесткости» этого конфликта оказывают непосредственное влияние на уровень использования

имплицитных приемов воздействия на сознание аудитории. Более того, в условиях значительной вовлеченности государства в военный конфликт следует говорить о вторичности дискурса СМИ по отношению к политическому дискурсу. Средства массовой коммуникации фактически перестают быть «четвертой властью» и становятся лишь ретрансляторами высказываний тех или иных политиков. Медиакорпорации, считавшиеся «надежными» и «проверенными», распространяют фейковую информацию и активно участвуют в создании альтернативной медиареальности, далекой от действительности.

Также можно сделать вывод об активном влиянии внешних факторов (политической, экономической обстановки и др.) на лингвистические особенности телевизионного новостного дискурса и специфику работы тележурналистов. В частности, в условиях освещения гражданского противостояния на всех исследуемых телеканалах зафиксирован частичный отход от стандартов и норм современной тележурналистики. В условиях военного конфликта указанные нормы перестают действовать полностью. Объективная журналистика заменяется технологиями воздействия на общественное мнение. Ужесточение боевых действий приводит к резкому увеличению количества используемых манипулятивных приемов имплицитного воздействия. Также изменяются технологические условия производства новостных материалов, снижается их достоверность. Соответственно, можно сделать вывод, что телевизионный новостной дискурс является социально конституированным и социально конституирующим — внешние факторы влияют на процессы создания медиатекстов, а в дальнейшем журналисты с помощью медиатекстов пытаются формировать восприятие окружающей реальности у аудитории. На основании результатов исследования была разработана четырехступенчатая шкала, позволяющая проводить качественную оценку степени применения манипулятивных технологий в телевизионном новостном дискурсе.

Подытоживая, можно сделать вывод, что информационная война является важной и действенной составляющей военного конфликта. Исследования показали, что украинские и западные СМИ начали активную пропагандистскую

кампанию против концепции «Русского мира» и России еще на этапе гражданского противостояния на Украине и продолжали ее вести на протяжении всего исследуемого периода. В процессе организации информационного воздействия использовался широчайший спектр манипулятивных технологий, включая создание фейковых новостей и инфоповодов. Все это требует усиления работы по повышению медиаграмотности населения в России и организации эффективного информационного противодействия деструктивному влиянию зарубежных СМИ.

СЛОВАРЬ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ТЕРМИНОВ

Верстка: подготовка и расстановка в определенном порядке информационных материалов в выпуске новостей.

ВМЗ (БЗ): видеомонтажная заметка (без «закадра»); относительно краткая форма подачи материала в выпуске новостей, когда текст начитывает ведущий; ВМЗ записывается в случае, если видеоматериал, который собрала творческая группа, не годится для подготовки полноценного сюжета или у журналиста нет возможности осуществить выезд на съемки.

Закадровый текст: начитка текста журналистом «за кадром».

Инфографика: графический способ подачи данных, целью которого является быстро и четко преподнести сложную (статистическую) информацию.

Лайф: документальный эпизод жизни, часть видеоряда, которая идет с фоновым звуком, но без начитки закадрового текста («без комментариев»).

Лайф-ту-тэйп: особый вид съемки сюжета, при котором журналист постоянно находится в кадре и участвует в окружающих его событиях.

Локация: место съемки.

Отводка: текст ведущего, завершающий репортаж.

Подводка: текст ведущего, предваряющий репортаж.

Синхрон: видеозапись интервью или выступления респондента с качественным звуком; изображение говорящего человека в кадре.

Стендап: журналистский прием, когда журналист находится непосредственно в кадре, как правило, на месте освещаемого события.

Сюжет-«бантик»: материал занимательно-развлекательного характера, вызывающий положительные эмоции.

Титры: поясняющие надписи в телевизионном материале.

Шпигель: структурный элемент новостного выпуска, предваряющий его основную часть и представляющий собой краткие анонсы основных тем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблеев С. Р., Кузьминская С. И. Манипуляции массовым сознанием: политическая мифология и стратегия демонизации // Вестник Московского университета МВД России. — М., 2015. — №5. — С. 172–176.
2. Авдони́на Н. С. Журналистика и политика вооруженного конфликта: сравнительный анализ американской и отечественной прессы : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 10.01.10 / Авдони́на Наталья Сергеевна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2012. — 22 с.
3. Авдони́на Н. С. Журналистика и политика вооруженного конфликта: монография [Электронный ресурс] / Н. С. Авдони́на; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Электронные текстовые данные. — Архангельск: САФУ, 2018. — 170 с.
4. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / [А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов, П. Б. Паршин, О. И. Романова]; под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2003. — 642 с.
5. Артамонова И. М. Средства массовой коммуникации как катализатор информационных войн // Историческая память о великой победе как основа единства Донбасса и России (в рамках празднования 75-летия Великой Победы), — Донецк, 2020. — С. 93–107.
6. Артамонова И. М. Технологии информационной войны в современных медиа // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности, — Донецк, 2019. — С. 226–228.
7. Артамонова Ю. Д., Кузнецов В. Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. — М., 2008. — С. 99–117.
8. Бажалкина Н. С. К проблеме различных подходов к пониманию дискурса в современном языкознании // Вестник КемГУ. — Кемерово, 2016. — №1 (65). — С. 156–160.
9. Бачурин В. Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. — М., 2014. — №4. — С. 99–104.
10. Беляева И. В., Куликова Э. Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник ЧелГУ. — Челябинск, 2009. — №22. — С. 15–20.

11. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. Под ред., с вступ. статьей и коммент. Ю. С. Степанова. — Москва : Прогресс, 1974. — 447 с.
12. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса: Учебное пособие [Текст] / В. Г. Боботько. — Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л. Н. Толстого, 1981. — С. 8.
13. Борецкий Р. А. Беседы об истории телевидения. Лекции, прочитанные на факультете журналистики МГУ в феврале – мае 2010 г. [Текст]. / Р.А. Борецкий. — М.: Изд-во Икар, 2011. — 178 с.
14. Бурсевич В. В. Методология исследования идеологии в школе «автоматического анализа дискурса» М. Пешё / В. В. Бурсевич//Социальная онтология в структурах теоретического знания: Материалы VII Международной научно-практической конференции 1 октября 2015 года / Под общ. ред. О. Н. Бушмакиной, Н. Б. Поляковой. — Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. — С. 10–17.
15. Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. — М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019. — 224 с.
16. Вахтин Н. Б. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. — СПб. : Изд. Центр "Гуманитар. Акад." : Европ. ун-т в СПб., 2004. — 335 с.
17. Вирен Г. Современные медиа: Приемы информационных войн: Учеб. пособие для студентов вузов / Г. Вирен. — М.: Аспект Пресс, 2013. — 126 с.
18. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика — Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 2011. — №4, — С. 286–291.
19. Волков А. А. Филология и риторика массовой информации // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. — М., 2008. — С. 118–132.
20. Воронцова Л. В., Фролов Д. Б. История и современность информационного противоборства — М.: Горячая линия - Телеком, 2006. — 192 с.
21. Вьюркова Е. В. Понятие дискурса в лингвистике: формальный и функциональный подходы // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2016. — №5. — С. 63–67
22. Гаврилов К. Как делать сюжет новостей и стать медиатором / Константин Гаврилов. — СПб.: ТИД Амфора, 2007. — 299 с.
23. Гаймакова Б. Д. Основы редактирования телепередач / Учеб. пособие. — Москва, 2001. — С. 32.

24. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин — М.: Наука, 1981. — 144 с.
25. Голядкин Н. А. История отечественного и зарубежного телевидения: Учеб. пособие для вузов / Н. А. Голядкин. — 3-е изд., испр. — М.: ЗАО Изд-во «Аспект Пресс», 2014 — 191 с.
26. Грачева М. О. Телерепортаж как вид журналистского дискурса // Преподаватель XXI век. — М., 2013. — №2. — С. 325-330.
27. Дашкова А. Ю. Манипулятивные методы воздействия на массовое сознание // Вестник ПАГС. — 2010. — №1. — С. 74–77.
28. Дедов А. Н. Технологии телевизионной журналистики : учебное пособие. — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. — 200 с.
29. Дедова О. В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. — М.: МАКС Пресс, 2008. — 284 с.
30. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] : сборник работ / Т. А. ван Дейк; составление В. В. Петрова ; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. — Москва : Прогресс, 1989. — 310 с.
31. Дзялошинский И. М., Пильгун М. А. Медиатекст: особенности создания и функционирования. — М.: НИУ - ВШЭ, 2011. — 377 с.
32. Добровольская М. Б. Методология исследования имплицитной оценки // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 марта 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2019. — С. 61–66.
33. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления / Татьяна Добросклонская. — [б. м.] : [б. и.], 2020. — 180 с.
34. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — М.: «ЧеРо», Изд-во МГУ, 2000. — 344 с.
35. Егоров В. В. Телевидение: теория и практика. Учебное пособие — М.: Международный независимый эколого-политологический университет /факультет журналистики/, 1993. — 225 с.
36. Егоров В. В. Телевидение: Страницы истории. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 202 с.
37. Ермилов А. Живой репортаж: Профессиональные советы тележурналисту / А. Ермилов. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 112 с.
38. Жуков И. В. Критический анализ дискурса печатных СМИ: особенности освещения северокавказского конфликта 1998-2000 гг. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19. — Тверь, 2002. — 211 с.

39. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. — М., 1976. — 308 с.
40. Зверева Н. В. Школа тележурналиста / Н. В. Зверева — Нижний Новгород : Издательский дом Минакова, 2009. — 272 с.
41. Зефирова В. Л., Челноков В. М. История Гипертекста // Эврика! Научный портал. — [Электронный ресурс]. URL: <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=site&page=51> (дата обращения: 26.02.2024)
42. Иванов С. А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Известия АлтГУ. — Барнаул, 2013. — №4 (80). — С. 276–279.
43. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2016. — №5. — С. 28–37
44. Ивашов Л. Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. — М., 2002. — 250 с.
45. Ильина И. А. Проблемы изучения и восприятия гипертекста в мультимедийной среде Интернет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2009 // Институт повышения квалификации работников ТВ и РВ. — 20 с.
46. Ильченко С. Н. Трансформация жанровой структуры современного отечественного телеконтента: актуализация игровой природы телевидения // Автореферат дис. ... доктора филологических наук / Акад. медиаиндустрии. — Москва, 2012. — 48 с.
47. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 8-е, испр. и доп. — М.: ЛЕНАНД, 2017. — 308 с.
48. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. — 2-е изд., испр. — Х. : Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. — 352 с.
49. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ. Научный журнал — [электронный ресурс] URL: <http://discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml> (дата обращения: 26.02.2024)
50. Калмыков А. А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ. Научное издание / А. А. Калмыков; под ред. В. С. Хелемендика. — М.: Издательство ИПК работников ТВ и РВ, 2009. — 84 с.
51. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — М., 2016. — №1 (21). — С. 17–34.
52. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

53. Кваскова Л. В. Дисфемизация речи как коммуникативная тактика в дискурсе // Преподаватель XXI век. — М., 2016. — №2. — С. 352–357.
54. Кемарская И. Н. Телевизионный редактор. — М. : Аспект Пресс, 2007. — 191 с.
55. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. — М., 2009. — № 2. — С. 3–21.
56. Ким М. Н. Журналистика: методология профессионального творчества. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2004. — 496 с.
57. Ким М. Н. Репортаж: технология жанра. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2005 — 224 с.
58. Ким М. Н. Технология создания журналистского произведения. — СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. — 320 с.
59. Кириллова Н. Б. Аудиовизуальные искусства и экранные формы творчества : [учебное пособие]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. унта, 2013. — 154 с.
60. Кирия К. Д. Новостной телевизионный текст: структура, стратегия, экспрессивность : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Кирия Ксения Дмитриевна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. — Москва, 2007. — 25 с.
61. Кирия К. Д. Новостной телевизионный текст: структура, стратегия, экспрессивность: дис. ... канд. филол. наук / К. Д. Кирия. — М.: 2007. — 327 с.
62. Клеменова Е. Н., Кудряшов И. А. Текст репортажа в аспекте критического дискурс-анализа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. — Т. 14. № 6. — С. 140–145.
63. Клушина Н. И. Стиль массовой коммуникации: Учеб. пособие. — М. : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2010. — 64 с.
64. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.) : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Клушина Наталья Ивановна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. — Москва, 2008. — 57 с.
65. Князев А. А. Основы тележурналистики и телерепортажа. Учебное пособие/ Кыргызско Российский Славянский университет. — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2001. — 160 с.
66. Колесниченко А. В. Практическая журналистика. Учебное пособие. — М.: Изд-во Московского университета. 2008. — 192 с.
67. Копнина Г. А. Речевое манипулирование [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Г.А. Копнина. — 4-е изд., испр. — М. : ФЛИНТА, 2012. — 170 с.

68. Костоусов В. П. История телевидения. Телевидение в лицах, цифрах и событиях: учебное пособие / В. П. Костоусов. — Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. — 199 с.
69. Кравченко Н. К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа: научно-практич. пособие / Н.К. Кравченко. — Луцк : Волыньполиграф, 2012. — 251 с.
70. Краснаярова О. В. Текст и медиатекст: проблема дифференциации понятий // Вопросы теории и практики журналистики. — Иркутск, 2015. — №1, — С. 85–100.
71. Красных В. В. Основы психолингвистики: Лекционный курс. Изд. 2-е, дополненное.— М.: Гнозис, 2012.— 333 с.
72. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. — М. : Изд-во ИНИОН РАН, 2016. — №3. — С. 77–100.
73. Крынина О. Ю. Дефиниции понятия «Информационная война»: анализ российского и зарубежного опыта // Новые технологии. — Майкоп, 2009. — №3. — С. 68–70.
74. Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов. — М., 2008. — С. 183–209.
75. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. научно-информ. исслед. отд. языкознания. Редкол.: С. А. Ромашко, отв. ред. и др. — М., 2000. — С. 7–25.
76. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. — М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. — С. 144–238
77. Кубрякова, Е. С. Язык и знание / Е. С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
78. Кудрина Л. В. Структура новостных текстов и их лексические особенности (на примере социальных сетей и интернет-СМИ) : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Кудрина Лада Владимировна; [Место защиты: Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина]. — СПб, 2020. — 20 с.
79. Кузнецов Г. В. Так работают журналисты. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — 222 с.
80. Кузьмина Н. А. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. — Омск, 2011. — 414 с.
81. Ларина Т. В., Озюменко В. И., Пономаренко Е. Б. Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских

- информационных текстах // Вестник РУДН. — Серия: Лингвистика. 2011. — №2. — С. 28–37.
82. Леонов В. В. Качество информационного воздействия. — К.; Ирпень : Перун, 2011. — 368 с.
 83. Леонтьев А. А. Психология воздействия в массовой коммуникации // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов. — М., 2008. — С. 133–145.
 84. Лимитная справка №132 Сталинской студии телевидения на 4 квартал 1957 г. от 04.11.57 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4365. Д. 1. Л. 13.
 85. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд., доп. — М. : Большая рос. энцикл., 2002. — 709 с.
 86. Локтев Д. С. Редакционный нейтралитет в международном информационном телевидении : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.10 / Локтев Денис Сергеевич; [Место защиты: Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания]. — Москва, 2012. — 34 с.
 87. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.— 280 с.
 88. Маккаллах Керолл В. Новости на TV. — Перевод с англ. — 2 изд., исправ. — М.: Мир, 2004. — 285 с.
 89. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. — М.: МИФИ, 2003. — 388 с.
 90. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов / Пер. с англ. — Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2013. — 264 с.
 91. Методы анализа текста и дискурса / Тичер С. [и др.]. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. — 356 с.
 92. Минемуллина А. Р. Оценочные прилагательные как языковой инструмент информационной борьбы (на примере информационного противостояния украинских и российских СМИ периода 2013–2014 гг.) // Вестник ВятГУ. — Киров, 2014. — №11. — С. 160–167.
 93. Митина О. В., Евдокименко А. С. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация // Психология. Психофизиология. — Челябинск, 2010. — №40 (216). — С. 29–38.
 94. Михалёва О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2004. — 289 с.
 95. Михалкович В. И. О сущности телевидения. — М.: ВИПК работников телевидения и радиовещания, 1999. — 64 с.

96. Муратов С. А. Телевидение: эволюция нетерпимости. — М.: «Логос». 2000. — 241 с.
97. Муратов С. А. Телевидение в поисках телевидения. Хроника авторских наблюдений. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — 176 с.
98. Мэллет Малькольм Ф. Справочник для журналистов стран Центральной и Восточной Европы/ Малькольм Ф. Мэллет (ред.-сост.) — М.: Изд-во: «Права человека», 1998. — 101 с.
99. Николаева Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — Вып. 8. (Серия: Лингвистика текста). — С. 467–472.
100. Никольская Э. С. Работа репортера в редакции телевизионных новостей : учебное пособие / Э. С. Никольская. — М.: Издательство Аспект Пресс, 2021. — 136 с.
101. Новикова А. А. Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности [Текст] / А. А. Новикова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 236 с.
102. Обвинцева О. В. Манипулирование общественным сознанием в военном дискурсе СМИ посредством эвфемизмов и дисфемизмов / О. В. Обвинцева // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований : сб. науч. тр. / Рос. гос. проф.-пед. ун-т ; науч. ред. Т. А. Знаменская. — Екатеринбург : Издательство РГППУ, 2010. — С. 136–142.
103. Объяснительная записка к отчету за 3 квартал 1956 года Сталинской студии телевидения // Гос. архив ДНР. Ф. Р4365. Д. 2. Л. 32.
104. Объяснительная записка к проекту финансового плана Сталинской студии телевидения на 1958 год // Гос. архив ДНР. Ф. Р4365. Д. 1. Л. 182.
105. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции — к агрессии // Дискурс-анализ в 21 веке: теория и практика. — 2017. — №1. — С. 203–220.
106. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции - к агрессии // Вестник РУДН. — Серия: Лингвистика. 2017. — №1. — С. 203–220.
107. Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студентов вузов по спец. «Журналистика» / Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. — СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. — 272 с.
108. Отчет Комитета по радиовещанию и телевидению про работу на коллегии Республиканского комитета при Совете Министров УССР 14.08.59 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 278. Л. 8.

109. Отчет на бюро обкома КП Украины «О работе Комитета по радиовещанию и телевидению за 1958 год» // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 280. Л. 1.
110. Отчет о выполнении производственной программы Сталинской студии телевидения Главного управления радиоинформации за 1957 год от 03.01.58 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4365. Д. 5. Л. 93.
111. Официальный сайт телеканала «Оплот ТВ». — [Электронный ресурс] — URL: <https://telekanal-oplot.tv> (дата обращения 22.01.2024)
112. Павлова Е. К. Эмоционально-оценочная лексика в политическом дискурсе в условиях современной информационной войны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — №11-2 (77). — С. 129–131.
113. Падейский В. В. Проектирование телевизионных программ. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — 238 с.
114. Палажченко М. Ю. Эвфемизация военно-политической лексики как способ ведения информационной войны // Государственное управление. Электронный вестник. — М., 2017. — №61. — С. 298–309.
115. Пастухов А. Г. Медиатекст в гипертекстовом представлении (о некоторых способах выражения отношения к действительности) // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Самара, 15 марта 2010 года. — Самара: ПГСГА, 2010. — С. 95–102.
116. Пильгун М. А. Мультимедийный текст: особенности функционирования и перспективы развития // Учен. зап. Казан. ун-та. — Сер. Гуманит. науки. 2015. — №5. — С. 192–204.
117. Письмо председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров УССР от 03.04.1961 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 278. Л. 66.
118. Письмо Сталинскому обкому КП Украины от 27.11.1958 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 280. Л. 61.
119. Познин В. Ф. Техника и технология СМИ. Радио- и тележурналистика: учебник и практикум для академического бакалавриата / В. Ф. Познин. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 362 с.
120. Положение о редакционно-художественном совете Сталинской студии телевидения // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 277. Л. 79.
121. Потапова Р. К. Новые информационные технологии и лингвистика М., МГЛУ, 2002. — 576 с.
122. Почепцов Г. Г. Информационные войны — М.: Рефл-бук, 2001. — 576 с.

123. Приказ №14 Председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при исполкоме Донецкого областного совета депутатов трудящихся от 15.04.77 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 2449. Л. 20.
124. Приказ №15 Председателя комитета по радиовещанию и телевидению при Сталинском облисполкоме трудящихся от 05.02.1959 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 345. Л. 27.
125. Приказ №162 по Сталинской студии телевидения «О создании самодеятельной студии телевизионного актера» от 24.09.59 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4365. Д. 31. Л. 76.
126. Приказ №24 Председателя комитета по радиовещанию и телевидению при Сталинском облисполкоме трудящихся от 11.02.60 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 411. Л. 46.
127. Приказ №49 Председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при исполкоме Донецкого областного совета депутатов трудящихся от 27.11.75 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 2123. Л. 60.
128. Приказ №56 Председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при исполкоме Донецкого областного совета депутатов трудящихся от 03.04.62 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 550. Л. 115.
129. Приказ Министерства культуры СССР №339 от 21.06.56 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4365. Д. 1. Л. 139.
130. Протокол №6 заседания Комитета по радиовещанию и телевидению при исполкоме Сталинского облсовета депутатов трудящихся от 10.05.1959 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 281. Л. 35.
131. Протокол совещания «Образ современника в передачах Сталинской студии телевидения» // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 278. Л. 171.
132. Протокол совместного заседания Комитета по радиовещанию и телевидению и партийного бюро от 28.11.64 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 689. Л. 115.
133. Резниченко Д. В., Каштальянова Я. В. Приёмы информационной войны в современных СМИ (на примере политического конфликта России и Украины в 2014-2015 гг.) // Дискурс-Пи. — Екатеринбург, 2016. — №1. — С. 18–26.
134. Ремчукова Е. Н., Апостолиди А. А. Малоформатные медиатексты "новостного потока" в фокусе лингвистики: жанровые и языковые особенности // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — М., 2018. — №3. — С. 651–668.
135. Рождественский Ю В. Введение в общую филологию. — М., Высш. школа, 1979. — 224 с.
136. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. — Москва : Аграф, 1999. — 381 с.

137. Русакова О. Ф. Ишменев Е. В. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология») — Екатеринбург : Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. — С. 36–48.
138. Русакова О. Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология») — Екатеринбург : Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006, — С. 10–28.
139. Русакова О. Ф., Русаков В. М. PR-Дискурс: Теоретико- методологический анализ. — 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург: УрО РАН, ИД «Дискурс-Пи», 2011. — 336 с.
140. Самарцев О. Р. Творческая деятельность журналиста: Очерки теории и практики. Под общ. ред. Я. Н. Засурского. — М.: Академический Проект, 2007. — 528 с.
141. Саппак В. С. Телевидение и мы: Четыре беседы / В. С. Саппак — М.: Аспект Пресс, 2007. — 168 с.
142. Саруханов В. А. Азбука телевидения — М.: Аспект Пресс, 2002. — 223 с.
143. Свободин А. П. Откровения телевидения / А. П. Свободин. — М.: Изд-во Искусство, 1976. — 272 с.
144. Семкин М. А. Дискурс политического комментария в технологии ведения информационных войн (на примере отражения грузино-осетинского конфликта в российских и англоязычных СМИ) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — М., 2012. — №2. — С. 167-175.
145. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Пер. с франц. и португ. — М.: Прогресс, 1999. — С. 14–53.
146. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. — Екатеринбург, 2016. — №1. — С. 42-50.
147. Солганик Г. Я., Дроняева Т. С. Стилистика современного русского языка и культура речи: Учеб. пособие для студ. фак. журналистики / Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. — 3-е изд., стер. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 256 с.
148. Солганик Г. Я. Стилль репортажа. — М. : Изд-во Московск. ун-та, 1970. — 76 с.
149. Специфика информационной программы на региональном телевидении (на материале итоговой программы МБУ «Телевидение Нижневартовского района»): Монография / А. Е. Белькова [и др.]. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2016. — 148 с.

150. Справка о некоторых основных направлениях в работе Сталинского областного радио и телевидения и новых формах подачи материала // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 280. Л. 22.
151. Справка о работе областного комитета радиовещания и телевидения (секретарю Сталинского обкома КП Украины) // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 280. Л. 69.
152. Сталинскому телевизионному центру 60 лет, или Как все начиналось // Говорит Донецк. — [Электронный ресурс]. URL: <https://fromdonetsk.net/stalinskому-televizionnomu-tsentru-60-let-ili-kak-vse-nachinalos.html> (дата обращения: 20.02.2024)
153. Стивенс М. Производство новостей: телевидение, радио, Интернет. — К.: Изд. дом «Киево-Могилянская академия», 2008. — 407 с.
154. Тележурналистика: История, теория и практика. Документы, тексты. Учебное пособие / Науч. ред. В. П. Костоусов. Сост. И. С. Бродский, Л. М. Макушин. — Екатеринбург: Изд-во «Урал. ун-т», 2000. — 304 с.
155. Теория и практики массовых коммуникаций : учебник / В. В. Кафтан. — Москва : КНОРУС, 2018. — 454 с.
156. ТК Юнион / ТК UNION // MEDIOQ. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.medioq.com/UA/Donetsk/766228390133052/TK-Union> (дата обращения: 27.02.2024)
157. Тураева З. Я. Лингвистика текста. [Текст] / З. Я. Тураева — М.: Просвещение, 1986. — 127 с.
158. Философская энциклопедия — [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения: 22.01.2024)
159. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.
160. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. — СПб. : Наука, 2001. — 380 с.
161. Хилханова Э. В. Критический анализ дискурса: принципы, методы и практика (на примере дискурса СМИ) // Вестник БГУ. — Брянск, 2012. — №5А. — С. 136–140.
162. Хомутова Т. Н., Наумова К. А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. — Челябинск, 2017. — №3. — С. 49–53.
163. Хузеева Л. Р. Специфика телевизионного текста: учебно-методическое пособие / Л. Р. Хузеева. — Казань: Казан. ун-т, 2015. — 73 с.

164. Цвик В. Л. Телевизионная журналистика: История, теория, практика: Учебное пособие / В. Л. Цвик. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 382 с.
165. Цвик В. Л. Телевизионная служба новостей: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030601 «Журналистика» / В. Л. Цвик. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 319 с.
166. Шилина М. Г. Медиатекст в Интернете: теоретико-методологические подходы к исследованию // СКФУ — [электронный ресурс] URL: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/shilina_konfmt.pdf (дата обращения 12.02.2024)
167. Шкуратова Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики передачи сообщений о военном конфликте // Вестник КемГУ. — Кемерово, 2013. — №2 (54). — С. 204–209.
168. Шостак М. И. Репортер: профессионализм и этика. — Москва: «РИП-холдинг», 2002. — 165 с.
169. Щелкунова Е. С. Публицистический текст в системе массовой коммуникации. Специфика и функционирование : учеб. пособие // Е. С. Щелкунова; — М-во образования Рос. Федерации, Воронеж. гос. ун-т. 2004. — 194 с.
170. Щербатых Ю. В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 720 с.
171. Энциклопедия «Кругосвет» / под ред. Ю. Л. Авербаха [и др.]. — [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/> (дата обращения: 27.02.2024)
172. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 664 с.
173. Bell A. Approaches to Media Discourse. — Blackwell, London, 1998. — 304 p.
174. Croft W. Autonomy and functionalist linguistics — [JSTOR: Электронная библиотека]. URL: <https://www-jstor-org.translate.goog/stable/416218/> (дата обращения: 22.01.2024)
175. Dijk van Teun A. Ideology and discourse. A multidisciplinary introduction / Dijk van Teun A. — Barcelona: Ariel, 2003. — 365 p.
176. Dijk van Teun A. News as discourse / by Teun A. van Dijk, — Hillsdale, New Jersey, L.: Lawrence Erlbaum Associates. Publ., 1988. — 200 p.
177. Fairclough N. Media discourse / N. Fairclough. — London : Arnold, 1995. — 214 p.
178. Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language / N. Fairclough. — New York: Longman, 1995. — 265 p.

179. Fairclough N. Textual analysis for social research / N. Fairclough. — New York: Routledge, 2003. — 270 p.
180. Halliday M. A. K. Explorations in the Functions of Language. [Text] / M. A. K Halliday. — London.: Edward Arnold, 1974. — 143p.
181. Harris Z. Discourse analysis / Z. Harris // Language. — 1952. — № 1. — P. 1–30.
182. Kress G., Leeuwen T. van. Reading images: A grammar of visual design. — L.: Routledge, 2006. — x, 288 p.
183. Lemke Jay L. Textual Politics: Discourse And Social Dynamics — London: Taylor & Francis, 1995. — 208 p.
184. Nelson Th. H. A file structure for the complex, the changing and indeterminate // ACM 20th National Conference, Cleveland; Ohio, 1965. — New York: Association for Computing Machinery (ACM), 1965. — P. 84–100
185. Newmeyer F. Generative grammar and functional explanation [Веб-сервер Университета Вашингтона]. URL: https://faculty.washington.edu/fjn/Newmeyer_handouts.pdf/ (дата обращения: 20.01.2024)
186. Oxford Advanced Learner's Dictionary of current English / A. S. Hornby with A. P. Cowie, A. C. Gimson. — 26. impr. — Oxford etc. : Oxford univ. press, 1987. — 1041 p.
187. Potter J., Wetherell M. Discourse and Social Psychology. — L. : Sage, 1987. — 216 p.
188. Probert D. AS/A-Level Media Studies Essential Word Dictionary. — Oxford: Philip Allan Publ., 2005. — 164 p.
189. The Handbook of discourse analysis / edited by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, and Heidi Hamilton — Malden, Massachusetts: Blackwell Publishers Ltd, 2001. — 851 p.
190. Wodak R. Aspects of Critical Discourse Analysis. / Wodak, Ruth // Zeitschrift für Angewandte Linguistik, Vol. 36, 2002, — P. 5–31.
191. Wodak R. Language, Power and Ideology: Studies in political discourse. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1989. — 288 p.
192. Wodak R. Disorders of discourse. — L.; N.Y.: Longman, 1996. — 200 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

193. Архив выпусков программы «Время новостей Донбасса» / Видео / Телеканал «Донбасс». — [Электронный ресурс]. URL: <http://novosti.donbass.tv/vremya/page-1/> (дата обращения: 28.02.2024)

194. Видео / Телеканал Донбас 24 / YouTube. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/@ochevidecdonbass/videos> (дата обращения: 26.02.2024)
195. Программа телевидения, сценарии. 1960 г. Ч. 2 // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 1490. Л. 103–211.
196. Videos / ABC News / YouTube. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/@ABCNews/videos> (дата обращения: 27.02.2024)
197. Videos / BBC News / YouTube. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/@BBCNews/videos> (дата обращения: 29.02.2024)